ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2023. Т. 68, № 4

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2023. Т. 68, № 4

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь, свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь

И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский национальный технический университет, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации, по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
П. П. Толочко – Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2023. Т. 68, № 4.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Л. И. Кудерко*

Подписано в печать 11.10.2023. Выход в свет 25.10.2023. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 74 экз. Заказ 231.
Цена номера: индивидуальная подписка – 12,80 руб., ведомственная подписка – 29,91 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2023, vol. 68, no. 4

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Alexander Alexandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belsky – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Vladimir V. Gnilomedov – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Alexander I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Grigory A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vasily L. Gursky – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Alexander I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the of Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Editorial Council:

Alexander N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center "Nauka" of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Petr P. Tolochko – Institute of Archeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2023, vol. 68, no. 4.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *L. I. Kudzerka*

Signed to print on 11.10.2023. Published on 25.10.2023. Format 60×84 1/8. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 74 copies. Order 231.
Number price: individual subscription – BYN 12.90, departmental subscription – BYN 29.91.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2023

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Ксенофонтов В. А. Прогнозные основания развития военной сферы национальной безопасности 271
Старовойтова А. В. Управление социальным потенциалом информационной среды как основа демографической устойчивости 290

ГІСТОРЫЯ

Неклюдова Т. А. Деревянный гребень из раскопок средневекового Пинска: опыт комплексного исследования 299

МОВАЗНАЎСТВА

Юйцинь Пань. Процессы заимствования иноязычной лексики в русском и китайском языках конца XX – начала XXI в. (сравнительный аспект) 308

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Горанская Т. Г., Ничипорович А. О. Современные подходы к определению ценности архитектурного наследия 323

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Дуктава Л. Г. Мастацкае ўвасабленне нацыянальных культурных кодаў у беларускім эпасе 333

ЭКАНОМІКА

Тетеринец Т. А. Концептуальные направления рурализации человеческого капитала 341

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Ksenofontov V. A. Predictive bases of development of the military sphere of national security 271
Starovoitova A. V. Managing the social potential of the information environment as a basis for demographic sustainability 290

HISTORY

Nekliudova T. A. A Wooden comb from the excavations of medieval Pinsk: an experience of comprehensive research 299

LINGUISTICS

Yuqin Pan. Processes of borrowing vocabulary in the Russian end Chinese languages of the end of XX – beginning of XXI centuries (comparative aspect) 308

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Goranskaja T. G., Nichiporovich A. O. Contemporary approaches to determining the value of architectural heritage 323

LITERARY SCIENCE

Duktava L. G. Artistic embodiment of national cultural codes in the Belarusian epic 333

ECONOMICS

Tsetsiarynets T. A. Conceptual trends in the ruralization of human capital 341

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 355. 01 (476)
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289

Поступила в редакцию 28.10.2022
Received 28.10.2022

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, Минск, Беларусь

ПРОГНОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются методологические аспекты анализа и прогнозирования военно-политической обстановки в контексте союзного строительства, влияющие на военную сферу национальной безопасности. Анализируются негативные факторы, свидетельствующие о дисбалансе системы обеспечения глобальной и региональной безопасности. Понимание развития военного конфликта в виде «лестницы эскалации» позволит политическим и военным руководителям не допустить потери управляемости конфликтом. Рассматриваются основные тенденции военно-политической обстановки, определяющие военные опасности и угрозы Союзному государству, а также особенности ее развития в рамках среднесрочного и долгосрочного прогнозов. Вызовы и угрозы военной безопасности Беларуси и России будут иметь комплексный и разнонаправленный характер, затрагивая все сферы деятельности государств. Задача их внешней и военной политики – укрепление международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Определяются основные особенности военных конфликтов и вооруженной борьбы в XXI в. Делается вывод, что мирное развитие белорусского государства в условиях нарастания военного насилия возможно при условии гарантированного обеспечения военной безопасности государства. Актуальными являются непрерывное прогнозирование международной и военно-политической обстановки, совершенствование военной организации государства, единство государственной власти, армии и народа страны. Основная военно-стратегическая задача для политической элиты государства – сдерживание агрессии в любых ее проявлениях.

Ключевые слова: Беларусь, Россия, военная сфера национальной безопасности, международные отношения, военно-политическая обстановка, прогнозирование, военный конфликт, военная организация государства, военная опасность, военная угроза

Для цитирования: Ксенофонтов, В. А. Прогнозные основания развития военной сферы национальной безопасности / В. А. Ксенофонтов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 271–289. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289

Vladislav A. Ksenofontov[1]

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

PREDICTIVE BASES OF DEVELOPMENT OF THE MILITARY SPHERE OF NATIONAL SECURITY

Abstract. The methodological aspects of analysis and forecasting of military-political situation in the context of alliance building, influencing the military sphere of national security, are shown. Negative factors indicating the imbalance of global and regional security assurance system are revealed. It is emphasized that understanding of military conflict development in the form of an “escalation ladder” will allow the political and military leaders to prevent the loss of controlability of the conflict. The main trends of military and political situation determining military dangers and threats to the Union State, as well as the peculiarities of its development in the medium- and long-term forecasts were revealed. It has been specified that challenges and threats to the military security of Belarus and Russia will be of a complex and multidirectional nature, affecting all spheres of their activities. The task of their foreign and military policies is strengthening international security and strategic stability on the global and regional levels. The main features of military conflicts and armed struggle in the XXI century are defined. It is concluded that peaceful development of the Belarusian state in the conditions of increasing military violence is possible under the condition of guaranteed provision of military security of the state. It is important to continuously forecast the international and military-political situation, to improve the military organization of the state, the unity

© Ксенофонтов В. А., 2023

of the state power, the army and the people of the country. The main military strategic task for the political elite of the state is to deter aggression in any of its manifestations.

Keywords: Belarus, Russia, military sphere of national security, international relations, political-military situation, forecasting, military conflict, military organization of the state, military danger, military threat

For citation: Ksenofontov V. A. Predictive bases of development of the military sphere of national security. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 271–289 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-271-289

Введение. Условия геополитической турбулентности и нестабильности международных отношений существенно влияют на военно-политическую обстановку и обеспечение национальной безопасности государства. Данные обстоятельства требуют постоянного интеллектуально-аналитического сопровождения решений в области управления всеми видами безопасности государства. Особое значение в условиях нарастания военного насилия в мире и тенденций его эскалации в регионе приобретает гарантированное обеспечение военной безопасности Беларуси [1].

Развитие международных отношений свидетельствует о стремлении западной локальной человеческой цивилизации (по А. И. Подберезкину) навязать собственную систему ценностей другим субъектам международных отношений. В этих целях используются различные сценарии воздействия. При этом степень недружественных (насильственных) действий на противников существенно возрастает, используется весь арсенал силового воздействия от политико-идеологического «убеждения» до военно-силового принуждения.

В условиях возрастания роли информации и научного знания в социальном развитии важнейшей частью современного межгосударственного противоборства является идеологическое и информационно-психологическое (ментальное) воздействие на противоположную сторону с целью подчинения ее воли субъекту доминирования [2; 3]. Объектом такого поражения являются: национальные интересы, система общественно-политического устройства, национальная безопасность, социально-политическое развитие отдельных стран, их внешнеполитическая деятельность в системе международных отношений [4, с. 5].

В рамках реализации геополитического закона фундаментального дуализма – противопоставление морского могущества (талассократия) и сухопутного могущества (теллурократия) или борьбы цивилизаций Моря и Суши – Республика Беларусь объективно втянута в глобальное противоборство между Западом и Востоком со всеми вытекающими последствиями.

Сложность, противоречивость и высокая динамика международной и военно-политической обстановки, неопределенность мировой политики, существующие и потенциальные вызовы и угрозы международной и национальной безопасности требуют эффективных действий по обеспечению национальной безопасности в военной сфере, созданию благоприятных условий для реализации национальных интересов Беларуси.

В сложившихся обстоятельствах возникает необходимость укрепления всей системы национальной безопасности и ее составляющих. С учетом возрастания в международной обстановке использования военно-силового фактора особое место принадлежит именно военной сфере национальной безопасности, от рационального функционирования которой зависит не только защищенность личности и общества от военных опасностей и угроз, но и перспективы развития белорусского социума. Следовательно, прогнозирование тенденций развития военной сферы национальной безопасности выступает актуальной научной и практической задачей в интересах сохранения и развития государства.

Основная часть. Термин «прогноз» (от гр. *prognosis*) обозначает предвидение, понимаемое как получение информации о будущем состоянии и перспективах развития какого-либо объекта, предмета, процесса, события. Военный ученый А. С. Коржевский отмечает: «Функция прогноза заключается в подготовке научной информации для тех органов, которые разрабатывают планы, программы, а также принимают управленческие решения» [5, с. 22].

Отметим, что проблемы военной футурологии и ее развития неоднократно обсуждались на страницах военно-теоретического журнала «Военная мысль». Активную позицию в этом вопросе занимали ученые-фронтовики. В частности, профессор И. Н. Воробьев отмечал: «Футурология по своей сути является философской прогностической наукой, поскольку ее принципы,

составляющие «опорную сеть» научных исследований, всецело вытекают из принципов диалектики – это единство анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных методов; всесторонность исследования; аргументированность и объективность выводов; активная поисковая направленность; использование военно-исторического опыта. Образно говоря, футурологический прогноз – это «прыжок через разрыв информации», обнаружение сущности грядущих военных явлений при очевидной неполноте исходных данных» [6]. Профессор В. Д. Рябчук акцентировал внимание на «резком повышении роли и значения интеллекта, информации, прогнозирования в любых формах противоборства – военного и невоенного – и их сочетании» [7].

Правомерен подход аналитиков НИИ Вооруженных Сил Республики Беларусь, заключающийся в том, что «для реализации стратегического сдерживания чрезвычайно важно прогнозировать дальнейшие изменения военно-политической обстановки, предупреждать возникновение военных угроз на ранних стадиях их зарождения, а не пассивно ждать, когда они проявятся и вызовут необходимость им противодействовать, но уже с дополнительными различного рода затратами, а то и потерями» [8, с. 10].

В объем понятия «прогнозирование» входит понятие «военное прогнозирование», представляющее процесс разработки прогнозов в области деятельности военной организации государства [5, с. 23].

Нас же интересуют основные вопросы более широкого прогнозирования, влияющие на функционирование всей военной подсистемы национальной безопасности. В условиях нарастания противоречий в современном мире и увеличения насильственных способов их разрешения важнейшим условием обеспечения гарантированной военной безопасности государств является *постоянный анализ международной и военно-политической обстановки.*

Разделяем позицию ученого-международника А. И. Подберезкина, что «именно состояние международных отношений имеет приоритетное значение, предопределяя во многом состояние военно-политической обстановки и, как следствие, – стратегической обстановки. Иными словами, состояние международных отношений как основной системы, характеризующей отношения субъектов и акторов в мире, является общим для состояния военно-политической обстановки, которая является частью этой системы (подсистемой), а стратегическая обстановка, войны и конфликты – подсистемами еще более низкого уровня, но оставаясь частью общей системы глобальных международных отношений» [9, с. 14]. Кроме того, «именно состояние международных отношений и, в частности, военно-политической обстановки создает *внешние условия развития государства, которые могут быть благоприятными или неблагоприятными либо даже угрожающими»* [9, с. 15].

Не выделяя отдельно тенденции развития современного мира, остановимся на важнейшей компоненте анализа, оказывающей непосредственное влияние на военную сферу национальной безопасности, военно-политической обстановке. Подчеркнем, что «методология военно-политического прогнозирования должна учитывать перспективы развития форм, способов, средств вооруженной борьбы и иных сопутствующих действий эвентуального противника, динамику изменения социально-экономических, социально-политических, религиозных, национальных и других противоречий, выявленных в результате непрерывного мониторинга и анализа происходящих событий в мире, регионе и собственной стране» [8, с. 10].

Как правило, прогнозы делятся на краткосрочные (до 5 лет), среднесрочные (до 10 лет) и долгосрочные (свыше 10 лет). При этом цель военно-политического прогнозирования – анализ и оценка на заданный период состояния межгосударственных, пограничных, межконфессиональных, экономических и иных противоречий, решение которых допускает возможность применения сторонами военной силы [8, с. 10].

Обычно в качестве исходной точки прогнозирования рассматриваются следующие признаки:

существование или появление у предполагаемого агрессора интересов к объекту агрессии, для достижения которых потребуется применение военной силы;

способность его вооруженных сил осуществлять стратегическое развертывание и вести наступательные действия;

проведение различного рода учений (тренировок) с наступательной направленностью в непосредственной близости от границ объекта агрессии;

наличие инфраструктуры, способной обеспечить эффективное применение вооруженных сил, а также взаимосвязанные с ними признаки в политической, экономической и других сферах деятельности [8, с. 10].

Итак, военно-политическая обстановка как сложное и комплексное явление имеет свою *структуру*, которая включает: 1) субъекты военно-политической обстановки; 2) интересы и цели данных субъектов; 3) расстановку и соотношение сил субъектов; 4) конкретные реальные обстоятельства, события, военно-политические процессы, влияющие на деятельность субъектов военно-политической обстановки [4, с. 8].

Обратим внимание, что в ходе анализа военно-политической обстановки учитываются как внешние, так и внутренние вызовы и угрозы системе международной и национальной безопасности.

Республика Беларусь, исходя из геополитических интересов, совокупного потенциала государства, приоритетного направления в коалиционной военной политике, укрепляет систему коллективной безопасности и развивает отношения с Российской Федерацией в рамках Договора о создании Союзного государства, а также принимает комплекс мер в целях поддержания необходимого военного потенциала и предотвращения военных угроз Союзному государству и отражения агрессии на общем оборонном пространстве [10, ст. 20; 11].

Закономерно, что в утвержденной в ноябре 2021 г. Военной доктрине Союзного государства выделен раздел «Военно-политическая обстановка», в котором отмечается, что «военно-политическая обстановка, складывающаяся вокруг Союзного государства, характеризуется возрастанием негативных процессов в сфере глобальной и региональной безопасности, обусловленных как геополитическим соперничеством между ведущими мировыми державами, так и столкновением интересов отдельных государств (коалиций государств)» [12, ст. 6].

Указанные проблемы и противоречия не являются принципиально новыми, они заключены в геополитических концепциях и сценариях их реализации ведущих государств Запада (США, Великобритании) и их союзников по Североатлантическому альянсу [13]. В определенной степени новыми являются стратегии доминирования, охватывающие все сферы человеческой жизнедеятельности и трансформирующие войны в сложное системное и многосферное явление, имеющее гибридный характер [14–16].

Анализ и оценка военно-политической обстановки, проведенные в рамках строительства Союзного государства, позволили выделить основные *негативные факторы*, влияющие на состояние и развитие военно-политической обстановки:

высокая активность процессов в экономической и политической сферах, которые сопровождают формирование полицентрической международной системы отношений;

попытки изменения ценностных ориентиров и моделей развития, дискредитации культур, религий и цивилизаций, фальсификации истории, способствующие нарушению духовно-нравственных связей родственных народов;

противодействие со стороны некоторых международных организаций, иностранных государств развитию Союзного государства, ОДКБ, а также других интеграционных образований на международной арене с участием Республики Беларусь и Российской Федерации;

наличие вблизи границы государств-участников очагов военных конфликтов;

наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора на внешней границе Союзного государства;

применение военной силы в нарушение действующих норм международного права, обусловливающее дестабилизацию международной обстановки;

применение в военных конфликтах военной силы в сочетании с политической, финансово-экономической, информационной и другими формами борьбы;

обострение социальных противоречий в Европейском регионе [12, ст. 7].

Перечисленные негативные факторы свидетельствуют о дисбалансе существующей системы обеспечения как глобальной, так и региональной безопасности, а также о высокой степени военной активности западных геополитических центров силы и их потенциальной готовности прибегнуть к военно-силовому сценарию для продвижения своих интересов. Это в свою очередь

требует постоянного мониторинга военно-политической обстановки и на этой основе «гибкой и адекватной корректировки военной политики» как Республики Беларусь, так и Союзного государства [12, ст. 7].

Важным элементом военно-политической обстановки является смена парадигмы военного конфликта с классического на неклассический, который не предполагает прямых военных действий, а преследует цель лишить противника возможности сопротивляться и упростить достижение победы. Эти методы противоборства получили название «неклассическая война» и «гибридная война» [17; 18; 19–24].

Российские военные аналитики отмечают: «Гибридность войн XXI века основана на совместном целевом применении невоенных и военных методов и средств противоборства. При этом невоенные меры превалируют над военно-силовыми действиями в условиях мирного времени и периода непосредственной угрозы агрессии, а по своей эффективности во многих случаях невоенные технологии значительно превышают эффективность применяемых военно-силовых методов. Кроме того, открытое применение военной силы в гибридных войнах является инструментом силового принуждения страны-мишени и реализации военных угроз, которые проявляются при недостижении целей предыдущих этапов гибридной агрессии» [14, с. 22].

США и их союзники в начале столетия активно использовали методы гибридного противоборства в странах Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии, затем продолжили их применение после 2010 г. в арабских странах Ближнего Востока и в отношении стран бывшего СССР (Украина) [4, с. 9].

Кроме уяснения смены парадигмы военного конфликта, важнейшее условие прогнозирования – определение возможностей его эскалации и развязывания [25]. Развитие военного конфликта может быть представлено в виде «лестницы эскалации». Еще в середине 1960-х гг. американский ученый Герман Кан разработал «лестницу эскалации», состоящую из 44 ступеней, отражающую масштабность и разрушительность войны, на которой верхний уровень именовался «спазматической войной», в ходе которой применялось бы неограниченно ядерное оружие [25, с. 55].

Государственные и военные деятели России разработали современную *«лестницу эскалации»*, которая не имеет законченного характера и включает 17 ступеней. Ступени лестницы снизу вверх выглядят следующим образом:

1) ***обострение обстановки***, включающее в себя активизацию информационного противоборства, в том числе информационные операции по дестабилизации внутриполитического положения противоположной стороны, экономические санкции и др.;

2) ***обмен угрожающими заявлениями*** о возможном применении военной силы, в том числе для защиты своих друзей и союзников;

3) ***обостряющийся политический кризис*** с повышенной интенсивностью ведения информационного противоборства, демонстрацией военной силы в «серой зоне», но без ее боевого применения (активизация противоборства в «серой зоне» предполагает также и горизонтальную эскалацию);

4) ***«гибридная война»***, неотъемлемой частью которой является ограниченное боевое применение военной силы (особенно сил спецопераций, а также наемников («прокси»), ЧВК и т. п.) наряду с широкомасштабным использованием политических, информационно-психологических, экономических и других средств, свойственных «гибридной войне»;

5) ***преднамеренная или непреднамеренная провокация (инцидент)*** во взаимодействии великих держав, повлекшая (повлекший) за собой гибель людей и серьезный ущерб военной технике;

6) ***локальная «обычная война»*** с ограниченными политическими целями противоборствующих сторон и ограниченным применением военной силы по времени и месту, без использования средств массового поражения и без широкомасштабного применения боевых кибероперацій применительно к гражданским объектам, с задействованием лишь определенной части сил общего назначения и обычных средств поражения;

7) ***региональная война с ведением боевых действий на суше, в воздухе и на море*** без поражения любых космических аппаратов, с проведением боевых кибероперацій более широких

масштабов, нежели в случае локальной войны. Такая война в условиях возрастающего уровня взаимозависимости в мировой экономике, производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, энергетике и т. д. чревата разрушением цепочек поставок, нарушением торговых путей, потрясениями финансовых рынков и в целом мировым экономическим кризисом огромных масштабов;

8) ***ограниченная «обычная война» с поражением (физическим уничтожением или функциональным поражением) в тех или иных масштабах космических аппаратов*** без поражения спутников системы предупреждения о ракетном нападении;

9) ***крупномасштабная «обычная война»*** без поражения крупных городских агломераций, химпроизводств, атомных электростанций и т. д., с применением «кибероружия» лишь против объектов военного назначения как на ТВД, так и за их пределами;

10) ***крупномасштабная «обычная война» с проведением боевых кибероперация***, направленных на нарушение системы государственного управления и на поражение важных гражданских элементов инфраструктуры другой стороны;

11) ***«обычная война»*** с поражением крупных городских агломераций, с разрушением химпроизводств и атомных электростанций (при этом поражение крупных объектов химического производства, атомных электростанций с масштабным химическим и радиационным заражением, чреватым гибелью множества людей, что можно приравнять к применению оружия массового поражения);

12) ***«ядерный конфликт»*** – кризисная ситуация, в которую вовлечены один или несколько обладателей ядерного оружия, а противостояние доходит до уровня, когда одна или более сторон начинают использовать ядерное оружие в качестве инструмента прямого политико-военного давления. *«Ядерный конфликт» может возникнуть скачкообразно, без прохождения отмеченных выше стадий локальной «обычной войны», региональной войны и др.;*

13) ***преднамеренное или непреднамеренное уничтожение обычными средствами (средствами ПЛО) ПЛАРБ*** одной из великих держав (в том числе неопознанной «третьей стороной»);

14) ***демонстрационное применение ядерного оружия*** в пустынной местности без поражения людей, военных и экономических объектов;

15) ***война с ограниченным применением ядерного оружия*** по реальным военным объектам, вооруженным силам другой стороны;

16) ***война с применением стратегических ядерных сил в «контрсиловом» варианте*** с попыткой избежать поражения гражданского населения и важных объектов экономики противника;

17) ***война с массированным применением ядерного оружия и других видов оружия массового поражения***, в том числе по крупным городским агломерациям [25, с. 60–65]. Причем разработчики отмечают, что «в ходе развития кризиса под воздействием того или иного комплекса факторов могут происходить как скачки вверх эскалации, так и ее ускоренное распространение по горизонтали» [25, с. 69].

Следует подчеркнуть, что понимание «лестницы эскалации» политическими и военными управленцами позволяет не допустить развития ситуации, ведущей к потере управляемости. Как отмечают авторы, «управление эскалацией – это и политико-дипломатическая, и оперативно-стратегическая задача; действия и политиков (и дипломатов), и военных должны быть направлены на недопущение перехода конфликта в неуправляемую стадию, чреватую взаимоуничтожающей войной» [25, с. 83].

По мнению ученых и практиков в области национальной безопасности, конфронтационная политика США против России и Китая, а также активное применение в ней инструментов гибридной агрессии, гонка вооружений и рост военной напряженности в Европе и Азии в совокупности резко повышают опасность непреднамеренного военного столкновения Россия – НАТО и Китай – США и их союзников, которое может затем перерасти в полномасштабную войну. Таким образом, повышается угроза войны между ядерными державами, находившаяся после окончания холодной войны на относительно низком уровне [4, с. 10].

В условиях глобальной нестабильности и конфронтации США и России сохраняется высокая вероятность развития «прокси»-конфликтов между Вашингтоном и Москвой, что повышает

риск непреднамеренного военного столкновения между ними, затрагивающего интересы Минска как стратегического партнера Москвы.

Состояние глобальной безопасности усугубляется тем, что отношения России и США, России и Запада в целом находятся на низком уровне, сравнимом с периодом холодной войны. Это затрудняет согласование позиций, возможное ведение переговоров, снижает взаимное доверие. Ситуация усугубляется еще и проведением Россией специальной военной операции в Украине.

При этом военными инструментами политики США и НАТО по сдерживанию России являются следующие:

создание военной инфраструктуры и де-факто постоянного военного присутствия (в нарушение Основополагающего акта Россия – НАТО) на территории Польши и стран Балтии;

развертывание системы ПРО в Румынии и Польше, фактическое признание того, что она имеет антироссийский характер (будет использована против Российской Федерации в случае военного конфликта России и НАТО);

активное применение инструментов «гибридной войны» (огульная антироссийская пропаганда и обвинения во всевозможных преступлениях, кибероперации и пр.);

расширение присутствия в регионах Балтийского, Баренцева и Черного морей, регулярные патрулирования вблизи российской территории и периодические провокации с приближениями к российским границам и ее воздушным/морским судам [4, с. 14].

Характер развития военно-политической обстановки свидетельствует, что *военная активность НАТО на границе Беларуси и Союзного государства будет только возрастать*. В последние годы явно обозначилась тенденция, что в целях сохранения и усиления своего доминирующего положения на мировой арене НАТО наращивает в Европе численность войск и количество военных учений, сценарии которых имеют явно антибелорусскую и антироссийскую направленность.

Современный мир оказался в эпицентре рукотворного хаоса и глобальной турбулентности. Военные силы крупнейших держав находятся в состоянии повышенной боеготовности. Помимо постоянных учений ведутся реальные военные действия на Ближнем Востоке, Африке, Кавказе, Украине и других регионах. Создаваемые и управляемые потоки беженцев в Европу также можно считать отдельной частью учений. Следовательно, власти, милиция и войска должны обрести необходимые навыки управления массами в условиях чрезвычайных обстоятельств.

Очевидными являются стратегия и главные элементы тактики конструкторов глобальной турбулентности. Даже цели военных учений страны НАТО перестали скрывать – захват части белорусских и российских территорий, уничтожение военной инфраструктуры и др.

Несмотря на меняющийся расклад сил в мире, США в перспективе не оставят попытки строить миропорядок в политико-экономической, военно-стратегической, культурно-духовной и других сферах для продолжения своей гегемонии. Вашингтон продолжит стремиться к демонтажу географических, экономических и прочих границ, слому иных ограничений с целью подчинения глобальных ресурсов мира своим национальным интересам [4, с. 21].

Кроме действующих зон конфликта, по мнению экспертов в области национальной безопасности, следует ожидать новые очаги напряженности: Беларусь, Казахстан, Армения, Туркменистан и др. Обратим внимание, что основным инструментом современного и будущего противоборства останется не оружие физического уничтожения сил противника и его инфраструктуры, а применение новейших информационных технологий и социально-психологических методов воздействия на сознание военно-политического руководства и всех слоев общества противоборствующей стороны [4, с. 22]. Можно утверждать, что *технология ментальной войны получит свое дальнейшее развитие*. Это совсем не означает, что модернизация военной силы уходит на второй план.

Военно-силовое противоборство – главная особенность развития современного сценария международных отношений, которая реализуется в форме иррегулярной войны, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего институты развития человеческого потенциала: некоммерческие организации, университеты, СМИ и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного

общества и экономики – творческий класс [4, с. 23]. Объектом операций в иррегулярной войне становится население, а правящая элита страны – объектом нападения.

Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном еще в мае 2010 г. [4, с. 24]. Следовательно, современный сценарий развития международных отношений – сценарий развития силового противоборства, эскалация которого ведет с высокой степенью вероятности к его переходу в военно-силовую фазу, исключающую в качестве основ политики формы мирного сотрудничества [4, с. 24].

В настоящее время можно с уверенностью говорить о новых правилах игры в международной политике, которые устанавливаются на длительный срок. Эти правила характеризуются резким повышением роли военной силы, широчайшим применением инструментов экономического давления и войны, растущей идеологизацией внешней политики, являющейся следствием нарастания внутриполитических противоречий в крупнейших странах [4, с. 33].

В последние годы значительно расширяется сфера противостояния в связи с возрастанием в международном противоборстве удельного веса политико-дипломатических, экономических, информационных, кибернетических, психологических средств и способов достижения политических целей. Поэтому сегодня ставится вопрос о кардинальном изменении дефиниции самой войны и всей системы знаний, связанных с ее пониманием [4, с. 42].

Многие ученые и практики в последние годы опубликовали свои труды по комплексному осмыслению феномена войны. Среди них А. И. Владимиров, И. М. Попов, М. М. Хамзатов, А. А. Кокошин, А. Д. Куманьков, А. И. Подберезкин, А. А. Бартош, С. М. Иншаков и др. [21; 26–32]. Это солидный научно-теоретический фундамент для ее понимания. Но военные конфликты имеют закономерность развиваться быстрее, нежели мирные отношения, кроме того, мы порой не успеваем их системно проанализировать.

В постбиполярном мире беспрецедентно ускорилось применение инновационных, в первую очередь цифровых, технологий для насильственного воздействия на противоборствующую сторону. Современное межгосударственное противоборство использует все возможные средства, методы, технологии и ресурсы, прибегая к шантажу, пропаганде, информационным манипуляциям, экономическим санкциям, угрозам применения силы, военным операциям, а также к физическому уничтожению или дискредитации неугодных политических лидеров. При этом агрессор действует комплексно, по ситуации, применяя различные комбинации вышеперечисленных ресурсов и методов, придерживаясь согласованного единого плана, который в научных кругах определен как гибридная война [4, с. 43]. Коэффициент полезного действия гибридной войны во многом определяется экономическим эффектом. Как следствие, финансовая составляющая часто преобладает над остальными.

Цивилизация входит в фазу перманентных войн, не прекращающихся ни на минуту. Это обусловлено появлением новых возможностей и средств ведения войны. Еще в начале XX в. А. Е. Снесарев отмечал, что «война пошла вглубь» и все больше ведется «не только мечом». Процесс глобализации и развитие информационно-технологических возможностей современного мира привели к появлению субъектов новой войны, которые наряду с военно-силовыми методами ведения войны обычного типа стали использовать невоенные, опосредованные действия [4, с. 43].

Современные *гибридные угрозы* можно определить как совокупность методов военно-силового, политико-дипломатического, финансово-экономического, информационно-психологического и технологического давления, способов организации цветных революций, терроризма и экстремизма, мероприятий спецслужб, формирований сил специального назначения, сил специальных операций и структур публичной дипломатии, осуществляемых по единому плану органами управления государства, военно-политического блока или транснациональными корпорациями [4, с. 44].

К *новым инструментам при разрешении межгосударственных противоречий* в современных условиях можно отнести следующие:

дискредитацию органов власти страны-мишени, ее руководства и вооруженных сил в глазах мировой общественности и населения государства, формирование негативного отношения мирового сообщества к стране-мишени;

последовательный подрыв экономики страны-противника, распространение сфер применения санкций против страны-мишени: от дипломатии и экономики до международного спорта и популярной музыки;

создание условий для значительного снижения уровня военного потенциала страны и технологической оснащенности вооруженных сил;

широкомасштабное информационно-психологическое давление на военно-политическое руководство, население, командный и личный состав вооруженных сил противника;

привлечение некоммерческих общественных и культовых организаций к протестному движению против существующей власти, формирование активно-радикальной «пятой колонны», распространение сепаратистских движений и направленные действия по расколу общества;

оказание финансовой, методической, информационной и технической поддержки внутренней системной и несистемной оппозиции;

применение сил специальных операций, персонала частных военных компаний, негласную поддержку террористических групп и организаций на территории страны-мишени в интересах диверсий и провокаций, непрямую поддержку деятельности транснациональных преступных организаций по расширению трафика наркотиков и оружия, передел собственности и зон влияния на территории государства-противника;

вовлечение третьих стран для достижения собственных политических, экономических интересов, оперативное оборудование их территорий и наращивание военной инфраструктуры;

втягивание страны-мишени в военные конфликты с третьими странами;

вовлечение международных преступных хакерских сообществ в осуществление акций в киберпространстве против информационной структуры страны-мишени, использование их действий в собственных политических, финансовых, военных и других целях;

применение военной силы в обход решений ООН, игнорирование норм международного права (под видом миротворческих миссий, борьбы с терроризмом, кризисного урегулирования, гуманитарных операций) и др. [14, с. 19].

Отработку технологий методов гибридной агрессии можно наблюдать в действиях мировых держав против региональных и периферийных государств, попадающих в орбиту их национальных интересов.

Напомним, что «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» (одно из определений войны К. Клаузевица). В широком *философском смысле* «гибридная война» представляет собой синтетическую, комплексную систему навязывания своей воли противнику путем применения противоборствующими сторонами традиционных и нетрадиционных средств и способов насилия, регулярных и иррегулярных войск [4, с. 45].

Исходя из практики современного противоборства, военные аналитики предлагают понимать под *гибридной войной* «форму межгосударственного противоборства двух и более сторон с преобладающим взаимосогласованным применением технологий невоенного воздействия, защиты, сдерживания и принуждения в ведущих сферах деятельности государств в сочетании с военно-силовыми действиями в различных физических средах, кибер- и информационно-психологической сферах, реализация которых обеспечивает достижение политических, экономических и иных целей государств» [14, с. 22]

Нарастающая милитаризация информационного пространства ведет к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Это в свою очередь повлечет настоящую технологическую революцию в сфере ведения информационных, гибридных и торговых войн [4, с. 47]. Подчеркнем, что цель информационной войны – сломить волю противника к сопротивлению и подчинить его сознание своей воле [33].

Основными *методами ведения информационной войны* являются следующие:

создание атмосферы безнравственности и бездуховности, негативного отношения к культурному наследию населения;

манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией социальных групп в интересах создания обстановки политической напряженности и хаоса, искажение мировой истории и исторической памяти народов;

дестабилизация политических отношений между партиями, объединениями и движениями с целью провоцирования конфликтов, создание атмосферы недоверия и подозрительности;

обострение политической борьбы, провоцирование репрессий против оппозиции;

снижение уровня информационного обеспечения органов власти и управления с целью затруднения принятия решений;

дезинформация о работе государственных органов с целью их дискредитации;

провоцирование социальных, политических, национальных и религиозных столкновений;

инициирование массовых акций протеста и беспорядков;

подрыв международного авторитета государства;

нанесение ущерба жизненно важным интересам государства в политической, экономической, оборонной и других сферах;

развязывание гражданской войны [4, с. 48]. Особенно хорошо это заметно на примере современных «цветных революций», которые по своей сути являются в межгосударственном противоборстве инновационными методами «мягкой силы», направленными на свержение существующих режимов.

Многие ученые подчеркивают, что «цветные революции» являются инструментом реализации внешнеполитической стратегии США. Как правило, он применяется по отношению к тем странам, где у США есть свои интересы; с помощью «цветных» технологий наносятся удары и демонтируются те политические режимы, которые отличаются большой самостоятельностью и служат только своим национальным интересам [4, с. 51].

Важнейшая особенность современного мироустройства заключается в том, что США, не отказываясь от гонки вооружения и военных провокаций, делают ставку на гибридные операции, особенно на «войны за идентичность», или консциентальные войны.

В этих условиях перед государственным и военно-политическим руководством как Республики Беларусь, так и Российской Федерации возникают вопросы своевременного и превентивного реагирования на современные вызовы и угрозы национальной безопасности государств. Это должно осуществляться за счет разработки и практического применения мер нейтрализации вызовам и угрозам суверенитету, территориальной целостности государства, безопасностям отдельных сфер общественной жизни [4, с. 53].

Объективные тенденции развития современных международных отношений создают условия для возникновения конфликтов между государствами в различных сферах. Основные угрозы, способствующие зарождению конфликтов, – противоречия глобализации, изменение центров силы, глобальное исчерпание ресурсов, геоэкономические и геостратегические противоречия, а также нетрадиционные угрозы, включая неконтролируемые миграции, терроризм, радикализацию общественных групп, гуманитарные проблемы [4, с. 83].

Тенденции развития военно-политической обстановки в мире определяются основными событиями, происходящими в военной сфере. Военная опасность и военная угроза являются своеобразными характеристиками реально существующей или прогнозируемой в будущем военно-политической обстановки, отношений между коалициями государств, отдельными странами, различными силами внутри них.

Среди *основных тенденций* военно-политической обстановки, определяющих военные опасности и угрозы Союзному государству, следует отметить следующие:

увеличение числа конфликтов, в том числе вооруженных, расширение их географии;

ослабление роли ведущих международных организаций, в том числе ООН, в урегулировании межгосударственных конфликтов и противоречий;

стремление США к сохранению и укреплению доминирующих позиций в военной сфере, перенос главных усилий на сдерживание увеличения военной мощи Российской Федерации и Китая;

усиление антироссийского вектора военной политики США и их союзников;

приверженность США и их союзников по НАТО к использованию военно-силовых акций в обход общепризнанных норм международного права;

расширение влияния Турции на тюркоязычный мир с целью реализации своих имперских амбиций;

активизация негосударственных субъектов мировой политики в военной сфере, рост их влияния на динамику военно-политической обстановки;

расширение масштабов международного терроризма;

возрастание роли асимметричных средств и методов достижения военно-политических целей [4, с. 112].

В целом в последние годы конфликтный потенциал в межгосударственных отношениях не уменьшился.

В рамках *среднесрочного прогноза до 2025 г.* российские аналитики определяют наиболее опасные тенденции военно-политической обстановки:

наращивание военной инфраструктуры стран – членов НАТО вблизи границ Союзного государства;

развертывание дополнительных воинских контингентов иностранных государств на территориях, сопредельных с Союзным государством, а также в прилегающих акваториях;

создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны.

НАТО продолжит курс на расширение через втягивание в альянс Грузии, Украины, Молдавии. С удовлетворением воспринято НАТО решение Швеции и Финляндии о вхождении в альянс. Равноправное партнерство НАТО с Россией налажено не будет.

Основными угрозами военной безопасности Российской Федерации останутся следующие:

развернутые и готовые к применению группировки стратегических ядерных сил США, прежде всего, Великобритании и Франции;

запасы оружия массового уничтожения и других типов и средств его доставки;

развертывание группировок ударных космических средств, а также группировок высокотехнологичных средств «мгновенного удара»;

наращивание военного присутствия иностранных государств, в том числе под эгидой НАТО, вокруг Российской Федерации;

международный терроризм;

борьба иностранных государств за доступ к природным ресурсам с использованием военно-силовых методов;

подрыв иностранными государствами глобальной и региональной безопасности, в том числе под предлогом борьбы с экстремистскими и террористическими группировками;

территориальные претензии иностранных государств к Российской Федерации;

демонстрация военной силы (крупномасштабные военные учения) зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзников.

При этом наиболее катастрофичной (по возможным последствиям) останется угроза военного столкновения ядерных держав (США – Российская Федерация, США – Китай, США – КНДР, Китай – Индия, Индия – Пакистан), а также угроза применения ядерного оружия в региональных конфликтах (Иран – Израиль).

Нельзя также полностью исключать угрозу развязывания против России вооруженного конфликта на одном из стратегических направлений и угрозу развязывания крупномасштабного военного конфликта со стороны США и НАТО. В зависимости от региона мира угрозы военного характера могут проявляться по-разному. Для Российской Федерации это связано с физико-географическими, геополитическими, историческими, религиозными и другими особенностями театров военных действий и стратегических направлений в их составе [4, с. 119].

В рамках *долгосрочного прогноза до 2035 г.* военно-политическая обстановка будет характеризоваться следующими особенностями. В частности, при долгосрочном прогнозировании необходимо учитывать возможность актуализации сценария «регионализация». Ослабление контроля со стороны мировых лидеров (США, государств Европы, Китая), вызванное обострением внутренних социально-экономических проблем, приведет к росту асимметричных угроз национальной безопасности государств в глобальном масштабе [4, с. 119].

В период до 2035 г. «базовыми сценариями» развития глобальной военно-политической обстановки будут являться следующие:

переход к полицентричной модели мироустройства;

продолжение попыток США сохранить свое доминирование;

формирование биполярной модели мироустройства;

усиление процессов регионализации или их сочетание [4, с. 120].

Регионализация мировой политики предусматривает значительное ослабление существующих глобальных центров силы, обострение борьбы за лидерство в регионах мира и, как следствие, рост конфликтного потенциала [4, с. 121].

Анализ и оценка прогноза развития военно-политической обстановки и стратегической обстановки в мире, проведенной экспертами, позволили выявить ряд внешних вызовов и угроз военной безопасности Российской Федерации, влияние которых с различной степенью вероятности возможно при любом базовом сценарии развития военно-политической обстановки до 2035 г.:

приближение военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;

наличие развернутых и готовых к применению группировок стратегических ядерных сил США, Великобритании и Франции;

готовность руководства США и НАТО в одностороннем порядке применять военную силу в обход существующих механизмов обеспечения международной безопасности;

реализация планов США по развертыванию глобальной системы ПРО, а также по созданию высокотехнологичных средств «мгновенного удара»;

развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, развитие новых видов и средств вооруженной борьбы, включая средства «мгновенного удара», возможность переноса боевых действий в космическое пространство;

демонстрация военной силы зарубежными странами в ходе мероприятий оперативной и боевой подготовки на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками;

установление в государствах, сопредельных с Российской Федерацией, недружественных режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации и ее союзников, в том числе в результате свержения в них легитимных органов государственной власти;

ужесточение конкуренции за беспрепятственный доступ к источникам сырьевых ресурсов и контроль над маршрутами их транспортировки на фоне изменений климата, сокращения мировых запасов пресной воды, нехватки продовольствия и повышения спроса на энергоресурсы;

наличие (возникновение) очагов межнациональной и межконфессиональной напряженности, деятельность международных вооруженных радикальных группировок в районах, прилегающих к государственной границе Российской Федерации и границам ее союзников, а также наличие территориальных противоречий;

международный терроризм [4, с. 122].

В целом вызовы и угрозы военной безопасности как России, так и Беларуси будут иметь комплексный и разнонаправленный характер, затрагивая политическую, военную, экономическую, информационную и другие жизненно важные сферы деятельности государств, которые могут явиться предвестником появления военных угроз практически по всему периметру границ Союзного государства.

По мнению аналитиков в сфере национальной безопасности, в долгосрочной перспективе до 2035 г. наиболее актуальными угрозами военной безопасности для Российской Федерации будут являться следующие:

наличие у США и других государств развернутых и готовых к применению стратегических ядерных сил;

нарушение Соединенными Штатами и их союзниками договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и мер доверия;

наращивание военной мощи НАТО, расширение военного присутствия государств – членов НАТО в регионах, сопредельных с Россией;

возникновение и эскалация локальных конфликтов;

технологическое и военно-техническое превосходство ведущих зарубежных стран над Россией, позволяющее опережающими темпами разрабатывать средства вооруженной борьбы следующих поколений, в массовом порядке оснащать ими вооруженные силы;

развертывание элементов стратегической ПРО США в Европе и Азиатско-Тихоокеанском регионе, что может привести к нарушению сложившегося баланса стратегических сил, а также подрыву глобальной и региональной стабильности в целом;

эффективное функционирование стратегической ПРО США в Европе, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе, появление у США возможности по нанесению по России обезоруживающего удара;

милитаризация космоса (создание авиационно-космических сил, разработка стратегического ударного авиационно-космического комплекса, предназначенного для нанесения высокоточных ударов на межконтинентальную дальность);

размывание режима нераспространения оружия массового поражения и, в частности, ядерного, материалов и технологий для его создания, технологий двойного назначения;

активизация религиозного и национального экстремизма в граничащих с Россией регионах.

Таким образом, состояние современной военно-политической обстановки свидетельствует о низкой вероятности развязывания крупномасштабной войны. При этом в последнее время все чаще наблюдаются всплески нестабильности и насилия в различных регионах мира [4, с. 126].

Важнейшая задача внешней и военной политики Республики Беларусь и Российской Федерации в обозримом будущем – укрепление международной безопасности и стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях.

В целях обеспечения безопасности Беларуси и России, оснащения их военных организаций современными образцами вооружений и военной техники, а также устранения зависимости от передовых стран, успешно развивающих свою научно-технологическую базу, целесообразно сконцентрировать усилия на приоритетных направлениях и критических технологиях в развитии науки и технологий. Основами государственной научно-технической политики стран могут являться определение стратегически важных направлений научного поиска и разработки технологий, защита интеллектуальной собственности, а также осуществление в ближайшие годы целого ряда следующих мер:

повышение востребованности науки, создание условий привлекательности разработки высоких технологий за счет средств республиканского (федерального) бюджета и внебюджетных источников финансирования, а также развитие инновационной инфраструктуры;

создание общедоступной сети научно-технической и коммерческой информации;

реорганизация и развитие технополисов – территорий с высоким научно-технологическим потенциалом;

участие белорусской и российской науки в международном научно-техническом сотрудничестве и решении глобальных проблем человечества [4, с. 142].

В военной сфере существенное усложнение систем управления войсками и оружием уже приводит к ситуации, когда отдельные страны утрачивают способность самостоятельно планировать и проводить операции с масштабным применением военной силы. Эта зависимость от прогрессивных государств будет усиливаться по мере внедрения высокотехнологичных систем.

Отмеченные выше, а также другие факторы ведут к углубляющейся перестройке форм и способов военного противоборства. При этом все чаще для достижения политических или экономических целей используется скрытое (латентное) противоборство, а также интенсифицируется применение невоенных форм борьбы [4, с. 153].

На наш взгляд, в обозримой перспективе будет наращиваться информационно-психологическое (ментальное) противоборство, имеющее целью разрушить духовную сферу как белорусского, так и российского общества. Основой духовной сферы наших обществ является нематериальное культурное наследие, которое включает: языки народов России и Беларуси; народные обычаи; традиционные религии; науку и научную деятельность; представления о картине мира, происхождении и истории народов наших стран; философские системы и морально-этические нормы, признанные белорусским и российским обществом; дипломатию и политику; экономику

и инженерно-технические индустрии; информационные технологии; народное, классическое и современное искусство; педагогические традиции, системы воспитания и образования, формирующие традиционные ценности в обществе [4, с. 228].

При обеспечении военной безопасности следует учитывать опыт локальных войн и вооруженных конфликтов последних десятилетий, который свидетельствует о коренном изменении *характера вооруженной борьбы в XXI в.*, основными чертами которой становятся следующие:

пространственная глобализация любого военного конфликта вне зависимости от целей, масштаба и используемых средств;

расширение сферы объединенных действий видов и родов сил, повышение значимости их экспедиционных действий;

возрастание интенсивности использования воздушно-космического пространства в интересах ведения вооруженной борьбы;

переход от масштабных, истощающих действий к скоординированному проведению разъединенных в пространстве и времени операций, динамичному конфигурированию ударов (высокоточных, электронных, информационных и др.) по наиболее важным целям и объектам критической инфраструктуры;

возрастание объема решаемых задач, нанесение ударов по противнику с больших расстояний и с высокой точностью на всю глубину его территории;

возрастание возможностей средств разведки, управления и поражения и их объединение в едином информационном пространстве;

начало и ведение высокоманевренных бесконтактных военных действий;

массированное применение высокоточного оружия различного базирования, широкомасштабное использование сил специальных операций и войск специального назначения, роботизированных комплексов, нетрадиционного оружия и оружия на новых физических принципах;

возрастание боевого потенциала и многоцелевого использования перспективных систем и средств, использующих новые физические принципы действия;

широкое внедрение информационных технологий для достижения принципиально нового уровня интеграции боевых и обеспечивающих систем различного назначения, роботизация и внедрение элементов искусственного интеллекта, изменяющие роль и место человека в системах вооруженной борьбы;

увеличение мобильности сил и средств ведения вооруженной борьбы за счет возрастания их возможностей и возможностей авиации по оперативной переброске войск и сил на любой театр военных действий [4, с. 329].

Геополитическая и военно-политическая ситуация на западном направлении Союзного государства, а также динамика ее развития позволяют выявить и спрогнозировать следующие основные вызовы и угрозы национальной безопасности [4, с. 381]. Как отмечено в Военной доктрине, *основными военными угрозами Союзному государству* государства-участники признают:

концентрацию вооруженных сил другого государства (других государств) вдоль границ государств-участников в Восточно-Европейском регионе коллективной безопасности, указывающую на намерение применить военную силу против Союзного государства;

возникновение на территориях государств, сопредельных с Союзным государством, вооруженных конфликтов, направленных против жизненно важных интересов Союзного государства;

проведение в другом государстве (других государствах) мобилизации в целях совершения акта вооруженной агрессии на Союзное государство;

использование информационно-коммуникационных технологий для осуществления враждебных действий, представляющих угрозу международной безопасности, в том числе направленных на дискредитацию государств-участников, нарушение их территориальной целостности и государственного суверенитета, вмешательство в их внутренние дела;

иную деятельность другого государства (других государств), экстремистских, террористических организаций (движений), расположенных на территории другого государства (других государств), включая заявления, демонстрацию силы, осуществляемые в нарушение Устава ООН и указывающие на подготовку к нападению на Союзное государство [12, ст. 13].

Сегодня происходят революционные изменения в конфигурации безопасности. К примеру, идет переход с одной среды военного противостояния и ведения боевых операций в другую: с воздушно-космической, сухопутной, морской на всеобъемлющую – пространственную.

В этой непривычной и неосвоенной сфере особо важной для всего живого новой ведущей силой выступает интеллектуально-информационное оружие [34; 35]. Физическая сила, нисколько не утрачивая своего значения и востребованности, уступает место силе интеллекта. Дистанция между этими силами увеличивается в прогрессии. Привычного тыла и фронта нет – все на местах постоянной дислокации [4, с. 498].

Напомним, что к трем потенциальным театрам военных действий: суша, водное и воздушное пространства добавились космическое, киберпространство и интеллектуально-информационное пространство, где и развернутся самые жестокие сражения будущего [4, с. 499].

Военная безопасность – это не абстрактное состояние социальной системы, а обоснованная уверенность общества в надежной защите от внешних военных и иных угроз, включая внутренние. Она определяется способностью государства противодействовать возникновению войны и вовлечению в нее, а в случае нападения противника может отразить в кратчайшее время и свести к минимуму вероятные потери [4, с. 506]. Современное мировое противоборство, как и прежде, сопровождается многочисленными конфликтами, в том числе с применением военной силы.

Угрозы безопасности современному государству имеют комплексный и многоуровневый характер, что вызывает появление новых форм межгосударственного противоборства, сочетающих широкий спектр военных и невоенных методов и средств. Современные *межгосударственные конфликты отличаются характерными особенностями и направленностью*, а именно:

1) возрастает роль невоенных методов противоборства, в том числе дипломатических, финансовых, экономических, информационных, а также подрывных действий. Они планируются и применяются в сочетании с военными действиями, существенно влияя на достижение политических целей. Как следствие, возникают новые формы противоборства с участием государственных и негосударственных субъектов политики;

2) противоборство быстро расширяется в пространственном и функциональном измерениях. Оно распространяется на все пространства: сухопутные территории на неограниченную глубину, воздушное, космическое, морское и киберпространство. Это сопровождается расширением функциональных возможностей форм вооруженной борьбы, включая нанесение высокоточных ударов с любого направления и на любую глубину, проведение специальных операций и информационно-психологическое воздействие на противника. Особенно актуальными становятся межвидовые операции группировок войск (сил), способных выполнять как военные, так и невоенные миссии;

3) в современных конфликтах особая роль отводится информационной борьбе. Существенное внимание уделяется воздействию на менталитет и психологическое состояние как всего общества, так и отдельных слоев: политического руководства, элит, различных общественных групп и общественных организаций. Такое воздействие носит длительный и систематический характер. Оно основывается на управлении глобальными информационными потоками и направлено на изменение политического поведения целевой аудитории в нужном направлении;

4) многие современные конфликты размывают привычные способы ведения войны, традиционно связанные с применением регулярных сил. Это проявляется в следующем: не всегда можно различить гражданских и военных участников конфликта; отсутствует формальное объявление войны; конфликт трудно локализуется в пределах границ одного государства; не соблюдаются международно-правовые нормы и правила ведения войны; в противоборстве преобладает нетрадиционная тактика; в конфликте могут участвовать негосударственные субъекты политики, а также иностранные государства, спецслужбы, наемники, частные военные компании;

5) новые формы противоборства влекут высокие риски эскалации конфликта, поскольку, с одной стороны, они нередко ведутся в «серой зоне» международного права, маскируя участников и их цели, а с другой – могут оказаться настолько эффективными, что позволяют решать задачи стратегического уровня [4, с. 516].

Заключение. В целях гарантированного обеспечения военной безопасности необходимо постоянное прогнозирование международной и военно-политической обстановки, совершенствование военной организации государства, единство государственной власти, армии и народа страны. В Беларуси основные задачи военной организации государства и пути их решения достаточно четко сформулированы в нормативных правовых документах. Безусловно, исходя из появления новых вызовов и угроз в военной сфере национальной безопасности, развитие всей военной организации государства и ее компонентов будет продолжено с акцентом на ее качественные параметры применительно к реалиям военно-политической обстановки.

Основной военно-стратегической задачей для руководства нашего государства является *сдерживание агрессии в любых ее трансформациях*. Исходя из приоритетов нашей государственной идеологии (обеспечение мира и безопасности, сохранение народа страны), выполнение данной задачи является приоритетной и экономически наиболее рациональной. Стоит уяснить, что расходы на предотвращение войны заведомо меньше тех расходов на ведение войны и того ущерба, которым чревата любая современная война.

Комплектование военной организации государства в мирное время должно обеспечить добровольный приход на военную службу грамотных, здоровых, физически подготовленных, нравственно совершенных защитников Отечества, готовых освоить современные средства вооруженной борьбы, профессионально владеть ими и решать любые военные задачи. Кроме того, стране необходим военно-обученный резерв ее защитников как для восполнения состава военных профессионалов, так и для отражения потенциальной агрессии, если ее масштабы превзойдут возможности регулярных войск мирного времени. Это необходимо понимать всему обществу, поскольку, говоря словами известного военного ученого М. А. Гареева, «армию создают не только офицеры и генералы, ее создает весь народ …» [36, с. 105]. Более того, в современной многосферной и системной войне весь народ становится армией. Нужна мобилизация духовных и физических сил белорусского общества на недопущение любых актов агрессии в отношении государства.

Применительно к Вооруженным Силам, по мнению экспертов, их задачи как ядра военной организации государства могут быть структурированы по четырем основным направлениям: 1) сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности и интересам государства; 2) обеспечение экономических и политических интересов страны; 3) осуществление силовых операций мирного времени; 4) применение военной силы. Требования к Вооруженным Силам могут быть зафиксированы: способность осуществить стратегическое сдерживание; высокая боевая и мобилизационная готовность; стратегическая мобильность; высокая степень укомплектованности хорошо обученным и подготовленным личным составом; высокая техническая оснащенность и ресурсообеспеченность [37, с. 29].

Только постоянное интеллектуально-аналитическое сопровождение военной сферы национальной безопасности, а также научно обоснованные управленческие решения в области общей системы безопасности, духовная и материальная подготовка военной организации государства и всего общества способны предотвратить агрессию и обеспечить мир на белорусской земле.

Список использованных источников

1. Гулевич, В. В. Формирование концептуальных основ военной политики Республики Беларусь / В. В. Гулевич // Наука и воен. безопасность. – 2022. – № 2. – С. 2–4.

2. Ильницкий, А. М. Ментальная война России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2021. – № 8. – С. 19–33.

3. Ильницкий, А. М. Стратегия ментальной безопасности России / А. М. Ильницкий // Воен. мысль. – 2022. – № 4. – С. 24–35.

4. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / Воен. акад. Генер. штаба Вооруж. Сил Рос. Федерации, Воен. ин-т (упр. нац. обороной) ; под общ. ред. А. С. Коржевского. – М. : РГГУ, 2021. – 602 с.

5. Коржевский, А. С. Методологические подходы к прогнозированию в сфере военной безопасности государства / А. С. Коржевский, В. Л. Махнин // Воен. мысль. – 2022. – № 5. – С. 21–31.

6. Воробьев, И. Н. Еще раз о военной футурологии / И. Н. Воробьев // Воен. мысль. – 2008. – № 5. – С. 62–67.

7. Рябчук, В. Д. Проблемы военной науки и военного прогнозирования в условиях интеллектуально-информационного противоборства / В. Д. Рябчук // Воен. мысль. – 2008. – № 5. – С. 67–76.

8. Ткаченко, А. В. Прогнозирование военно-политической обстановки в интересах предотвращения военных угроз и конфликтов / А. В. Ткаченко, А. В. Козлов // Наука и воен. безопасность. – 2020. – № 3. – С. 9–11.

9. Подберезкин, А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки / А. И. Подберезкин. – М. : Юстицинформ, 2021. – 1077 с.

10. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июля 2016 г., № 412-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412. – Дата доступа: 11.05.2022.

11. Ксенофонтов, В. А. Методологические ориентиры военной безопасности Союзного государства / В. А. Ксенофонтов // Сб. науч. ст. Воен. акад. Респ. Беларусь. – 2022. – № 42. – С. 72–84.

12. О Военной доктрине Союзного государства [Электронный ресурс] : постановление Высш. Гос. Совета Союз. государства, 4 нояб. 2021 г., № 5 // Союзное государство : офиц. сайт Постоян. Ком. Союз. государства. – Режим доступа: https://www.postkomsg.com/documentation/document/1899/. – Дата доступа: 02.02.2022.

13. Маккиндер, Х. Петля анаконды. Стратегия геополитического превосходства / Х. Маккиндер, З. Бжезинский ; пер. с англ.: М. Тимофеева [и др.]. – М. : Родина, 2020. – 223 с.

14. Анисимов, Е. Г. Гибридные войны – важнейшая часть предметной области теории и практики «высшей стратегии» / Е. Г. Анисимов, А. А. Селиванов, С. В. Чварков // Вестн. Акад. воен. наук. – 2021. – № 4 (77). – С. 17–28.

15. Сайфетдинов, Х. И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность / Х. И. Сайфетдинов // Воен. мысль. – 2022. – № 5. – С. 13–20.

16. Ксенофонтов, В. А. Современные западные концепции военного насилия / В. А. Ксенофонтов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2022. – Т. 67, № 2. – С. 135–148. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148

17. Манойло, А. В. Информационные войны и психологические операции: руководство к действию / А. В. Манойло. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 496 с.

18. Манойло, А. В. Технологии неклассической войны: генезис, эволюция, практика / А. В. Манойло, К. С. Стригунов. – М. : Горячая линия – Телеком, 2020. – 378 с.

19. Бартош, А. А. Серая зона: театр гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 308 с.

20. Бартош, А. А. Гибридная война : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : КНОРУС, 2021. – 306 с.

21. Бартош, А. А. Вопросы теории гибридной войны / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 324 с.

22. Бартош, А. А. Театры гибридной войны : учеб. пособие / А. А. Бартош. – М. : Горячая линия – Телеком, 2022. – 356 с.

23. Панарин, И. Н. Гибридная война: теория и практика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 402 с.

24. Панарин, И. Н. Гибридная война и геополитика / И. Н. Панарин. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 472 с.

25. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн / А. А. Кокошин [и др.]. – М. : URSS, 2021. – 88 с.

26. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 1 : Основы теории войны. – 832 с.

27. Владимиров, А. И. Основы общей теории войны : в 2 ч. / А. И. Владимиров. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2013. – Ч. 2 : Теория национальной стратегии: основы теории, практики и искусства управления государством. – 976 с.

28. Попов, И. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы: очерки стратегической мысли / И. М. Попов, М. М. Хамзатов. – М. : Кучково поле, 2016. – 832 с.

29. Кокошин, А. А. Вопросы прикладной теории войны / А. А. Кокошин. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. – 227 с.

30. Куманьков, А. Д. Война в XXI веке / А. Д. Куманьков. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 290 с.

31. Подберезкин, А. И. Война и политика в современном мире / А. И. Подберезкин ; [ред. О. Е. Родионов]. – М. : Междунар. отношения, 2020. – 311 с.

32. Иншаков, С. М. Гибридная война в системе военных угроз национальной безопасности / С. М. Иншаков. – М. : РУСАЙНС, 2021. – 306 с.

33. Ксенофонтов, В. А. Управление волей человека как цель и важнейший принцип ведения войны / В. А. Ксенофонтов // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2020. – № 2 (239). – С. 104–110.

34. Анненков, В. И. Информация – ключ к победе в современной войне / В. И. Анненков, В. Ф. Моисеев, В. К. Новиков. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 428 с.

35. Новиков, В. К. «Дранг нах Остен» – сценарии информационных войн в действии / В. К. Новиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Горячая линия – Телеком, 2021. – 344 с.

36. Слипченко, В. Будущая война / В. Слипченко, М. Гареев. – М. : ОГИ, 2005. – 144 с.

37. Макаренко, Д. И. Концептуальное моделирование военной безопасности государства / Д. И. Макаренко, Е. Ю. Хрусталев. – М. : Наука, 2008. – 303 с.

References

1. Gulevich V. V. Formation of conceptual foundations of military policy of the Republic of Belarus. *Nauka i voennaya bezopasnost'* [Science and Military Security], 2022, no. 2, pp. 2–4 (in Russian).

2. Ilnitsky A. M. Mental warfare in Russia. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2021, no. 8, pp. 19–33 (in Russian).

3. Ilnitsky A. M. The strategy of Russia's mental security. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 4, pp. 24–35 (in Russian).

4. Korzhevskii A. S. (ed.). *Projected challenges and threats to national security of the Russian Federation and directions of their neutralization.* Moscow, Russian State Humanities University, 2021. 602 p. (in Russian).

5. Korzhevsky A. S., Makhnin V. L. Methodological approaches to prognostication in the area of state military security. *Voennaya mysl'* [Military thought], 2022, no. 5, pp. 21–31 (in Russian).

6. Vorob'ev I. N. Once again about military futurology. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2008, no. 5, pp. 62–67 (in Russian).

7. Ryabchuk V. D. Problems of military science and military forecasting in conditions of intellectual and informational confrontation. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2008, no. 5, pp. 67–76 (in Russian).

8. Tkachenko A. V., Kozlov A. V. Forecasting of military and political situation in order to prevent military threats and conflicts. *Nauka i voennaya bezopasnost'* [Science and Military Security], 2020, no. 3, pp. 9–11 (in Russian).

9. Podberezkin A. I. *Estimation and forecast of military and political situation.* Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 1077 p. (in Russian).

10. Military Doctrine of the Republic of Belarus: approved by the Law of the Republic of Belarus 20.07.2016, no. 412-Z. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*. Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600412 (accessed 11.05.2022) (in Russian).

11. Ksenofontov V. A. Methodological guidelines for military security of the Union State. *Sbornik nauchnykh statei Voennoi akademii Respubliki Belarus'* [Collection of scientific articles of the Military Academy of the Republic of Belarus], 2022, no. 42, pp. 72–84 (in Russian).

12. On the Military Doctrine of the Union State: resolution of the Supreme State Council of the Union State, November 4, 2021, no. 5. *Union State: official website of the Standing Committee of Union States*. Available at: www.postkomsg.com/documentation/document/1899/ (accessed 02.02.2022) (in Russian).

13. Mackinder H., Brzezinski Z. *Anaconda loop. A strategy for geopolitical supremacy.* Moscow, Rodina Publ., 2020. 223 p. (in Russian).

14. Anisimov E. G., Selivanov A. A., Chvarkov S. V. Hybrid wars – the most important part of the subject area of the theory and practice of "supreme strategy". *Vestnik Akademii voennykh nauk* [Vestnik of the Academy of Military Sciences], 2021, no. 4 (77), pp. 17–28 (in Russian).

15. Saifetdinov Kh. I. Hybrid warfare waged by the US and NATO, its essence and vector. *Voennaya mysl'* [Military Thought], 2022, no. 5, pp. 13–20 (in Russian).

16. Ksenofontov V. A. Modern western concepts of military violence. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi*. *Seryia humanitarnykh navuk* = P*roceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2022, vol. 67, no. 2, pp. 135–148 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-135-148

17. Manoilo A. V. *Information wars and psychological operations: guide to action*. Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 496 p. (in Russian).

18. Manoilo A. V., Strigunov K. S. *Technologies of non-classical warfare: genesis, evolution, practice.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2020. 378 p. (in Russian).

19. Bartosh A. A. *Gray zone: the theater of hybrid warfare.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 308 p. (in Russian).

20. Bartosh A. A. *Hybrid warfare.* Moscow, KNORUS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).

21. Bartosh A. A. *Questions of the theory of hybrid warfare.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 324 p. (in Russian).

22. Bartosh A. A. *The theaters of hybrid warfare.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2022. 356 p. (in Russian).

23. Panarin I. N. *Hybrid war: theory and practice.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 402 p. (in Russian).

24. Panarin I. N. *Hybrid war and geopolitics.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 472 p. (in Russian).

25. Kokoshin A. A., Baluevskii Yu. N., Esin V. I., Shlyakhturov A. V. *Issues of escalation and de-escalation of crisis situations, armed conflicts and wars.* Moscow, URSS Publ., 2021. 88 p. (in Russian).

26. Vladimirov A. I. *Fundamentals of the general theory of war. Part 1. Fundamentals of war theory.* Moscow, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 2013. 832 p. (in Russian).

27. Vladimirov A. I. *Fundamentals of the general theory of war. Part 2. Theory of national strategy: fundamentals of theory, practice and art of state management.* Moscow, Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 2013. 976 p. (in Russian).

28. Popov I. M., Khamzatov M. M. *War of the future: conceptual foundations and practical conclusions: essays on strategic thought*. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. 832 p. (in Russian).

29. Kokoshin A. A. *Issues of the applied theory of war.* Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2018. 227 p. (in Russian).

30. Kuman'kov A. D. *War in the XXI century.* Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 290 p. (in Russian).

31. Podberezkin A. I. *War and politics in the modern world.* Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2020. 311 p. (in Russian).

32. Inshakov S. M. *Hybrid war in the system of military threats to national security.* Moscow, RUSAINS Publ., 2021. 306 p. (in Russian).

33. Ksenofontov V. A. Managing the will of man as a goal and an important principle of warfare. *Trudy BGTU. Seriya 6, Istorija, filosofija = Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*, 2020, no. 2, pp. 104–110 (in Russian).

34. Annenkov V. I., Moiseev V. F., Novikov V. K. *Information – the key to victory in modern war.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 428 p. (in Russian).

35. Novikov V. K. *"Drang nach Osten" – scenarios of information wars in action.* Moscow, Goryachaya liniya – Telekom Publ., 2021. 344 p. (in Russian).

36. Slipchenko V., Gareev M. *The future war.* Moscow, OGI Publ., 2005. 144 p. (in Russian).

37. Makarenko D. I., Khrustalev E. Yu. *Conceptual modeling of military security of the state.* Moscow, Nauka Publ., 2008. 303 p. (in Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич − кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (пр. Независимости, 220, 220057, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Vladislav A. Ksenofontov – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor of the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220 Nezavisimosti Ave., Minsk 220057, Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.42
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-290-298

Поступила в редакцию 15.02.2023
Received 15.02.2023

А. В. Старовойтова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Аннотация. В условиях роста нестабильности международных отношений особую значимость приобретают информационные технологии. В эпоху цифровой трансформации общества мощным оружием становятся идеологии, которые активно используются для разрушения социально-экономических систем других стран, а также оказывают влияние на ценностные ориентации личности, изменяют их мотивацию по эффективному взаимодействию в сохранении и суверенном развитии собственной национальной модели. Управление социальным потенциалом информационной среды в этих условиях становится необходимым условием демографической безопасности.

Представлены результаты исследований влияния информационной среды на изменение демографических установок и миграционное поведение населения, а также на социально-демографическую ситуацию в стране в целом. Определена необходимость выявления и изучения информационных и социокультурных факторов, оказывающих влияние на устойчивое демографическое развитие республики.

Ключевые слова: социальный потенциал, информационная среда, демографические установки, миграционное поведение, устойчивое развитие

Для цитирования: Старовойтова, А. В. Управление социальным потенциалом информационной среды как основа демографической устойчивости / А. В. Старовойтова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 290–298. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-4-290-298

Anna V. Starovoitova

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

MANAGING THE SOCIAL POTENTIAL OF THE INFORMATION ENVIRONMENT AS A BASIS FOR DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY

Abstract. In the context of increasing instability in international relations it is one of the forms and strategies in the struggle for human potential. Ideologies, which are actively used to destroy the socio-economic systems of other countries, influence the value orientations of individuals, change their motivation for effective interaction in the preservation and sovereign development of their own national model, become a powerful weapon in the era of digital transformation of society. Under these conditions, it becomes necessary to manage the social potential of the information environment as a condition of demographic security.

The article describes the results of the research concerning the influence of information environment on the changes in demographic attitudes and migratory behavior, as well as on the socio-demographic situation in the country in general. The necessity of identifying informational and socio-cultural factors that have an impact on sustainable demographic development of the republic is reviewed.

Keywords: social potential, information environment, demographic attitudes, migratory behavior, sustainable development

For citation: Starovoitova A. V. Managing the Social Potential of the Information Environment as a Basis for Demographic Sustainability. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 290–298 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-290-298

Введение. Возрастающий интерес ученых, исследователей и практиков из различных сфер деятельности к изучению и пониманию социально-демографического состояния нашего общества обусловлен проблемой, затрагивающей широкий спектр задач, которые необходимо решать в ближайшей и среднесрочной перспективе. Это касается повышения рождаемости, охраны здоровья населения, укрепления института семьи, миграционных процессов и др.

Как показывает анализ многочисленных социологических исследований, к определяющим факторам репродуктивного поведения населения многие ученые в основном относят внешние

© Старовойтова А. В., 2023

ситуационные факторы, которые связаны со следующими проблемами: экономическими; совмещением материнства и отцовства с трудовой деятельностью; гендерным дисбалансом в семье и обществе в вопросах распределения и выполнения семейных и родительских обязанностей [1].

К основным факторам миграционных процессов исследователи чаще всего относят экономический, этнический факторы и пространственное расположение республики.

В исследовании, посвященном данной проблеме, С. В. Лапина делает следующий вывод: «…Население в виде самоорганизующейся открытой системы становится главным предметом анализа, а его динамика (рост либо сокращение численности, изменение семейных отношений, миграция) приобретает нелинейный характер, определяемый множеством переменных. В их число входят биологические и внебиологические параметры, среди которых главную роль выполняют ***социокультурные факторы***» [2].

Роль социокультурных факторов в период стремительной трансформации общества под влиянием информационного воздействия, когда ни общество, ни его институты не успевают адаптироваться к новым реалиям, делает задачу выявления и изучения причин, оказывающих существенное влияние на мировоззрение, ценностные установки и поведение человека, в том числе и демографические, одной из наиболее актуальных.

А. Н. Данилов, обращая внимание на роль культуры в сохранении цивилизационного наследия, отмечает: «Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализируют вопросы, связанные с расшифровкой культурного кода, изучением механизма его работы, особенностей функционирования. Культура все больше стала ассоциироваться со средой сохранения и возможной передачей культурного цивилизационного наследия. Культура с широким набором мировоззренческих универсалий, охватывающих все аспекты деятельности, поведения и общения жизни человека, предстает предельно обобщенной программой, обеспечивающей воспроизводство определенного типа общества, своего рода геномом социальной жизни» [3].

С. А. Дружилов рассматривает способы информационно-психологического воздействия на человека, а также отмечает, что современная информационная среда путем манипуляции сознанием способна менять мировоззрение, отношение к действительности, систему ценностей и внутренний мир человека. Автор справедливо делает следующий вывод: «Ныне много людей, которые узнают, о чем они думают, не столько из традиционных СМИ, сколько из блогов, их мировосприятие, мироощущение и миропонимание формируются под воздействием Интернета» [4]. Группа авторов из Китая (Wang X., Guo Y., Yang M. и др.), проведя анализ статей, посвященных защите человека от негативного информационного воздействия, пишут о необходимости комплексного исследования проблем, обусловленных цифровой трансформацией общества [5].

Прогнозирование устойчивого развития страны и сохранение социального потенциала, который напрямую связан с демографической безопасностью, требуют выявления и изучения как положительного, так и негативного влияния информационной среды на процессы, регулирующие механизмы воспроизводства населения, его численность и структуру. Анализ и установление тенденций влияния информационной среды на демографическую устойчивость позволят определить и прогнозировать социальные и экономические последствия.

Основная часть. В научных трудах в качестве основных компонент «социального потенциала» как системного понятия рассматриваются человеческий потенциал и совокупность материальных и духовных ценностей, формирующих социальное пространство: экономическое, экологическое, образовательное, информационное, политическое и др. [6–9]. Целый ряд как положительного, так и негативного влияния на все сферы жизнедеятельности человека и общества оказывает информационная среда. В условиях геополитической нестабильности соперничество, борьба за достижение и удержание информационного лидерства являются ключевыми факторами в мировой конкуренции за человеческий потенциал.

Уровень технологий, задействованных оппонентами в их попытках трансформации традиционных социальных институтов, изменения здорового консерватизма, очень высок. На медиафоруме стран СНГ, состоявшемся 2 ноября 2022 г., было отмечено, что «ежедневные расходы на кампанию по распространению дезинформации против России и Беларуси составляют 25 млн долл. США». В связи с этим возникает необходимость при планировании демографиче-

ской политики государства детально исследовать факторы влияния информационной среды на сферы социального развития.

В Концепции национальной безопасности определены интересы государства в сфере демографической безопасности, к которым отнесены: «…устойчивый рост численности белорусской нации на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности населения; повышение общего уровня здоровья населения, охрана здоровья матери и ребенка; укрепление института семьи как социального института, наиболее благоприятного для реализации потребности в детях, их воспитания; оптимизация внутренних и внешних миграционных потоков, обеспечение положительного сальдо внешней миграции экономически активного населения» [10].

Своевременным ответом на вызовы и негативные тенденции является нормативно-правовое регулирование устойчивого развития социально-экономической сферы и непосредственно управление демографическими процессами на базе результатов научных исследований и применения «доказательного подхода». Специфика законодательного влияния на демографические процессы заключается в создании правовых условий, определяющих поведение населения и принятие решений в семье, браке, сферах рождаемости, продолжительности жизни, места жительства и др. В Республике Беларусь сформирован достаточно цельный пакет актов законодательства, призванный позитивно воздействовать на состояние демографической ситуации.

Правовые и организационные основы обеспечения демографической безопасности определены Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» [11]. В нем закреплены принципы, цель и задачи обеспечения демографической безопасности, а также институциональная структура управления демографическими процессами.

Следует отметить, что в направлении институциональных изменений, осуществляющихся под воздействием государственной власти, наметился четкий план действий по своевременному внесению изменений и регулированию законодательных актов в различных сферах, направленных на ускорение структурных реформ и преобразований в экономике, социальной политике, имеющих непосредственное отношение к вопросам демографической безопасности. Как показал анализ нормативно-правовой базы, только за период начиная с 2020 г. внесены существенные изменения в Кодексы, Законы и подзаконные акты, регулирующие вопросы демографии. Положительные примеры из последних изменений: отпуск отцу (отчиму) при рождении ребенка; предоставление возможности бесплатной попытки экстракорпорального оплодотворения; совершенствование системы использования «семейного капитала» и множество других.

В качестве конструктивного примера институционального регулирования, направленного на устойчивое развитие и решение демографических задач, можно привести реализацию сильной социальной политики, повышение уровня и качества жизни населения. С. А. Шавель отмечает три модели социальной политики в постсоциалистических странах. Первая модель (страны Прибалтики) – рационализация социальных расходов. Вторая (в нее вошли страны Закавказья и Средней Азии) – резкое снижение финансирования отраслей социальной сферы. Третья модель (в нее вошли Россия и Беларусь) – сохранение преемственности и значительное увеличение числа льгот [12]. Анализ статистических данных, приведенных в таблицах по ряду показателей в сравнении с другими постсоветскими странами, показывает, что Беларусь успешно решает задачи экономической и социальной поддержки семьи, охраны здоровья матери и ребенка, жилищной политики, создания условий для дошкольного образования, совершенствования системы здравоохранения (табл. 1–4) [13].

Необходимо отметить, что при такой существенной социальной и экономической поддержке со стороны государства так и не удается переломить негативные тенденции депопуляции населения: снижение постоянной численности населения (табл. 5), суммарный коэффициент рождаемости (табл. 6), число разводов (табл. 7) [13]. Заслуживает внимания вывод социолога С. А. Шавеля: «Прошедшие годы, несмотря на определенные шаги к новой модели социальной политики и в Беларуси, и особенно в России (снижение налогов, замена ряда профессиональных льгот денежными компенсациями и др.), лишь подтвердили вывод о неэффективности социальных ассигнований, во многом связанных с неупорядоченностью льгот и неоптимальностью процедур льготирования» [12].

Таблица 1. **Валовой внутренний продукт на душу населения, рассчитанный на основе паритета покупательной способности валют, долл. США**

Table 1. **Gross domestic product per capita, calculated on the basis of purchasing power parity of currencies, US dollars**

Страна	2021 г.
Азербайджан	15900
Беларусь	21690
Казахстан	28414
Кыргызстан	5298
Таджикистан	4329

Таблица 2. **Доля расходов консолидированных бюджетов на здравоохранение, % к ВВП**

Table 2. **Share of expenditures of the consolidated budgets on healthcare, % of GDP**

Страна	2020 г.
Азербайджан	1,5
Беларусь	5,1
Казахстан	2,7
Кыргызстан	2,9
Таджикистан	2,9
Узбекистан	3,2

Таблица 3. **Охват детей дошкольными учреждениями, %**

Table 3. **Enrollment of children in preschool institutions, %**

Страна	2021 г.
Азербайджан	35,2
Беларусь	88,3
Казахстан	28,7
Кыргызстан	23,9
Таджикистан	7,4
Узбекистан	46

Таблица 4. **Коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми)**

Table 4. **Infant mortality rate (number of children who die before the age of 1 year per 1000 live births)**

Страна	2021 г.
Азербайджан	7,5
Беларусь	2,9
Казахстан	8,4
Кыргызстан	15,2
Узбекистан	9,2

Таблица 5. **Численность постоянного населения**

Table 5. **Permanent population**

Страна	2019 г.	2022 г.	% прироста
Азербайджан	9981,5	10156,4	1,800
Беларусь	9429,3	9255,5	–1,800
Казахстан	18395,7	19122,4	0,400
Кыргызстан	6389,4	6747,3	5,600
Таджикистан	9126,6	9886,8	8,300
Узбекистан	33255,6	35271,3	6,100

Таблица 6. **Суммарный коэффициент рождаемости**

Table 6. **Total fertility rate**

Страна	2019 г.
Азербайджан	1,8
Беларусь	1,4
Казахстан	2,9
Кыргызстан	3,3
Узбекистан	2,3

Таблица 7. **Коэффициент разводимости**

Table 7. **Divorce ratio**

Страна	2021 г.
Азербайджан	1,7
Беларусь	3,7
Казахстан	2,5
Кыргызстан	1,8
Узбекистан	1,1

Анализ приведенных данных позволяет предположить, что в ряде стран существенное влияние на такие показатели, как рост численности населения, суммарный коэффициент рождаемости и число разводов, оказывают культура и религия со своими традициями и национальными ценностями.

Так, в странах Средней Азии семейные отношения всегда отличались консерватизмом. Семьи создаются рано. Молодые пары нередко живут вместе со старшими родственниками, мнение которых в семье играет решающую роль. Духовное общение родителей и детей не прекращается в течение всей жизни.

Главными целями создания семьи в Беларуси всегда являлись рождение детей, их воспитание и передача накопленного опыта и знаний, культуры и нравственности. В недалеком прошлом подростки уже в 15–16 лет обладали всеми навыками для ведения самостоятельной жизни, в семье один ребенок был большой редкостью. Одной из основных белорусских семейных ценностей было почитание старших и беспрекословное им подчинение, что буквально за несколько десятилетий в значительной мере утрачено. Современные европейские тенденции коснулись многих аспектов уклада в семье. Сегодня белорусская женщина выполняет не только роль матери и хозяйки дома. Она успешно реализует себя в профессии, строит карьеру, зарабатывает деньги наравне с мужем. Вступать в брак белорусы стали позже. Молодым людям хочется получить образование, поработать, финансово обеспечить себя и только потом создать семью. В настоящее время более 90 % семей имеют одного или двух детей. Острой проблемой современной Беларуси, как и других стран, остается высокий уровень разводов молодых пар. Неотъемлемой чертой уклада жизни становится и автономное проживание молодой семьи.

Влияние западных ценностей радикально изменило мотивационную составляющую по созданию семьи, постепенно происходит размывание национального менталитета, традиций и идентичности. Необходимо учитывать, что современное состояние институтов семьи и брака характеризуется изменением модели современной семьи. Увеличились доля и число семей, состоящих из матери или отца с детьми, а также семей, в которых одинокие мать или отец с детьми проживают вместе со своими родителями. Все чаще появляются супружеские пары, откладывающие реализацию репродуктивной функции на неопределенный период. Получают распространение, особенно среди молодежи, партнерские «неформальные союзы» – официально незарегистрированные союзы мужчины и женщины.

Наиболее чувствительным к изменениям, происходящим в период цифровой трансформации общества, является человек, на которого большое влияние могут оказывать образцы так называемой массовой культуры, противоречащие общечеловеческим и национальным духовно-нрав-

ственным ценностям и традициям. Под влиянием информационной среды процесс социализации трансформируется в киберсоциализацию, приобретая как положительные, так и отрицательные черты. Происходят модификация демографических установок молодежи и изменение социального поведенческого опыта. Оказывают влияние различные субкультуры и идеологии, характеризующиеся осознанным нежеланием иметь детей, например «чайлдфри». В результате указанных изменений – недостаточное выполнение многими семьями их репродуктивной, воспитательной, коммуникативной, экономической и хозяйственно-бытовой функций и, в конечном итоге, возникновение в таких семьях неблагоприятных условий для рождения, воспитания, содержания и соблюдения законных интересов детей [14].

Важно признать, что в центре пересечения информационных пространств и сетей находится человек с его собственным информационным пространством, уровнем восприятия и вовлеченности в сетевое сообщество. Е. М. Бабосов отмечает следующее: «Конечно, в процессе превращения Беларуси в IT-страну, базисное основание которой образует цифровая экономика, цифровизация не ограничивается экономическими отношениями, но охватывает и многие другие области жизнедеятельности общества. Но ключевыми субъектно-объектными акторами всех трендов цифровизации и многообразных процессов становления IT-страны являются: а) люди, владеющие информационными технологиями и умеющие применять их в различных областях повседневной жизнедеятельности; б) эффективное и продуктивное использование информационных технологий высококвалифицированными и компетентными специалистами» [15]. Автор обоснованно утверждает, что успешное развитие информационно-коммуникативных технологий способно обеспечить повышение благосостояния белорусского народа. Вместе с тем на фоне возрастания влияния на человеческий и социальный потенциал технологий манипуляций, средств и методов воздействия на массовое сознание целесообразно было бы расширять базу данных для исследования проблем влияния не только экономических факторов, но и социокультурных и информационных на демографические процессы. Необходимо своевременно выявлять, кто, где и как порождает негативные мотивационные установки, принимать меры, способные предотвратить и сгладить нежелательные последствия. Белорусский демограф Л. П. Шахотько в своих исследованиях акцентирует внимание на том, что необходимо менять подходы к проведению мониторинга демографического развития страны и вернуться к практике разработки ежегодных демографических прогнозов, которая существовала с 1963 по 2011 г., а также «...расширить использование регистра населения не только в практических целях, но и для проведения научных исследований» [16].

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая с ежегодным Посланием белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, отмечал: «Инвестиции в семью – это инвестиции в будущее развитие. Но сегодня необходимо сместить акценты с экономической составляющей, которая достаточно весома, на политику семейного благополучия, психологической устойчивости и стабильности» [17].

Особую актуальность обретает исследование закономерностей миграционного поведения, объективных и субъективных факторов миграции. С целью разработки новых принципов государственной миграционной политики необходимо, с одной стороны, вырабатывать и совершенствовать механизмы, оказывающие влияние на снижение уровня негативных последствий, а с другой – проводить работу на опережение и принятие и превентивных мер, в том числе и на законодательном уровне. На совершенствование регулирования экспорта и импорта рабочей силы, защиту национального рынка труда от неконтролируемого притока иностранной рабочей силы, смягчение ситуации на внутреннем рынке труда за счет трудоустройства белорусских граждан за границей был направлен Закон Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции», принятый в 2022 г.

Результаты исследования миграционных проблем учеными Института социологии НАН Беларуси показали, что эмиграционный потенциал населения из Беларуси за период 2010–2019 гг. значительно вырос. Глобальная нестабильность, которая продолжает нарастать начиная с 2019 г. еще больше обострила эмиграционную проблему. Вместе с тем наблюдается рост числа мигрантов из других стран, в первую очередь за счет граждан Украины. Авторы исследования указы-

вают, что существенную роль в этих процессах играют социально-экономические факторы, и отмечают: «Исследование закономерностей формирования миграционного поведения, объективных и субъективных факторов миграции, их взаимосвязи сегодня как никогда актуально, так как результаты этих исследований являются концептуальной основой разработки новых принципов государственной миграционной политики и повышения ее эффективности» [18].

Вопрос разработки комплекса мер по сокращению эмиграционного оттока и прежде всего молодежи отражен в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [19].

Анализ результатов исследований данной проблемы выявил необходимость фокусирования внимания не только на экономических и социальных проблемах, но и на проблеме влияния информационной среды на потребности личности и ее мотивацию, ведущей к перестройке образа жизни. У определенной части молодых людей не сформированы привязанности к семье, родным и близким и, как следствие, родной стране. Они, как правило, кочуют из страны в страну и живут по принципу «здесь и сейчас». В ходе решения данной проблемы следует принять во внимание нарастание информационно-психологического воздействия в соответствии с интересами внешних сил, изменяющих ценностные установки молодежи, наносящего существенный ущерб национальным интересам, способствующего перераспределению человеческих ресурсов и ведущего к оттоку высококвалифицированных кадров из страны. В процессе информационной перегрузки человеку сложно противостоять воздействию на массовое сознание. И в этом кроется большая проблема, поскольку одновременно происходит уменьшение влияния на человека традиционных социальных институтов, государства, семьи, школы и др. С целью дестабилизации общества вне рамок правового регулирования происходит массированное информационно-психологическое воздействие на население. На основе отслеживания и анализа «цифровых следов» и применения больших баз данных (Big Data) становится возможным индивидуализировать воздействие на человека. Необходимо признать тот факт, что именно через потребление аудиторией продукции средств массовой информации с использованием индивидуальных мобильных устройств (планшетов, смартфонов и др.), позволяющих пользователю быть постоянно онлайн, реализуется мощный управленческий потенциал информационных потоков. Сила его воздействия на массовое сознание, по мнению французского социолога А. Моля, превосходит роль системы образования [20].

К факторам, определяющим создание условий для развития социального потенциала, следует отнести своевременное совершенствование законодательства в области информационной безопасности. Основополагающим документом, определяющим государственную политику в области информационной безопасности, является Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, в которой определено: «Целью обеспечения информационной безопасности является достижение и поддержание такого уровня защищенности информационной сферы, который обеспечивает реализацию национальных интересов Республики Беларусь и ее прогрессивное развитие». В Концепции также отмечено: «Особое значение приобретает конкурентоспособность государственных средств массовой информации, достигаемая в том числе через национальное производство высококачественного контента и формирование современной системы медиаизмерений» [21].

9 января 2023 г. на встрече с государственным секретарем Союзного государства Д. Ф. Мезенцевым Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко заявил: «В Союзном государстве в 2023 г. необходимо создать мощный и современный медиахолдинг».

Заключение. Исходя из того факта, что реализация демографической политики государства находится в условиях быстро меняющейся цифровой трансформации общества, усиливающегося информационного воздействия на сознание человека, необходимо особое внимание уделить проблеме управления информационным полем, которое должно быть ориентировано на реализацию национальных интересов и стратегические национальные приоритеты белорусского общества.

Следует признать, что в идеологическом, социальном, культурном, мотивационном и образовательном аспектах кроется преобразовательный потенциал, способный усилить взаимодействие всех институтов в решении вопросов формирования желательного режима воспроизвод-

ства населения, изменения тенденций в области динамики численности и структуры населения, динамики рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

Учитывая, что фундаментальной основой национальной безопасности страны является сбережение населения, его культурного кода, традиций и ценностей, возникает необходимость проведения исследований по выявлению факторов, влияющих на формирование семейных ценностей, демографических установок, мотивационной составляющей по созданию семьи, установление реальных и предвидение потенциальных угроз демографического развития, изучение миграционной ситуации. Отбор и возможность их коррелировать в зависимости от изменения условий позволят посредством совокупного воздействия стать важным инструментом в управлении социальным потенциалом, оказать непосредственное влияние на демографическую составляющую устойчивого развития страны и повысить уровень управления социальным потенциалом.

Необходимость применения теоретических и практических знаний для разрешения демографических проблем делает исследование социального потенциала одной из актуальных и многогранных задач, позволяющих моделировать и системно прогнозировать развитие общества.

Список использованных источников

1. Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь / Е. А. Антипова [и др.] ; под общ. ред. Т. Н. Мироновой, С. В. Рязанцева. – Минск : В.И.З.А. Групп, 2017. – 168 с.

2. Социология управления в теории и практике государственного управления : сб. науч. тр. / С. В. Лапина [и др.] ; под общ. ред. С. В. Лапиной. – 2-е изд. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 313 с.

3. Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 нояб. 2022 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси ; редкол.: Н. Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Донарит, 2022. – 398 с.

4. Дружилов, С. А. Негативные воздействия современной информационной среды на человека: психологические аспекты / С. А. Дружилов // Психол. исслед. – 2018. – Т. 11, № 59. – Ст. 11. https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.280

5. Information ecology research: past, present, and future / X. Wang [et al.] // Inf. Technol. Management. – 2017. – Vol. 18, N 1. – P. 27–39. https://doi.org/10.1007/s10799-015-0219-3

6. Докторович, А. Б. Социальный потенциал как предмет системного исследования / А. Б. Докторович // Россия и соврем. мир. – 2007. – № 3. – С. 179–189.

7. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

8. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Беллл ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – 786 с.

9. Каргаполова, Е. В. Категория «потенциала региона»: специфика проблемного поля / Е. В. Карпаголова // Науч. потенциал регионов России на службу модернизации. – 2013. – № 1 (4). – С. 144–154.

10. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p31000575. – Дата доступа: 15.11.2022.

11. О демографической безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2002 г., № 80-З // ЭТАЛОН online. – Режим доступа: https://etalonline.by/document/?regnum=h10200080. – Дата доступа: 15.09.2022.

12. Шавель, С. А. Перспективы развития социума / С. А. Шавель. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 507 с.

13. Межгосударственный статистический комитет Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://new.cisstat.org/web/guest. – Дата доступа: 14.09.2022.

14. Старовойтова, А. В. Факторы формирования и развития социального потенциала в эпоху цифровой трансформации / А. В. Старовойтова // Проблемы упр. – 2022. – № 4 (86). – С. 105–111.

15. Бабосов, Е. М. Развитие сетевого общества и перспективы построения IT-страны в Беларуси / Е. М. Бабосов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2019. – Т. 64, № 1. – С. 24–32. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-1-24-32

16. Шахотько, Л. П. Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси / Л. П. Шахотько, Д. В. Шахотько. – Минск : Беларус. навука, 2018. – 400 с.

17. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu. – Дата доступа: 15.11.2022.

18. Артюхин, М. И. Динамика миграционных намерений населения Республики Беларусь за период 2010–2019 гг.: социологический анализ / М. И. Артюхин, Э. М. Щурок, С. А. Пушкевич // Социол. альм. – 2021. – Вып. 12. – С. 174–186.

19. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292. – Дата доступа: 10.01.2023.

20. Моль, А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль ; вступ. ст., ред. и примеч. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова, С. Н. Плотникова. – Изд. 3-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.

21. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1. – Дата доступа: 10.01.2023.

References

1. Mironova T. N., Ryazantsev S. V. (ed.). *State and prospects of the demographic development of the Republic of Belarus.* Minsk, V.I.Z.A. Grupp Publ., 2017. 168 p. (in Russian).

2. Lapina S. V. (ed.). *Sociology of management in the theory and practice of public administration.* 2nd ed. Minsk, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 2017. 313 p. (in Russian).

3. Institute of Sociology of the NAS of Belarus. *Social knowledge in modern society: problems, patterns, prospects: materials of the III International scientific and practical conference, Minsk, November 3–4, 2022*. Minsk, Donarit Publ., 2022. 398 p. (in Russian).

4. Druzhilov S. A. Negative impacts of the modern information environment on a person: psychological aspects. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2018, vol. 11, no. 59, art. 11. (in Russian). https://doi.org/10.54359/ps.v11i59.280

5. Wang X., Guo Y., Yang M., Chen Y., Zhang W. Information ecology research: past, present, and future. *Information Technology and Management*, 2017, vol. 18, no. 1, pp. 27–39. https://doi.org/10.1007/s10799-015-0219-3

6. Doktorovich A. B. Socia potential as a subject of system studies. *Rossiya i sovremennyi mir = Russia and the Contemporary World*, 2007, no. 3, pp. 179–189 (in Russian).

7. Castells M. *Information era: economy, society and culture*. Moscow, State University Higher School of Economics, 2000. 608 p. (in Russian).

8. Bell D. *The coming post-industrial society: a venture in social forecasting.* New York, Basic Books, 1973. 507 p.

9. Kargapolova E. V. The category of "regional potential": the specifics of the problem field. *Nauchnyi potentsial regionov Rossii na sluzhbu modernizatsii* [Scientific potential of the regions of Russia for the service of modernization], 2013, no. 1, pp. 144–154 (in Russian).

10. On approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus: Decree of the President of the Republic Belarus, November 9, 2010, no. 575. *National legal Internet portal of the Republic of Belarus.* Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p31000575 (accessed 15.11.2022) (in Russian).

11. On the demographic security of the Republic of Belarus: Law of the Republic Belarus, 4 January 2002, no. 80-Z. *ETALON online*. Available at: https://etalonline.by/document/?regnum=h10200080 (accessed 15.09.2022) (in Russian).

12. Shavel' S. A. *Prospects for the development of society.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 507 p. (in Russian).

13. *Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States*. Available at: http://new.cisstat.org/web/eng (accessed 09.14.2022).

14. Starovoitova A. V. Factors of formation and development of social potential in the era of digital transformation. *Problemy upravleniya* [Management Issues], 2022, no. 4 (86), pp. 105–111 (in Russian).

15. Babosov Ye. M. Infinite scale of networked society development and prospects of the IT-country in Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2019, vol. 64, no. 1, pp. 24–32 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2019-64-1-24-3

16. Shakhot'ko L. P., Shakht'ko D. V. *Household, family and family policy in Belarus.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2018. 400 p. (in Russian).

17. Message to the Belarusian people and the National Assembly. *President of the Republic of Belarus*. Available at: https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-28-yanvarya-obratitsya-s-ezhegodnym-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu (accessed 15.11.2022) (in Russian).

18. Artyukhin M. I., Shchurok E. M., Pushkevich S. A. Dynamics of migration intentions of the population of the Republic of Belarus for the period 2010–2019: sociological analysis. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological Almanac], 2021, iss. 12, pp. 174–186 (in Russian).

19. On approval of the Program of Socio-Economic Development of the Republic of Belarus for 2021–2025: Decree of the President of the Republic of Belarus, July 29, 2021, no. 292. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus.* Available at: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292 (accessed 10.01.2023) (in Russian).

20. Moles A. A. *Sociodynamique de la culture.* 2nd ed. Paris, Mouton, 1971. 342 p. (in French).

21. On the Information Security Concept of the Republic of Belarus: resolution of the Security Council of the Republic of Belarus. Belarus, March 18, 2019, no. 1. *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus.* Available at: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001&p1=1 (accessed 10.01.2023) (in Russian).

Информация об авторе

Старовойтова Анна Валентиновна – депутат. Национальное собрание Республики Беларусь (ул. Советская, 11, 220010, Минск, Республика Беларусь). E-mail: anechka-star@mail.ru

Information about the author

Anna V. Starovoitova – Deputy. National Assembly of the Republic of Belarus (11 Sovetskaya Str., Minsk 220010, Belarus). E-mail: anechka-star@mail.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

УДК 903.2.08:687.53.053.51-035.3(476.7-21)«653»:535.3.08
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-299-307

Поступила в редакцию 05.05.2023
Received 05.05.2023

Т. А. Неклюдова

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ДЕРЕВЯННЫЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ РАСКОПОК СРЕДНЕВЕКОВОГО ПИНСКА: ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В научный оборот вводится деревянный гребень из раскопок средневекового Пинска. Гребень был обнаружен в ходе археологических исследований территории окольного города под руководством П. Ф. Лысенко в 1963 г. Особенностью гребня является его линейно-циркульная орнаментация, дополненная пигментом темно-красного цвета.

С целью изучения неразрушающими методами пигмента, содержащегося внутри элементов циркульного орнамента гребня, а также макроструктуры древесины гребня, проведены исследования предмета с помощью видеоспектрального компаратора Regula 4305D в инфракрасном и ультрафиолетовом излучении. На основе изучения степени проникновения инфракрасных лучей и отсутствия люминесценции в ультрафиолетовом излучении установлено, что в качестве пигмента могла использоваться киноварь. Изучение макроструктуры и сохранности древесины гребня позволяет сделать вывод о том, что он изготовлен из самшита.

С учетом обнаруженных аналогий в материалах из раскопок Новгорода, а также предметов из коллекций мировых музеев гребень может быть датирован временем не ранее XV в. Вероятнее всего, он являлся предметом импорта.

Отмечена необходимость более тщательной первичной обработки археологических материалов в полевых условиях с целью обнаружения вероятных следов краски на предметах из органических материалов.

Ключевые слова: археологическое дерево, гребень, пигмент, киноварь, средневековый Пинск, инфракрасное излучение, ультрафиолетовое излучение

Для цитирования: Неклюдова, Т. А. Деревянный гребень из раскопок средневекового Пинска: опыт комплексного исследования / Т. А. Неклюдова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 299–307. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-4-299-307

Tatiana A. Nekliudova

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

A WOODEN COMB FROM THE EXCAVATIONS OF MEDIEVAL PINSK: AN EXPERIENCE OF COMPREHENSIVE RESEARCH

Abstract. The article introduces into scientific circulation a wooden comb from the excavations of medieval Pinsk. This comb was discovered in 1963 during the archaeological research under the leadership of P. F. Lysenko on the territory of the fortified part adjacent to the Pinsk stronghold. A feature of the comb is its linear-circular ornamentation, supplemented with a pigment of dark red colour.

In order to study by non-destructive methods the pigment contained inside the elements of the circular ornament of the comb, as well as the macrostructure of the wood of the comb, the object was studied using a video spectral comparator Regula 4305D in infrared and ultraviolet light. Based on the study of the degree of penetration of infrared rays and the absence of luminescence in ultraviolet light, it was established that cinnabar could be used as a pigment. The study of the macrostructure and preservation of the wood of the comb allows us to say that it was made of boxwood.

Taking into account the analogies found in the materials from the excavations of Novgorod, as well as items from the collections of world museums, the comb can be dated no earlier than the 15th century. Most likely, this comb was an object of import.

The need for a more thorough primary processing of archaeological materials in the field in order to detect possible traces of paint on objects made of organic materials is noted.

Keywords: archaeological wood, comb, pigment, cinnabar, medieval Pinsk, infrared light, ultraviolet light

© Неклюдова Т. А., 2023

For citation: Nekliudova T. A. A Wooden comb from the excavations of medieval Pinsk: an experience of comprehensive research. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 299–307 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-299-307

Введение. Деревянные гребни являются частой находкой в городах, культурный слой которых сохраняет предметы из органических материалов. Этот весьма важный и распространенный предмет быта использовался для ухода за волосами и личной гигиены. Гребни изготавливались, как правило, из древесины самшита, хотя анализ древесины проводился у небольшого количества предметов, найденных на территории Беларуси.

В ходе археологических исследований Пинска были найдены несколько деревянных гребней, орнаментированных в том числе циркульным и зооморфным («крылатый лев») орнаментом [1, с. 524; 2, рис. 37].

Один из деревянных гребней был выявлен в ходе раскопок окольного города Пинска под руководством П. Ф. Лысенко в 1963 г., он имеет полевой номер 41. Раскоп площадью 128 м² был разбит у дома по ул. З. Космодемьянской. Согласно П. Ф. Лысенко, это привальная северная часть окольного города. В культурном слое толщиной в среднем 4,5 м прослежены четыре стратиграфических слоя конца XI – XX вв. Были выделены девять строительных ярусов XIII – XVIII вв., вскрыты дворы двух усадеб и улица, найдены многочисленные изделия из дерева, растительные остатки, фрагменты ткани [3, л. 6].

К сожалению, в полевой отчетной документации отсутствует точное место находки гребня, что затрудняет его датировку. В отчете в перечне найденных предметов деревообрабатывающего ремесла лишь указан «деревянный гребень с циркульным орнаментом (производство – неизвестно)» [3, л. 23]. Иллюстраций в отчете нет. Данный гребень не упоминался также ни в одной из обобщающих публикаций, посвященных археологическому изучению Пинска [4; 2; 5]. Цель статьи – введение в научный оборот этого предмета, а также результатов его комплексного исследования.

Методы и результаты исследования. Деревянный гребень двусторонний, сохранился практически полностью (отсутствует одна из боковых сторон, частично отломаны несколько крупных и ряд мелких зубьев, в настоящее время склеен из двух частей) (рис. 1). Относится к типу прямоугольных (по Б. А. Колчину) [6, с. 84]. Гребень имеет следующие размеры: высота – 6,64 см, ширина – 6,02 см, толщина – 0,83 см; ширина центральной части – 1,4 см, ширина боковой стороны 0,6 см. Зубья гребня аккуратно нарезаны пилой, отполированы. Крупные зубья имеют длину

а *б*

Рис. 1. Гребень из раскопок средневекового Пинска: *а* – лицевая сторона; *б* – оборотная сторона

Fig. 1. Comb from the excavations of medieval Pinsk: *a* – front side; *b* – reverse side

3,3 см, толщину 0,18 см, сохранились 24 единицы; мелкие зубья с максимальной сохранившейся длиной 2,9 см и толщиной 0,7 мм сохранились в количестве 65 единиц.

Гребень украшен линейно-циркульным орнаментом. Зубья (крупные и мелкие) с обеих сторон ограничены двумя прямыми параллельными линиями (расстояние между ними 1 мм). Композиция циркульного орнамента представляет собой три больших глазка (диаметр – 1,2 см) на лицевой и оборотной сторонах, состоящих из 4 концентрических кругов с углублением-площадкой и точкой в центре. Между ними расположена композиция из трех меньших по размеру глазков (диаметр – 5 – 6 мм) из 2 концентрических кругов с точкой в центре. Орнамент нанесен очень аккуратно, симметрично, располагается посередине центральной части гребня. Наибольший интерес представляют следы пигмента темно-красного цвета, который заполнял углубление-площадку каждого из трех крупных глазков на обеих сторонах гребня.

С целью изучения неразрушающими методами пигмента, содержащегося внутри элементов циркульного орнамента гребня, а также макроструктуры древесины гребня нами были проведены исследования с использованием прибора контроля подлинности документов – компаратора видеоспектрального Regula 4305D. Визуализация предмета проводилась:

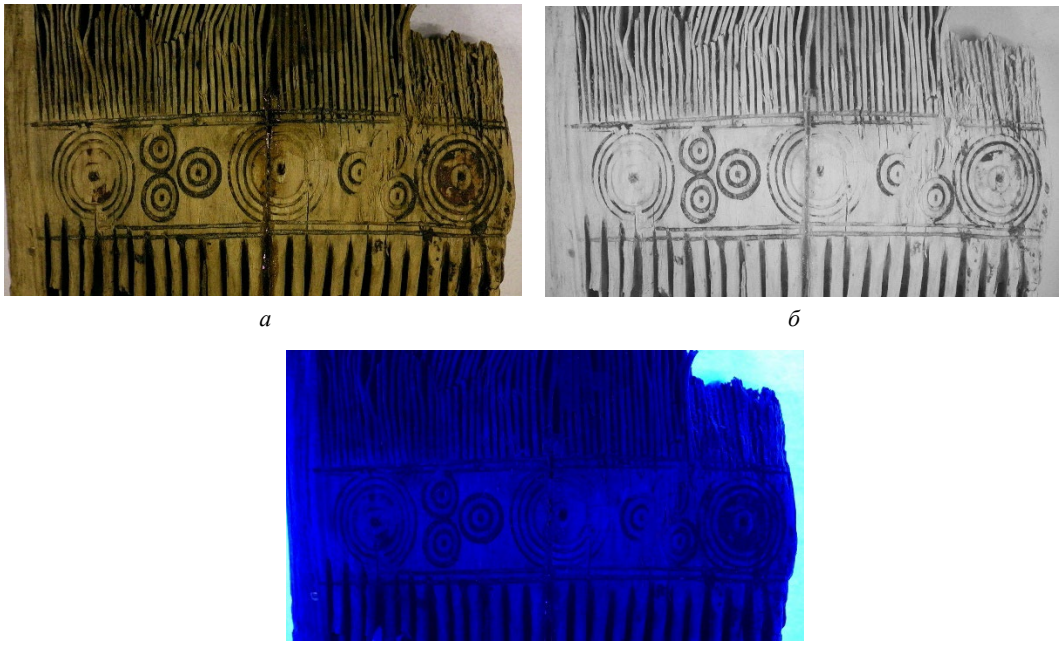
в диапазоне видимого излучения (в верхнем и косопадающем белом свете) с цифровым увеличением ×37,70; ×9,00; ×3,20;

в диапазоне инфракрасного излучения (верхнем и косопадающем) с длиной волны 700 нм, 870 нм и 950 нм (ближний ИК), с цифровым увеличением ×37,70; ×9,00; ×3,20;

в диапазоне ультрафиолетового излучения (УФ) с длиной волны 365 нм и 400 нм, с цифровым увеличением ×37,70; ×3,29 (рис. 2).

Исследования в инфракрасных (имеют свойство проникать через пропускающие слои) и ультрафиолетовых (для определения сохранности, прочтения надписей) лучах широко применяются, к примеру, при экспертизе произведений живописи [7, с. 58–59, 71].

При исследовании орнаментального элемента гребня с пигментом было обнаружено, что пигмент становится практически невидимым в инфракрасном свете с длиной волны 950 нм

а *б* *с*

Рис. 2. Центральная часть гребня с орнаментом в цифровом увеличении ×3,29: *а* – в диапазоне видимого излучения; *б* – в диапазоне инфракрасного излучения с длиной волны 950 нм; *с* – в диапазоне ультрафиолетового излучения с длиной волны 400 нм

Fig. 2. The central part of the comb with an ornament in the digital zoom ×3.29: *a* – in the visible light; *в* – in the infrared light with a wavelength of 950 nm; *c* – in the ultraviolet light with a wavelength of 400 nm

а *б* *с*

Рис. 3. Орнаментальный элемент гребня с пигментом в цифровом увеличении ×9,00:
а – в диапазоне видимого излучения; *б* – в диапазоне инфракрасного излучения с длиной волны 870 нм;
с – в диапазоне инфракрасного излучения с длиной волны 700 нм

Fig. 3. An ornamental element of the comb with a pigment at a digital zoom ×9.00: *a* – in the visible light;
b – in the infrared light with a wavelength of 870 nm; *c* – in the infrared light with a wavelength of 700 nm

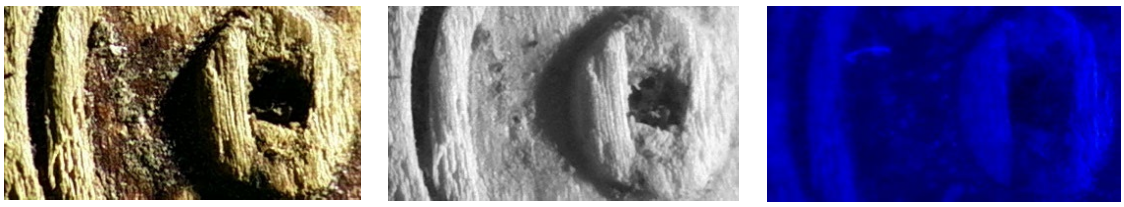
и 870 нм, но заметен при излучении с длиной волны 700 нм, т. е. при приближении к зоне видимого излучения (рис. 3).

Известно, что проницаемость красочных пигментов для инфракрасных лучей зависит от их химического состава. Например, пигменты, содержащие медь и углерод, максимально поглощают ИК-лучи и при рассмотрении в данном диапазоне чернеют. Напротив, пигменты на основе свинца либо ртути ИК-лучи отражают и, соответственно, значительно светлеют в ИК-диапазоне [7, с. 72; 8]. Некоторые пигменты (цинковые белила, краплак, кармин) пропускают ИК-лучи и становятся прозрачными [8]. Также необходимо отметить, что проникающая способность ИК-лучей возрастает по мере старения красочного слоя [7, с. 74].

Изучаемый нами пигмент имеет ярко выраженный темно-красный оттенок (рис. 4, *а*). Среди пигментов красного цвета, используемых в средневековье, основными были киноварь (природная и искусственная), свинцовый сурик (имеет оранжевый оттенок), охра, красные органические пигменты [9, с. 63–65].

Учитывая данные, полученные при анализе результатов ИК-излучения (рис. 4, *б*), а также отсутствие люминесценции при исследовании в УФ-диапазоне (рис. 2, *с*; рис. 4, *с*), можно предположить, что для орнаментации гребня использовалась киноварь – сульфид ртути HgS, природный минерал [9, с. 63]. Следует отметить, что была широко известна и искусственная киноварь (в средневековых трактатах встречаются рецепты ее искусственного получения из ртути и серы), но какая именно киноварь использовалась в данном конкретном случае, определить в принципе очень сложно [9, с. 50, 63; 10, с. 44].

По археологическим материалам известно использование киновари для орнаментации различного рода изделий. Например, следы киновари содержались в бороздах резного орнамента на декоративной накладке из кости, происходящей из раскопок в Новгороде (Михайловский раскоп) и датированной XV в. [11, с. 123–125].

а *б* *с*

Рис. 4. Орнаментальный элемент гребня с пигментом в цифровом увеличении ×37,70:
а – в диапазоне видимого излучения; *б* – в диапазоне инфракрасного излучения с длиной волны 870 нм;
с – в диапазоне ультрафиолетового излучения с длиной волны 400 нм

Fig. 4. An ornamental element of the comb with a pigment at a digital zoom ×37.70: *a* – in the visible light;
b – in the infrared light with a wavelength of 870 nm; *c* – in the ultraviolet light with a wavelength of 400 nm

Исследование древесины в УФ-лучах и люминесцентный анализ применяются с 1940-х гг. для определения вида древесины, исследования ее экстрактивных веществ, а также в целях дефектоскопии древесины. Известно, что древесина (около 90 % древесных пород) люминесцирует в УФ-лучах. Большинство древесных пород (40 %) люминесцирует фиолетовым цветом (клен, граб, береза, сосна, ива и др.), синим или голубым – 25 % (пихта, ель, липа, вяз, ольха и др.), темно-фиолетовым – 15 % (лиственница, тис, дуб, яблоня, орех и др.) и около 10 % люминесцирует характерным желтым или зеленовато-желтым цветом (барбарис, белая акация и др.). На цвет и интенсивность люминесценции также влияют состояние поверхности образца, влажность и температура древесины, степень ее поражения [12, с. 163; 13, с. 15–16; 14].

Археологическое дерево имеет измененный химический состав и физико-механические свойства. В частности, в мокрой археологической древесине исчезают экстрактивные водорастворимые вещества.

При рассмотрении гребня в УФ-лучах было установлено, что отдельные небольшие участки люминесцируют сине-голубым цветом (рис. 4, *с*). Однако полученных данных недостаточно как для однозначного определения древесной породы, так и в целом эффективности метода применительно к археологической древесине.

Тем не менее древесина самшита обладает определенными характеристиками, позволяющими визуально ее идентифицировать:

цвет древесины – от светло-желтого до воскового, матовый, иногда с сероватым оттенком, со временем практически не темнеет;

годичные слои узкие, слегка волнистые, годичные кольца заметны только на хорошо отполированной древесине;

сердцевидные лучи и сосуды мелкие и не видны (древесина самшита рассеянно-сосудистая), невооруженным взглядом можно различить только сердцевинные лучи на поперечном срезе;

строение древесины однородное, но встречается неравномерное распределение волокон [15, с. 119].

Кроме того, еще В. Е. Вихров обратил внимание на свойство древесины самшита хорошо сохраняться как во время нахождения в мокром культурном слое (с сохранением цвета и структуры), так и после извлечения из культурного слоя (высыхание без трещин и короблений) [16, с. 141–142]. Поэтому вывод об использовании древесины самшита был распространен на все гребни хорошей сохранности [17, с. 263].

Древесина изучаемого нами гребня имеет желтовато-сероватый цвет, матовая, однородная. По-видимому, гребень не консервировался специальными средствами, поскольку заметны деформации зубьев, а сам гребень несколько выгнут (рис. 1). Тем не менее отсутствуют растрескивания, что свидетельствует о плотности и хорошей сохранности древесины. Можно со значительной долей уверенности утверждать, что гребень изготовлен из самшита.

Что касается датировки гребня, то прямоугольный тип гребней является наиболее распространенным и датируется широко в пределах X – XV вв. (по Б. А. Колчину, в соответствии с новгородской хронологией) [6, с. 84].

Использование краски либо других материалов в декоративном оформлении гребней редко фиксируется в археологических материалах. Среди найденных на территории Беларуси гребней с дополнительно украшенным циркульным орнаментом выделяется гребень из раскопок Минского замчища 1957 г. (раскоп 1, участок Г, квадрат 157, глубина 4,01, пласт II) (хранится в фондах ГУ «Национальный исторический музей Республики Беларусь», КП 10613/74). Гребень двусторонний, прямоугольной формы, сохранился наполовину (размеры 3,86×8,5×1,13 см). На обеих сторонах в центральной части расположены соответственно два и три «глазка» из трех концентрических кругов. Внутри сделанных резцом углублений и центральной «точки» видны следы материала серебристого цвета, напоминающего фольгу. На эту характерную особенность гребня было обращено внимание в полевом дневнике, где она была названа «серебряной инкрустацией» [18, л. 67, рис. 66].

Деревянные гребни с идентичным по композиции линейно-циркульным орнаментом известны из раскопок в Новгороде (Ярославово дворище, исследования А. В. Арциховского 1947 г.)

и датированы X – XV вв. (находятся в коллекции Государственного исторического музея, г. Москва; первый имеет инвентарный номер Оп. В 1143а/1206, номер ГИМ 82582/3904; второй – инвентарный номер Оп. В 1143а/1390, номер ГИМ 82582/4448). Они несколько больше по размеру: 8,4 × 3,7 см и 9,1 × 5,3 × 1,1 см соответственно (сохранились не полностью). Однако на одном из гребней орнамент расположен несимметрично, смещен к крупным зубьям и даже заходит на них, крупные и мелкие глазки «перерезает» линейный орнамент [19; 20]. Наличие пигмента на данных гребнях не исследовалось[1].

Из раскопок в Новгороде известны три гребня, расписанные красками. Все они происходят из слоев XV в. (ранее Б. А. Колчин один из гребней датировал серединой XIV в. [21; 22, с. 123]). Однако в данных случаях роспись краской носит основной характер, а не дополняет линейно-циркульный орнамент. Рисунки представляют собой слабо различимый геометрический либо линейно-цветочный орнамент, были выполнены с использованием красно-коричневых, а также золотистых пигментов [23, с. 227].

В коллекции Метрополитен-музея (г. Нью-Йорк, США) хранится интересный складной, состоящий из 4 гребней, самшитовый гребень с прорезным орнаментом, поверхность каждого из четырех элементов которого покрыта пигментом красного цвета. Гребень происходит из Тироля и датирован временем около 1500 г. [24, с. 210; 25].

На территории Беларуси выявлены также единичные находки изделий из дерева, покрытых пигментом либо расписанные красками. Среди них – фрагменты точеного блюда из слоя XIII в. из раскопок Берестья (хранится в УК «Брестский областной краеведческий музей», НВ 010231). На блюдо по внешнему краю нанесен сердцевидный узор с использованием краски черного, красного и белого цветов [26, с. 88; 27, рис. 220]. Следы росписи и желто-зеленой краски сохранились на двух ковшах XIII – начала XIV в. из раскопок Верхнего замка Витебска [28, с. 205]. Из раскопок детинца Слуцка происходят две шахматные фигуры из слоя рубежа XI – XII вв., тонированные в черный цвет красителем органического происхождения [29, с. 80–81].

Б. А. Колчин отмечал, что в Новгороде в условиях высокой влажности культурного слоя краска на предметах сохраняется довольно плохо, и расписанные красками изделия появляются только в слоях середины XII в., что, безусловно, не свидетельствует о появлении бытовой росписи красками только в это время [30, с. 57]. Среди деревянных изделий, расписанных краской, из раскопок Новгорода известны ложки, точеные на токарном станке чаши, берестяные короба, игрушки, декоративные доски [30, с. 58].

Тем не менее традиция украшать гребни краской появляется, по-видимому, позже (либо более ранние образцы нам пока неизвестны), и немногочисленные известные гребни с пигментом датированы временем не ранее XV в.

Вопрос о происхождении гребня остается дискуссионным. Традиционно самшитовые гребни считаются предметом импорта. В. Е. Вихров на основе изучения новгородских материалов предположил, что импортировалось только сырье – древесина самшита, а сами гребни вырезались мастерами-«гребенниками» на месте [31, с. 97]. В одной из последних значительных публикаций по данной теме Л. И. Смирнова делает вывод об импорте в Новгород скорее готовых изделий либо «полуфабрикатов», которые могли быть орнаментированы на месте [23, p. 240].

В полевом отчете П. Ф. Лысенко поставил под сомнение местное производство гребня [3, л. 23]. В монографии он отмечал небольшое количество найденных при раскопках Пинска импортных изделий [2, с. 156], но подчеркивал, что для изготовления гребней необходимо «специальное сырье, инструменты и профессиональные навыки» [2, с. 153].

Выводы. Таким образом, самшитовый гребень с линейно-циркульным орнаментом, дополненным красным пигментом (вероятнее всего, киноварью) из раскопок окольного города Пинска, – редкий образец декоративно-прикладного искусства. Гребень являлся скорее предметом импорта, может быть датирован временем не ранее XV в.

Древесина самшита плотная, тяжелая, твердая, имеет красивую текстуру (в отполированном виде напоминает слоновую кость) и часто не орнаментировалась вовсе. Среди орнаментирован-

[1] Информация А. О. Шевцова, научного сотрудника отдела археологических памятников Государственного исторического музея, г. Москва.

ных экземпляров циркульный орнамент является наиболее распространенным, он мог сочетаться с прорезным орнаментом, изображениями человека либо животных [30, с. 16]. Однако гребни, украшенные красками, являются единичными экземплярами. Тем не менее следует обратить внимание на то, что вероятные следы краски на предметах из органических материалов могли быть приняты за загрязнения и вычищены еще при первичной обработке предметов в полевых условиях. Таким образом, возникает вопрос о более внимательном отношении к подобным предметам [11, с. 125].

Изделия из органических материалов, извлеченные из мокрых культурных слоев (как дерево, так и кожа или ткани), зачастую имеют коричневый цвет, затрудняющий обнаружение на них пигмента, надписи и т. п. Использование инфракрасного и/или ультрафиолетового излучения позволяет заметить такие детали, а также идентифицировать их при наличии, к примеру, флуоресценции [32, с. 18]. Проведенные исследования гребня в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах позволили сделать выводы об использованном для орнаментации гребня пигменте и могут быть полезны в дальнейших исследованиях археологических изделий из дерева.

Благодарности. Автор выражает благодарность УК «Брестский областной краеведческий музей» и ведущему научному сотруднику Е. Е. Куприянюк за предоставленную возможность, помощь и консультации при работе с прибором Regula 4305D.

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the Cultural Institution “Brest Regional Museum of Local Lore” and the leading researcher E. E. Kupriyanyuk for the opportunity, help and advice when working with the Regula 4305D device.

Список использованных источников

1. Лавыш, К. А. Самшитовые гребни из раскопок средневекового Минска / К. А. Лавыш // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі : [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2022. – Вып. 32. – С. 520 – 526.

2. Лысенко, П. Ф. Древний Пинск: XI – XIII вв.: 1097–2007 / П. Ф. Лысенко. – Пинск : Пин. регион. тип., 2007. – 172 с.

3. Лысенко, П. Ф. Отчет о полевой работе Пинского отряда археологической экспедиции за 1963 г. / П. Ф. Лысенко // Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). – ФАНД. Оп. 1. Арх. № 202. – 43 с., 65 ил.

4. Лысенко, П. Ф. Древний Пинск, XI – XIII вв. / П. Ф. Лысенко ; оформл. А. Звонарев. – Минск : БелАДИ, 1997. – 189 с.

5. Лысенка, П. Ф. Археалогія старажытнага Пінска / П. Ф. Лысенка // Гісторыя Пінска. Ад старажытнасці да сучаснасці: да 915-й гадавіны з першага летапіснага ўпамінання / [А. М. Літвін і інш. ; рэдкал.: А. М. Літвін (адк. рэд.) і інш.] – Мінск, 2012. – С. 40–64.

6. Колчин, Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия / Б. А. Колчин. – М. : Наука, 1968. – 183 с.

7. Комплексные исследования (экспертиза) произведений живописи : науч.-метод. пособие / Гос. науч.-исслед. ин-т реставрации ; [отв. ред. С. А. Кочкин]. – Череповец : Порт-Апрель, 2021. – 119 с.

8. Пигменты масляных красок в ультрафиолетовом и инфракрасном свете. Инфракрасная люминесценция [Электронный ресурс] // LiveJournal. – Режим доступа: https://invis-light.livejournal.com/1043.html. – Дата доступа: 21.02.2023.

9. Наумова, М. М. Техника средневековой живописи. Современные представления по результатам исследований / М. М. Наумова. – М. : ГосНИИР, 1999. – 88 с.

10. Ченнини, Ч. Книга об искусстве, или Трактат о живописи / Ч. Ченнини ; [пер. с итал. А. Лужнецкой]. – М.: ОГИЗ : ИЗОГИЗ, 1933. – 139 с.

11. Смирнова, Л. И. К вопросу об использовании пигментов и красителей для украшения изделий из костных тканей (по материалам из раскопок в Новгороде) / Л. И. Смирнова // Новгород и Новгородская земля. История и археология : [тез. науч. конф.] / Новгор. гос. объед. музей-заповедник. – Новгород, 2000. – Вып. 14. – С. 11– 126.

12. Ванин, С. И. Древесиноведение : [учебник] / С. И. Ванин. – 3-е изд. – М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1949. – 472 с.

13. Лакатош, Б. К. Люминесцентная дефектоскопия древесины / Б. К. Лакатош // Деревообраб. пром-сть. – 1961. – № 8. – С. 15–17.

14. Meier, E. Fluorescence: a secret weapon in wood identification [Electronic resource] // The Wood Database. – Mode of access: http://www.wood-database.com/wood-articles/fluorescence-a-secret-weapon-in-wood-identification/. – Date of access: 11.03.2023.

15. Карпова, Е. Самшитовое дерево – в тропиках, и не только / Е. Карпова, А. Кузнецов // ЛесПромИнформ. – 2015. – № 1 (107). – С. 116–119.

16. Вихров, В. Е. Некоторые наблюдения над стойкостью древесины из археологических раскопок / В. Е. Вихров // Совет. археология. – 1959. – № 2. – С. 135–142.

17. Рыбина, Е. А. Из истории южного импорта в Новгород / Е. А. Рыбина // Совет. археология. – 1971. – № 1. – С. 260–264.

18. Тарасенко, В. Р. Полевые дневники раскопок Минского Замчища за 1957 г. / В. Р. Тарасенко // ЦНА НАН Беларуси. – ФАНД. Оп. 1. Арх. № 1284в. – 4 тетради.

19. Гребешок. X–XV вв. [Электронный ресурс] // Государственный исторический музей. – Режим доступа: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7309676?page=45&fund_ier=647756450_647756730&material_techniq=%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE&index=2212. – Дата доступа: 06.03.2023.

20. Гребешок. X–XV вв. [Электронный ресурс] // Государственный исторический музей. – Режим доступа: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7301177?page=22&fund_ier=647756450_647756730&material_techniq=%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE&index=1093. – Дата доступа: 06.03.2023.

21. Гребня с золотой росписью обломок. XV – XVII вв. [Электронный ресурс] // Новгородский музей-заповедник. – Режим доступа: https://novgorod-iss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/139450?page=628&fund=11&create_date=750_1800&index=31380. – Дата доступа: 12.03.2023.

22. Древний Новгород: прикладное искусство и археология : [Альбом] / [сост.: Б. А. Колчин, В. Л. Янин, С. В. Ямщиков] ; авт. вступ. ст. В. Янин. – М. : Искусство, 1985. – 167 с.

23. Smirnova, L. I. Comb-making in medieval Novgard (950–1450). An industry in transition [Electronic resource] : Doctoral Thesis / L. I. Smirnova ; Bournemouth Univ. – Bournemouth, 2002. – Mode of access: http://eprints.bournemouth.ac.uk/12003/. – Date of access: 16.09.2022.

24. Mirror of the Medieval world / ed. W. D. Wixom. – New York : The Metropolitan Museum of Art, 1999. – 280 p.

25. Folding Comb [Electronic resource] // The Metropolitan Museum of Art. – Mode of access: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/466123?ft=wood+comb&offset=40&rpp=40&pos=57. – Date of access: 12.03.2023.

26. Лавыш, К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X – XIV вв.) / К. А. Лавыш. – Минск : Белорус. наука, 2008. – 208 с.

27. Лысенко, П. Ф. Берестье / П. Ф. Лысенко. – Минск : Наука и техника, 1985. – 399 с.

28. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска (IX – XVIII вв.) / Л. В. Колединский. – Гродно: ЮрСаПринт, 2021. – 632 с.

29. Колединский, Л. В. Шахматы XII – XIII вв. из раскопок детинца летописного Случеска / Л. В. Колединский // Древняя история Восточной Европы : сб. науч. ст., посвящ. 80-летию Э. М. Загорульского / [науч. ред. А. А. Егорейченко]. – Минск, 2009. – С. 79–86.

30. Колчин, Б. А. Новгородские древности. Резное дерево / Б. А. Колчин. – М. : Наука, 1971. – 63 с.

31. Вихров, В. Е. Из истории торговли древнего Новгорода / В. Е. Вихров, Б. А. Колчин // Совет. археология. – 1955. – № 24. – С. 93–97.

32. Waterlogged organic artefacts: guidelines on their recovery, analysis and conservation / Engl. Heritage. – Swindon : Engl. Heritage, 2012. – 32 p.

References

1. Lavysh K. A. Boxwood combs from the excavations of medieval Minsk. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of art history, ethnology and folkloristic]. Minsk, 2022, iss. 32, pp. 520–526 (in Russian).

2. Lysenko P. F. *Ancient Pinsk: 11th – 13th centuries: 1097–2007.* Pinsk, Pinsk regional printing house, 2007. 172 p. (in Russian).

3. Lysenko P. F. Report on the field research of the Pinsk detachment of the archaeological expedition for the year 1963. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. FASD, Inv. 1, no. 202. 43 p., 65 il. (in Russian).

4. Lysenko P. F. *Ancient Pinsk, 11th – 13th centuries*. Minsk, BelADI Publ., 1997. 189 p. (in Russian).

5. Lysenka P. F. Archaeology of the ancient Pinsk. *The history of Pinsk. From the ancient times to the modern times: to the 915th anniversary of the first annalistic mention*. Minsk, 2012, pp. 40–64 (in Belarusian).

6. Kolchin B. A. *Novgorod antiquities. Wood products*. Moscow, Nauka Publ., 1968. 183 p. (in Russian).

7. Kochkin S. A. *Comprehensive research (expertise) of paintings: scientific methodological manual*. Cherepovets, Port-Aprel' Publ., 2021. 119 p. (in Russian).

8. *Pigments of oil paints in ultraviolet and infrared light. Infrared luminescence*. Available at: https://invis-light.livejournal.com/1043.html (accessed 21.02.2023) (in Russian).

9. Naumova M. M. *Medieval painting technique. Modern ideas based on research results*. Moscow, State Research Institute of Restoration, 1999. 88 p. (in Russian).

10. Cennini C. *The book of the art of Cennino Cennini: a contemporary practical treatise on quattrocento painting: transl. ital*. London, G. Allen & Unwin, 1930. 288 p.

11. Smirnova L. I. To the question of the use of pigments and dyes for decorating products made of bones. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod city and Novgorod land. History and archaeology]. Novgorod, 2000, iss. 14, pp. 111–126 (in Russian).

12. Vanin S. I. *Timber science*. 3nd ed. Moscow, Leningrad, Goslesbumizdat Publ., 1949. 472 p. (in Russian).

13. Lakatosh B. K. Fluorescent flaw detection of wood. *Derevoobrabatyvayushchaya promyshlennost'* [Woodworking Industry], 1961, no. 8, pp. 15–17 (in Russian).

14. Meier E. Fluorescence: a secret weapon in wood identification. *The Wood Database*. Available at: http://www.wood-database.com/wood-articles/fluorescence-a-secret-weapon-in-wood-identification/ (accessed 11.03.2023).

15. Karpova E., Kuznetsov A. Boxwood in the tropics and beyond. *LesPromInform*, 2015, no. 1 (107), pp. 116–119 (in Russian).

16. Vikhrov V. E. Some observations on the durability of wood from the archaeological sites. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1959, no. 2, pp. 135–142 (in Russian).

17. Rybina E. A. From the history of the southern import to Novgorod. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1971, no. 1, pp. 260–264 (in Russian).

18. Tarasenko V. R. Field diaries of the excavations of Minsk stronghold in 1957. *Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus*. FASD, Inv. 1, no. 1284v (in Russian).

19. Comb. 10th–15th centuries. *State Historical Museum*. Available at: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7309676?page=45&fund_ier=647756450_647756730&material_techniq=%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE&index=2212 (accessed 06.03.2023) (in Russian).

20. Comb. 10th – 15th centuries. *State Historical Museum*. Available at: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/7301177?page=22&fund_ier=647756450_647756730&material_techniq=%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE&index=1093 (accessed 06.03.2023) (in Russian).

21. Fragment of a comb with gold painting. 15th – 17th centuries. *Novgorod Museum-Reserve*. Available at: https://novgorodiss.kamiscloud.ru/entity/OBJECT/139450?page=628&fund=11&create_date=750_1800&index=31380 (accessed 12.03.2023) (in Russian).

22. Kolchin B. A., Yanin V. L., Yamshchikov S. V. (comp.). *Ancient Novgorog: applied art and archaeology*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 167 p. (in Russian).

23. Smirnova L. I. *Comb-making in medieval Novgard (950–1450). An industry in transition*. Doctoral Thesis. Bournemouth, 2002. Available at: http://eprints.bournemouth.ac.uk/12003/ (accessed 16.09.2022).

24. Wixom W. D. (ed.). *Mirror of the Medieval world*. New York, The Metropolitan Museum of Art, 1999. 280 p.

25. Folding Comb. *The Metropolitan Museum of Art*. Available at: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/466123?ft=wood+comb&offset=40&rpp=40&pos=57 (accessed 12.03.2023).

26. Lavysh K. A. *Artistic traditions of Eastern and Byzantine culture in the art of medieval cities of Belarus (10th – 14th centuries)*. Minsk, Beloruskaya nauka Publ., 2008. 208 p. (in Russian).

27. Lysenko P. F. *Berestye*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1985. 399 p. (in Russian).

28. Koledinskii L. V. *Upper castle of Vitebsk (9th – 18th centuries*). Grodno, YurSaPrint Publ., 2021. 632 p. (in Russian).

29. Koledinskii L. V. Chess of the 12th – 13th centuries from the excavations of the stronghold of the chronicle Sluchesk. *Drevnyaya istoriya Vostochnoi Evropy: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennykh 80-letiyu E. M. Zagorul'skogo* [Ancient history of the Eastern Europe: collection of the scientific articles to the 80th anniversary of E. M. Zagorulski]. Minsk, 2009, pp. 79–86 (in Russian).

30. Kolchin B. A. *Novgorod antiquities. Carved wood*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 63 p. (in Russian).

31. Vikhrov V. E., Kolchin B. A. From the history of ancient Novgorod trade. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1955, no. 24, pp. 93–97 (in Russian).

32. English Heritage. *Waterlogged organic artefacts: guidelines on their recovery, analysis and conservation*. Swindon, English Heritage, 2012. 32 p.

Информация об авторе

Неклюдова Татьяна Анатольевна – аспирант, научный сотрудник отдела археологии Средних веков и Нового времени. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tatiana_stolz@mail.ru

Information about the author

Tatiana A. Nekliudova – Postgraduate, Researcher of the Department of Archaeology of the Middle Ages and Modern Times. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: tatiana_stolz@mail.ru

китайского языка может быть его графическая система, поскольку иероглифы плохо приспособлены для фиксации иноязычного звучания.

2. **Разные источники лексических заимствованных единиц.** Как показывает анализ источников заимствований последних лет, русский язык пополнялся новыми единицами за счет многих языков (табл. 2). Он обогащался прежде всего англицизмами (около 82 %): *гламур, мультимедиа, ноутбук, монитор, карго.* На втором месте находятся заимствования из французского языка (галлицизмы) – около 5 %, например: *дефиле, клише.* Заимствования из классических языков (греческого и латинского) составляют соответственно 3–4 %, например: *олигополия*, *миллениум*. Заимствования из остальных языков представлены единичными примерами: из немецкого языка (германизмы): *автобан, бомбардир*; из арабского языка: *джихад, моджахед, шахид*; из итальянского языка: *авизо, джакузи, папарацци*; из японского языка: *камикадзе, караоке, карате* (*каратэ*)*, суши* (*суси*)*, тамогочи* (*тэмогучи*)*, шиатцу* (*шиацу*); из испанского языка: *мачо, мундиаль*; из шведского языка: *омбудсмен* (*омбудсман*); из китайского языка: *фэн-шуй* (*фэншуй*, *феншуй*)[1].

Таблица 2. **Источники заимствованных лексических единиц, зафиксированных в словарях китайского и русского языков**

Table 2. **Sources of borrowed lexical units recorded in Chinese and Russian dictionaries**

Язык-источник	В русском языке	В китайском языке
Английский	455	117
Японский	8	13
Испанский	2	3
Итальянский	5	3
Немецкий	8	1
Таиландский	0	1
Французский	29	0
Латинский	24	0
Греческий	17	0
Арабский	4	0
Китайский	2	0
Санскрит	2	0
Шведский	1	0
Итого	557	138

Иноязычные лексические единицы, появившиеся в исследуемый период в китайском языке, также пришли в него из разных языков (табл. 2), на первом месте среди них, как и в русском, находится английский язык (85 %), например: 吧 [ba] (*bar*) ‘бар’; 蹦极 [bengji] (*bungee*) ‘банджи-джампинг’; 迪斯科 [disike] (*disco*) ‘диско’; 波波族 [bobo zu] (波波 [bobo] сокр. от англ. *Bourgeois* и *Bohemian*, 族 [zu] ‘группа’) ‘люди, принадлежащие к сливкам общества, ведущие богемный образ жизни (букв. клан «бобо»; от англ. «буржуазия» и «богема»)’; 芭比娃娃 [babi wawa] (芭比 [babi] англ. *Barbie*, 娃娃 [wawa] ‘кукла’) ‘Барби’; 贝贝座 [beibei zuo] (贝贝 [beibei] англ. *baby*, 座 [zuo] ‘сиденье’) ‘сиденье для детей’. На втором месте среди языков-доноров для китайского языка находится японский, однако с большим отставанием от английского (менее 1 %): 过劳死 [guolaosi] ‘умереть от переутомления’; 企划 [qihua] ‘генеральный план, планирование’; 人气 [renqi] ‘популярность, степень популярности’; 宅急送 [zhaijisong] ‘японская компания экспресс-доставки ZJS Express’. Заимствованные лексические единицы из других языков, список которых в два раза короче соответствующего для русского языка, представлены единичными случаями, например, из испанского: 拉尼娜现象 [lanina xianxiang] ‘периодически возникающее резкое изменение температуры воды в восточной части Тихого океана (между Перу и Эква-

[1] Здесь и далее, если это не оговаривается особо, все примеры русского языка приводятся по «Толковому словарю русского языка начала XXI в. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Скляревской (2008 г.) и все примеры китайского языка – по «Словарю новых слов и выражений китайского языка» (2003 г.) и «Словарю неологизмов современного китайского языка нового века» (2006 г.).

дором)’ (букв. феномен Ла-Нинья), 厄尔尼诺现象 [E’erninuo xianxiang] ‘феномен Эль-Ниньо’ или из итальянского: 卡布奇诺 [kabuqinuo] ‘кофе с взбитыми сливками’.

Распределение заимствований по отдельным языкам показывает, что английский язык в качестве языка-донора занимает ведущее место как для русского, так и китайского языка, при этом почти с равной долей (85 % для китайского и 82 % для русского). Общим языком-источником для заимствований в сопоставляемые языки является также японский, хотя количество лексических единиц, пришедших из него в оба языка, незначительно по сравнению с английским (около 1 %). Кроме того, русский язык достаточно активно принимал в анализируемый период французские, латинские и греческие слова, чего в китайском языке не наблюдается вообще. Отдельные лексемы из испанского и итальянского языков, заимствованные в исследуемый период китайским и русским, обозначают специфические реалии данных стран. Взаимный обмен лексикой между русским и китайским языками практически отсутствует.

Следует отметить, что при значительном количественном расхождении числа заимствований вообще в массиве лексических инноваций процентное соотношение англицизмов в общем количестве заимствований в китайском и русском языках оказывается приблизительно одинаковым. Этот факт можно рассматривать как свидетельство доминирующей роли английского языка в мировом коммуникативном пространстве и его влияние на развитие и обогащение лексиконов национальных языков разных семей и групп новой актуальной лексикой.

3. **Функциональная значимость (частотность) лексических заимствованных единиц в русском и китайском языках.** Для исследования особенностей функционирования заимствованных лексических единиц в современных китайском и русском языках в исследуемый период были использованы электронные корпуса китайского и русского языков: корпус неологизмов китайского языка (http://ling.cuc.edu.cn/) и корпус национального русского языка (http://www.ruscorpora.ru/).

Хотя известные (доступные в сети Интернет) корпусы китайского и русского языков имеют существенные различия как по своему объему, так и по организации представленного в них материала, их данные дают возможность проследить в сопоставительном плане динамику вхождения в словарный состав языка и функционирования в письменной речи (в текстах различных жанров) отдельных неологизмов конца XX – начала XXI в., в том числе и заимствований, что существенно для данной статьи.

Динамика процесса неологизации лексиконов разноструктурных языков – китайского и русского – рассмотрена в данной статье на примере англоязычных заимствований в русском языке и их эквивалентов в китайском языке[1]. Мы взяли для сравнения 12 одинаковых слов, заимствованных из английского языка в русский и китайский: *шоу*, *блог*, *клон*, *боулинг*, *фаст-фуд* (и *фастфуд*), *файрвол* (и *файрволл*), *софтвер, хэд-хантер* (и *хэдхантер*), *Барби*, *панк, хип-хоп*, *шейпинг* (кит. 秀 [xiu], 博客 [boke], 克隆 [kelong], 保龄球 [baoling qiu], 快餐 [kuaican], 防火墙 [fanghuoqiang], 软件 [ruanjian], 猎头 [lietou],芭比娃娃 [babi wawa], 朋克 [pengke], 嘻哈 [xiha], 舍宾 [shebin].

Выборка этих слов проводилась по следующим критериями: 1) заимствование из одного и того же языка – английского, что обеспечивает одну и ту же исходную форму; 2) фиксирование слова в русском «Толковом словаре начала XXI века» под редакцией Г. Н. Скляревской (2008 г.) и китайских словарях: «Словарь новых слов и выражений китайского языка» (新华新词语词典 [Xinhua xinciyu cidian]) или «Словарь неологизмов современного китайского языка нового века»（新世纪汉语新词词典 [Xinshiji hanyu xinci cidian] с пометой «англ.», что указывает на период их функционирования – конец XX – начало XXI в.; 3) наличие данных единиц в текстах национальных корпусов русского и китайского языков, что обеспечивает возможность сравнения динамики их использования[2].

[1] Здесь и далее, если это не оговаривается особо, все примеры русского языка приводятся по «Толковому словарю русского языка начала XXI в. Актуальная лексика» под ред. Г. Н. Скляревской (2008 г.) и все примеры китайского языка – по «Словарю новых слов и выражений китайского языка» (2003 г.) и «Словарю неологизмов современного китайского языка нового века» (2006 г.).

[2] Следует отметить, что многие иноязычные слова, широко употребляющиеся в русском и китайском языках, не являются принципиально новыми. Они были известны в этих языках и ранее, но оказались востребованными для активного употребления лишь в последнее время.

Материалы корпусов китайского и русского языков показывают динамику частотности употребления рассматриваемых слов, которая имеет в основном либо восходящий, либо восходяще-нисходящий характер. Кроме того, наблюдается неодинаковая частотность данных слов в текстах различных жанров в корпусе, что позволяет судить о преимущественных сферах использования данных заимствований в китайском и русском языках. В результате исследования установлены следующие типы соотношения функциональной активности англоязычных заимствований в сопоставляемых языках.

3.1. **Высокая функциональная активность в обоих языках.** Английское слово *show* давно заимствовано русским и китайским языками и активно употреблялось в определенный период в указанных языках, но активность употребления его неодинакова по времени. В китайском языке данное слово пользуется большой частотностью с 2006 по 2014 г. (рис. 1), а в газетном корпусе русского языка оно было активно востребованным только с 2004 по 2007 г. (рис. 2).

Параллельно с активным использованием самого корня 秀 [xiu] ‘шоу’ в китайском языке возникли производные от него наименования: 作秀 [zuoxiu] ‘выступать; представлять; делать шоу, показывать себя’, 秀场 [xiuchang] ‘место для шоу’, 摆秀 [baixiu] ‘делать вид, притворяться’, причем частотность употребления указанных слов постоянно, хоть и неравномерно, растет до 2012 г., потом начинает падать (рис. 3).

Функционирование слова *шоу* в русском языке последнего десятилетия имеет восходяще-нисходящую динамику, в то время как в китайском языке на первоначальном этапе это слово имело отчетливо восходящий характер с последующим переходом в стадию стабильного функционирования. Можно также говорить о практически восходяще-нисходящем характере функционирования слова 作秀 [zuoxiu] ‘выступать; представлять; делать шоу, показывать себя’ в современном китайском языке.

В последние годы расширилась и семантика слова 秀 xiu ‘шоу’ (show): исходное значение слова 秀 [xiu] ‘представлять, показывать’ расширилось до 作秀 [zuoxiu] ‘выступать; представлять; делать шоу; показывать себя’ [秀xiu англ. *show*], например: 不少学生说，大企业来到学校开

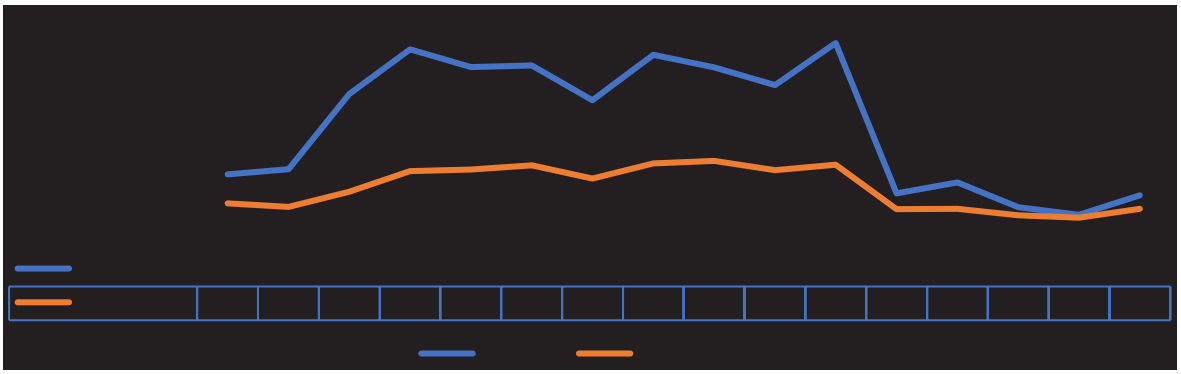

Рис. 1. Употребление слова [秀] [xiu] ’шоу’ в корпусе китайского языка
Fig. 1. Use of the word [秀] [xiu] ’show’ in the Chinese corpus

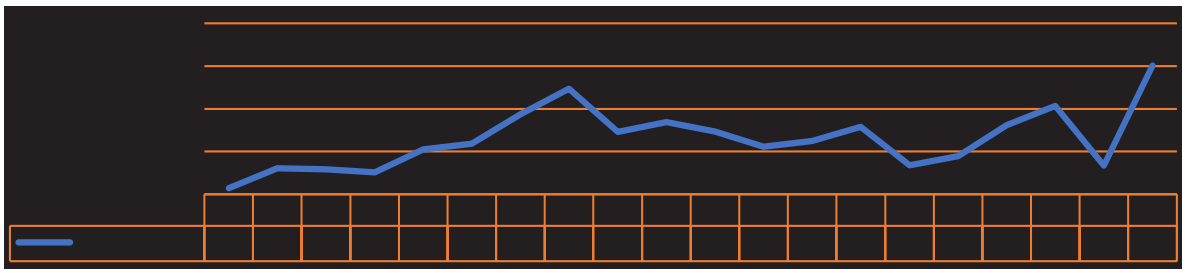

Рис. 2. Частота употребления слова «шоу» в газетном корпусе русского языка
Fig. 2. Frequency of using the word “show” in the newspaper corpus of the Russian language

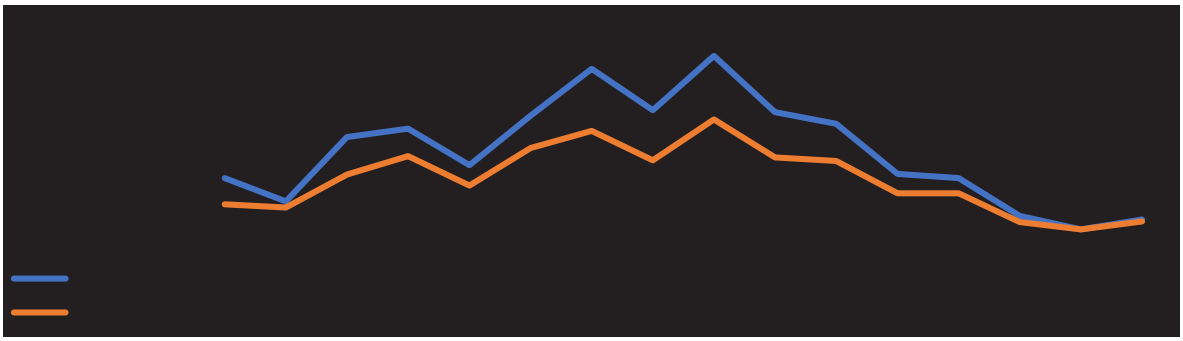

Рис. 3. Употребление слова [ ] [ ] [zuoxiu] ’делать шоу’ в корпусе китайского языка
Fig. 3. Use of the word [作] [秀] [zuoxiu] ’do a show’ in the Chinese corpus

招聘会已经成了惯例，但企业实际上是打着招聘的幌子在做广告，变相推销产品，目的只不过是为了扩大影响。对此，一些学生愤怒地说：“这是来招聘还是来作秀的？”（《北京青年报》2002年1月14日）
‘Многие из студентов говорят, что проведение крупными предприятиями ярмарок вакансий в университетах стало общепринятым явлением. На самом же деле предприятия рекламируют свою продукцию под видом ярмарки вакансий с целью продвижения и расширения своего влияния. В связи с этим некоторые студенты жалуются: фирмы приехали в университеты искать работников или ***делать шоу***?»’ («Пекинская молодежная газета». 2002. 14 янв.).

В русском языке *шоу* – это давно заимствованное слово, которое, по мнению Л. П. Крысина, вошло в русский язык со значительно суженным значением (ср. англ. *show* ‘показ; зрелище, спектакль; выставка; витрина; внешний вид; показная пышность, парадность’ и др.), при этом одно из значений английского оригинала – ‘показная пышность, парадность’, по всей видимости, послужило основанием для негативно-оценочного осмысления заимствования: с первых же случаев своего употребления слово *шоу* имело пейоративный смысл. Ср. такие примеры: *Еще за несколько дней до начала этого телевизионного* ***шоу*** *министр юстиции Роберт Кеннеди поспешил объявить показания Валачи сенсационными* («Правда». 1963. 1 окт.); *«Фламинго»* [казино] *завлекает «титанами* ***шоу-бизнеса»****, которые увеселяют с рассвета до рассвета…* («Неделя». 1964. № 6), а также частые в современных публицистических текстах сочетания типа *рекламное шоу, помпезное шоу* и под. Эта пейоративность иногда интерпретируется в лингвистических описаниях как «сниженная экспрессивная окраска». Между тем, как отмечает Л. П. Крысин, дело здесь в оценке говорящими того, что обозначается словом *шоу,* и сниженная экспрессивная окраска – следствие этой оценки [7, с. 58].

С течением времени, однако, это слово приобрело и вполне нейтральное значение: в «Толковом словаре русского языка конца XX столетия» под редакцией Г. Н. Скляревской *шоу* определяется как телевизионное или концертное выступление, представление, насыщенное эффектами и рассчитанное на массового зрителя, слушателя [9, с. 679].

В современных русском и китайском языках исследуемого периода употребительно не только это несклоняемое существительное, но и сложения с ним: 秀场 [xiuchang] (‘место для шоу’), *шоу-бизнес, шоу-группа, шоу-программа.*

Слово *блог* (англ. *blog*) является в русском и китайском языках фонетическим заимствованием, которое пользовалось особой активностью в китайском языке в 2009 г. (рис. 4), а в русском языке оно употреблялось с большой частотностью только в 2007 г. Небольшая вспышка его активности зафиксирована в 2013 г., а затем она последовательно падает (рис. 5). При этом обращает на себя внимание факт почти полного отсутствия слова *блог* в основном корпусе русского языка и основное его функционирование в газетных текстах.

3.2. **Высокая функциональная активность только в китайском языке.** Данные корпуса русского языка показывают также, что английское слово *clone* в русском языке активно употреблялось только в 2001–2004 гг. (рис. 6), потом оно также перешло в пассивный словарный запас. Употребление его в китайском языке характеризуется восходяще-нисходящей активностью (рис. 7):

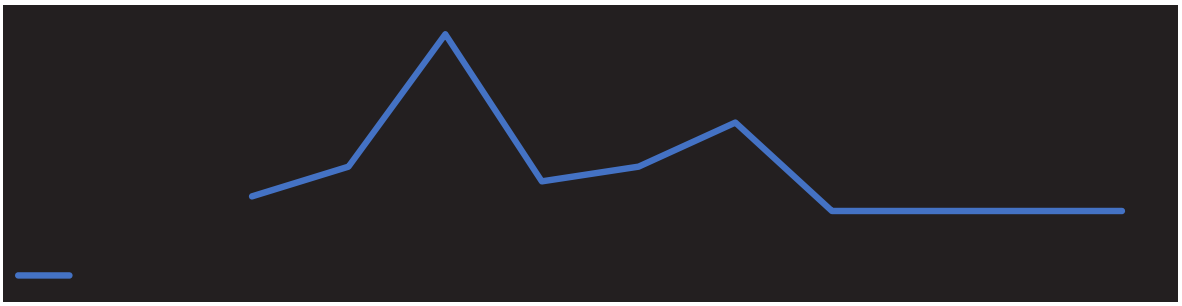

Рис. 22. Частота употребления слова «шейпинг» в газетном корпусе русского языка
Fig. 22. The frequency of use of the word “shaping” in the newspaper corpus of the Russian language

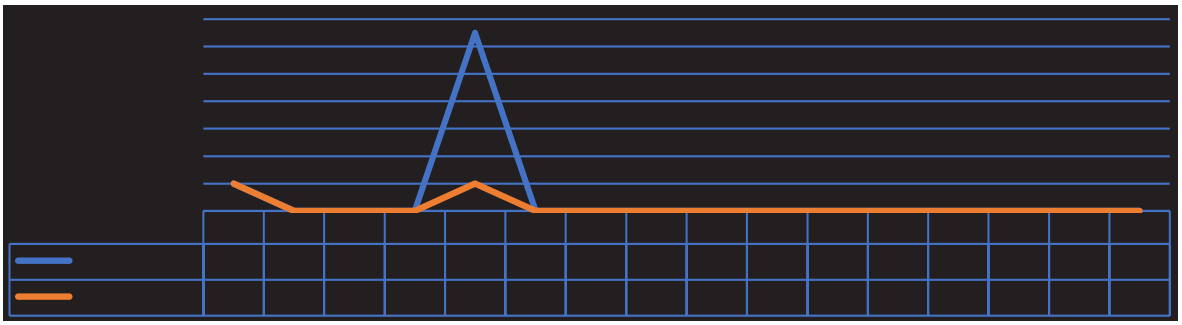

Рис. 23. Употребление слова [舍][宾

часть сравниваемых слов (половина из выбранной заимствованной лексики) в китайском языке демонстрирует высокую функциональную активность (克隆[kelong] ‘клонирование’, 保龄球 [baolingqiu] ‘боулинг’, 快餐 [kuaican] ‘фаст-фуд (или фастфуд)’, 软件 [ruanjian] ‘софтвер’, 防火墙 [fanghuoqiang] ‘файрвол или файрволл’, 猎头 [lietou] ‘хэд-хантер или хэдхантер’), в то время как в русском языке данные слова, наоборот, являются малоупотребительными. Динамика употребления заимствованных слов в русском языке обладает нестабильным характером (*Барби*, *панк, хип-хоп)*, а в китайском языке эти единицы, наоборот, обнаруживают тенденцию к стабильному употреблению. Несмотря на большое различие в объеме данных в корпусах исследуемых языков, в динамике отдельных заимствованных слов в русском и китайском языках обнаруживается сходство (например, в частоте употребления слов (秀 [xiu] ‘шоу’, 博客 [boke] – *блог*).

Из сопоставления частотности употребления большинства аналогичных заимствованных единиц в обоих языках следует, что появление новых явлений в жизни общества приводит к возникновению новых слов и их значительной активности в речи более или менее длительное время, после чего востребованность слова в большинстве случаев снижается, и оно постепенно переходит в пассивный словарный запас. В некоторых случаях это происходит в обоих языках одновременно и в равной степени, иногда сроки передвижения новой лексики из активной в пассивную расходятся, что связано с общественной значимостью соответствующего денотата в каждой стране, а также наличием или отсутствием в языке достойной замены иноязычной единице из собственных ресурсов. Из сопоставленных заимствованных лексем лишь немногие устойчиво сохраняют свою активность в речи, и это относится к китайскому языку в большей степени, чем к русскому.

Список использованных источников

1. Володарская, Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопр. языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.

2. Горелов, В. И. Лексикология китайского языка : [учеб. пособие] / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1984. – 216 с.

3. Ильина, О. В. Семантическое освоение русским языком иноязычных лексических инноваций (на материале газетных текстов 1990–1995 гг.) / О. В. Ильина // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 41–49.

4. Коростина, Т. П. К вопросу о заимствованиях в современном китайском языке / Т. П. Коростина // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы X Междунар. конф., Москва, 20–21 июля 2000 г. / Ин-т языкознания РАН ; редкол.: В. М. Солнцев (отв. ред.) [и др.]. – М., 2002. – С. 84–91.

5. Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Яз. славян. культур, 2008. – 232 с.

6. Крысин, Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий / Л. П. Крысин // Вопр. языкознания. – 2002. – № 6. – С. 27–34.

7. Крысин, Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М. : Знак, 2008. – 318 с.

8. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка : [учебник] / А. Л. Семенас. – Изд. 2-е, стер. – М. : Восток-Запад, 2005. – 310 с.

9. Толковый словарь современного русского языка конца XX в. Языковые изменения / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; под ред. Г. Н. Скляревской. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / С.-Петерб. гос. ун-т ; под ред. Г. Н. Скляревской. – М. : Эксмо, 2007. – 1136 с.

11. 陈光磊，改革开放中汉语词汇的发展。– 上海: 上海人民出版社，2008. – 289页 (Чэнь, Г. Развитие лексики китайского языка в период реформ и открытости / Г. Чэнь. – Шанхай : Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. – 289 с.).

12. 符准清，现代汉语词汇。第2版（增订版）。–北京：北京大学出版社，2004. – 254 页 (Фу, Ч. Лексика современного китайского языка / Ч. Фу. – Пекин : Изд-во Пекин. ун-та, 2004. – 254 с.).

13. 亢世勇，现代汉语新词语计量研究与应用. – 北京：中国社会科学出版社，2008. – 346页 (Кан, Ш. Количественное исследование неологизмов современного китайского языка / Ш. Кан. – Пекин : Изд-во обществ. наук Китая, 2008. – 346 с.).

14. 史有为，汉语外来词。–北京：商务印书馆，1999. – 241页 (Ши, Ю. Заимствованные слова в китайском языке / Ю. Ши. – Пекин : Шанъу иньшугуань, 1999. – 241 с.).

15. 王均熙, 新世纪汉语新词词典 / 王均熙编著。–上海：汉语大词典出版社，2006. – 588页 (Цзуньси, В. Словарь неологизмов современного китайского языка нового века / В. Цзуньси. – Шанхай : Изд-во Большого слов. кит. яз., 2006. – 588 с.).

16. 新华新词语词典：2003年版 / 商务印书馆辞书研究中心编写. –北京：商务印书馆，2003. – 455页 (Словарь новых слов и выражений китайского языка / Лексикогр. центр изд-ва Шаньу иньшугуань. – Пекин : Шанъу иньшугуань, 2003. – 455 с.).

17. 徐文堪，外来语古今谈。–北京：语文出版社，2005. – 72 页 (Сюй, В. О заимствованных словах вчера и сегодня / В. Сюй. – Пекин : Изд-во филологии, 2005. – 72 с.).

References

1. Volodarskaya E. F. Lexical loans as a reflection of Russian and English contacts. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of linguistics], 2002, no. 4, pp. 96–118 (in Russian).

2. Gorelov V. I. *Lexicology of the Chinese language*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 216 p. (in Russian).

3. Il'ina O. V. Semantic mastering of foreign lexical innovations by the Russian language (based on the material of newspaper texts of 1990–1995). *Yazykovye edinitsy v semanticheskom i leksikograficheskom aspektakh: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Linguistic units in semantic and lexicographic aspects: interuniversity collection of scientific papers]. Novosibirsk, 1998, pp. 41–49 (in Russian).

4. Korostina T. P. On the issue of borrowings in the modern Chinese language. *Kitaiskoe yazykoznanie. Izoliruyushchie yazyki: materialy X Mezhdunarodnoi konferentsii, Moskva, 20–21 iyulya 2000 g.* [Chinese linguistics. Isolating languages: proceedings of the X International conference, Moscow, July 20–21, 2000]. Moscow, 2002, pp. 84–91 (in Russian).

5. Krongauz M. A. *The Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 232 p. (in Russian).

6. Krysin L. P. Lexical borrowing and calculus in the Russian language of the last decades. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 2002, no. 6, pp. 27–34 (in Russian).

7. Krysin L. P. *The word in modern texts and dictionarie: essays on Russian vocabulary and lexicography*. Moscow, Znak Publ., 2008. 318 p. (in Russian).

8. Semenas A. L. *Vocabulary of the Chinese language.* 2nd ed. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2005. 310 p. (in Russian).

9. Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Explanatory dictionary of the Russian language of the late XX century. Language changes*. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. 700 p. (in Russian).

10. Sklyarevskaya G. N. (ed.). *Explanatory dictionary of the modern Russian language of the beginning of the XXI century. Actual vocabulary*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 1136 p. (in Russian).

11. Chen G. *The development of the vocabulary of the Chinese language in the period of reforms and openness*. Shanghai, Shanghai renmin chubanshe Publ., 2008. 289 p. (in Chinese).

12. Fu Ch. *Lexicon of the modern Chinese language*. Pekin, Peking University Publishing House, 2004. 254 p. (in Chinese).

13. Kan Sh. *Quantitative study of neologisms of modern Chinese*. Pekin, Publishing House of Societies Sciences of China, 2008. 346 p. (in Chinese).

14. Shi Yu. *Borrowed words in the Chinese language*. Pekin, Shangw yinshuguan Publ., 1999. 241 p. (in Chinese).

15. Zunyi V. *Dictionary of neologisms of the modern Chinese language of the new century*. Shanghai, Publishing House of the Big Dictionary of Chinese, 2006. 588 p. (in Chinese).

16. *Dictionary of new words and expressions of the Chinese language*. Pekin, Shangwu yinshuguan Publ., 2003. 455 p. (in Chinese).

17. Xu V. *On borrowed words yesterday and today*. Pekin, Philology Publishing House, 2005. 72 p. (in Chinese).

Информация об авторе

Пань Юйцинь – кандидат филологических наук, преподаватель. Институт иностранных языков Яньаньского университета (ул. Шэндилу, 580, 716000, Яньань, пров. Шэньси, Китайская Народная Республика). E-mail: vera830901@hotmail.com

Information about the author

Yuqin Pan – Ph. D. (Philol.), Lecturer in the Institute of foreign languages. Yan'an University (580 Shengdilu Str., Yan'an, Shaanxi prov., 716000, China). E-mail: vera830901@hotmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 72.01
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-323-332

Поступила в редакцию 22.05.2023
Received 22.05.2023

Т. Г. Горанская, А. О. Ничипорович

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены понятия «наследие» и «ценность», выделены подходы к определению ценности объектов архитектурного наследия, даны рекомендации по ее определению.

Традиционное толкование понятия «наследие» в современности претерпевает изменения, в связи с чем фундаментальной основой для его охраны и сохранения становится его ценность. Современные исследователи выделяют группы ценностей (материальных и нематериальных), которые основаны на трактовке архитектурного наследия как части прошлого и связанны с современным его существованием в контексте определенного места, времени и сообщества. Таким образом, определение ценности объекта архитектурного наследия должно базироваться в первую очередь на исследовании его исторических и архитектурно-художественных особенностей (как элемента прошлого) и его современного состояния в контексте устойчивого развития.

В настоящее время можно выделить два подхода к *определению ценности объектов архитектурного наследия*: 1) формализованный, основанный на балльной системе; 2) связывающий ценностные значения с их материальными носителями, что позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого памятника. Общий же стандарт определения ценности объектов архитектурного наследия до сих пор не разработан.

Авторы рекомендуют оригинальную методологию определения ценности объекта архитектурного наследия.

Ключевые слова: архитектурное наследие, ценность, подлинность, памятник зодчества, преемственность

Для цитирования: Горанская, Т. Г. Современные подходы к определению ценности архитектурного наследия / Т. Г. Горанская, А. О. Ничипорович // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 323–332. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-4-323-332

Tatyana G. Goranskaja, Alexandra O. Nichiporovich

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CONTEMPORARY APPROACHES TO DETERMINING THE VALUE OF ARCHITECTURAL HERITAGE

Abstract. The article discusses the concepts of “heritage” and “value”, identifies approaches to determining the value of architectural heritage objects, and provides recommendations for its definition.

The traditional interpretation of the concept of “heritage” is undergoing changes in modern times, and therefore, its value becomes the fundamental basis for its protection and preservation. Modern researchers distinguish groups of values (tangible and intangible), which are based on the interpretation of architectural heritage as part of the past and related to its modern existence in the context of a certain place, time and community. Thus, the determination of the value of an architectural heritage object should be based primarily on the study of its historical and architectural and artistic features (as an element of the past) and its current state in the context of sustainable development.

Currently, there are two approaches to determining the value of architectural heritage objects: a formalized, based on a point system, and an approach linking value values with their material carriers, which allows taking into account the

© Горанская Т. Г., Ничипорович А. О., 2023

individual characteristics of each monument. The general standard for determining the value of architectural heritage objects has not yet been developed.

The authors of the work recommend an original methodology for determining the value of an architectural heritage object.

Keywords: Architectural heritage, value, authenticity, architectural monument, continuity

For citation: Goranskaja T. G., Nichiporovich A. O. Contemporary approaches to determining the value of architectural heritage. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 323–332 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-323-332

Введение. Глобализация как социальный и культурный феномен характеризуется ускорением развития коммуникативных и информационных технологий, виртуализацией бытия и т. д., вследствие чего происходят изменения восприятия и переживания человеком пространства и времени, чувства идентичности и идентификации с местом. Современная картина мира утрачивает *связь с прошлым* – историческими корнями, традициями, что порождает состояние неопределенности настоящего и будущего, приводя к стремлению вернуть прошлое в настоящее. Целостность прошлого–настоящего–будущего связана с пониманием архитектурного *наследия* как фактора устойчивого развития в постоянно изменяющемся мире, представлениями о его *ценности*.

Цель статьи заключается в выявлении и анализе современных подходов к определению ценности архитектурного наследия.

Понятие «наследие». Традиционное толкование архитектурного *наследия* как *исторического документа* – материального свидетеля минувших времен (памятника) – и *произведения искусства,* связанное с трудами Дж. Рескина[1], У. Морриса, А. Ригля, М. Дворжака и др., предполагает сохранение и передачу будущим поколениям существующего в действительности *архитектурного объекта (места)* в его неизменности – *подлинности*, которая «выступает в качестве наиболее существенного, определяющего фактора наследия» и *целостности*[2] [2].

В наше время происходит отрицание тождества всех памятников зодчества, поскольку «подлинность материала является изменяемой характеристикой из-за процессов естественного старения и утраты прочности материалов», что означает отказ от универсальности принципов их сохранения [3]. Исследователи отмечают, что «определение наследия как вещи, места или … события» в современности претерпевает изменения и помимо материальной (объективной) включает идеальную (субъективную) составляющую [4, с. 28]. По мнению Л. Смит, «наследие» – «это культурный процесс, связанный с поиском, преемственностью и созданием *ценностей и смыслов*, индивидуальной и коллективной памяти о прошлом, идентичности, определяющих настоящее и будущее» [4, с. 28].

В статье *«архитектурное наследие»* трактуется как материальный объект (место) – воплощение идеальных воззрений прошлых эпох, который обнаруживает свое присутствие в настоящем.

Представления современного общества о ценностных категориях в контексте «многообразия культур» являются основой для определения значимости «многообразия наследия» и принятия решений о его охране и сохранении.

Понятие «ценность». Понятие «*ценность*» позволяет «осмыслить взаимодействие субъективного и объективного, материального и идеального, всеобщего и единичного, индивидуального и всечеловеческого» [5]. Следует различать ценности разных культур, поколений, социальных слоев.

Теоретическую основу исследований ценности архитектурного наследия как дуализма *истории и современности* заложил представитель венской школы искусствознания А. Ригль[3]. В труде «Современный культ памятников: его сущность и возникновение» он писал о ценности древности,

[1] В книге «Семь светочей архитектуры» английский теоретик искусства Дж. Рескин отмечал, что произведения зодчества прошлых времен «…принадлежат не нам. Они принадлежат отчасти тем, кто их построил, а отчасти всем поколениям человечества, которые придут вслед за нами». «Мы не имеем права к ним притрагиваться» [1, с. 287].

[2] Традиционный подход к сохранению памятников архитектурного наследия представляет собой универсальный набор правил, отраженный в международных доктринальных документах – Афинской хартии (1931), Венецианской хартии (1964), Нарском документе о подлинности (1994).

[3] Ригль, А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение / А. Ригль. – М.: V-A-G press, 2018. – 96 с.

мемориальной ценности и ценности, обусловленной мировоззрением определенной исторической эпохи.

Его последователь, австрийский историк искусства В. Фродль[1], выделил понятия исторической, художественной и полезной ценности.

Чешский искусствовед М. Дворжак[2] в «Катехизисе по охране памятников» подчеркивал нравственную (этическую) основу сохранения архитектурного наследия – осознание значимости истории и культуры, преемственности поколений. Он полагал, что старое и новое нельзя противопоставлять.

Российский историк и археолог И. Е. Забелин в сборниках «Опыты изучения русских древностей и истории: исследования, описания и критические статьи» разработал подход к определению значимости памятника зодчества, основанный на эстетическом его восприятии и переживании, с одной стороны, и выявлении в нем характерных особенностей исторической эпохи («колорит», форма) – с другой[3].

Итальянский историк и искусствовед Ч. Бранди[4] в книге «Теория реставрации» отмечал, что историко-документальной и эстетической ценностью обладают как архитектурные объекты минувшего в целом, так и их фрагменты. Он подчеркивал взаимодействие (диалог) архитектурного объема памятника и окружающего его пространства (градостроительную ценность).

Итальянский архитектор Б.-П. Торселло трактовал понятие «ценность» как субъективное и предлагал использовать вместо него более объективное понятие «данность». «Данность» «подразумевает отстранение … требует признания полноты, которая уже была реализована, поэтому более неосуществима, но именно по этой причине она позиционирует себя как практически неисчерпаемый источник знания, как вечно новое в своей очевидной неподвижности, процессов интерпретации … Реставрация в соответствии с понятием ценность представляется оконченным и окончательным результатом исследований и вмешательства; это, так сказать, дает миру объект, переопределенный в его общем историографическом (и эстетическом) красноречии … Реставрация в соответствии с понятием данность благоприятствует сохранению общих документальных значений объекта» [6].

А. О. Иконников писал о ценностях «подлинных и мнимых» в контексте архитектурной теоретической мысли, отмечая, что воссоздание «любого исчезнувшего материального объекта (ценности) всегда будет лишь его … частичным отражением и, вместе с тем, отражением «воспроизводящей» культуры» [7, с. 1].

Польский архитектор Я. Тайчман полагает, что историческая и научная ценности памятника зодчества зависят от его пользы в качестве материала для исследований (исторический документ). Историко-эмоциональная ценность памятника архитектуры связана с социокультурным контекстом определенной исторической эпохи («значение символа» В. Фродля). Я. Тайчман разделяет художественную и эстетическую ценности. Художественную ценность он понимает как «умелое сочетание функциональных и конструктивных аспектов, а также … композиции и декоративного решения» архитектурного объекта [8]. Эстетическая ценность берет свое начало в «переживании» архитектурного наследия. Ее можно трактовать «как «ценность новизны», так и ценность, вытекающую из отношений между памятником и его окружением (живописность)» [8]. «Ценность использования должна рассматриваться как в отношении исторической и настоящей функции, так и проектной функции» [8].

Е. С. Кузнецова в работе «Спектр ценностей памятника архитектуры» выделяет утилитарно-функциональную, сакральную, историко-мемориальную, научно-познавательную, градостроительную и художественно-эстетическую ценности. Утилитарная (функциональная) ценность

---

[1] Frodl, W. Pojęcia i kryteria wartościowania zabytków: ich oddziaływanie na praktykę konserwatorską / W. Frodl; Min. Kultury i Sztuki. Zarząd Muzeów i Ochrony Zabytków. – Warszawa: M. Arszyńskiego, 1966. – 53 s.

[2] Dvořák, M. Katechismus der Denkmalpflege [Электронный ресурс] / M. Dvořák. – Режим доступа: https://archive.org/details/katechismusderde00dvor/page/n19. – Дата доступа: 09.09.2017.

[3] Забелин, И. Е. Опыты изучения русских древностей и истории: исследования, описания и критические статьи / И. Е. Забелин. – М.: Тип. Грачева и К°, 1872. – Ч. 1. – 555 с.; Ч. 2. – 509 с.

[4] Бранди, Ч. Теория реставрации и другие работы по темам охраны, консервации и реставрации / Ч. Бранди. – М.: Nardini editore, 2011. – 264 с.

предполагает включение архитектурного наследия как материального объекта в повседневную жизнь человека [9, с. 63]. Сакральная ценность противопоставляется обыденной действительности и затрагивает иконографию произведения зодчества и «дух места». Она трактует историко-мемориальную ценность как свидетельство минувших эпох, которое отражается в подлинности и целостности материала и конкретизируется в понятиях «патина времени», «следы прошлого». Научно-познавательная ценность отражает объем, диапазон и масштаб сведений о прошлом, которые можно почерпнуть при изучении архитектурного объекта. Градостроительная ценность является следствием расположения объекта архитектурного наследия в планировочной структуре поселения. Эстетическая ценность «представляет собой чувственную реальность – внешнюю форму» архитектурного объекта (его пропорции, цвет, фактуру и т. д.) – основу для художественной ценности (образа) [10, с. 21].

Любое архитектурное произведение подвержено трансформациям во времени (утрата фрагментов, перестройка и достройка разных исторических эпох и стилей и т. д.), а также всегда находится в «контексте» изменяющегося по содержанию и форме пространства, что затрудняет определение его ценности.

Определение ценности архитектурного наследия. В настоящее время в международной теории и практике можно выделить два подхода к определению ценности объектов архитектурного наследия:

1) формализованный, *основанный на балльной системе;*

2) *связывающий ценностные значения с их материальными носителями*, что позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого памятника.

Первый подход отражен в методиках российских исследователей.

Определение категории ценности историко-архитектурного наследия С. В. Зеленовой основано на обобщении «исторического опыта, с учетом современной» социокультурной «ситуации и международных подходов в установлении ценностных характеристик» произведений зодчества и выделении их исторической, архитектурно-градостроительной, культурологической ценностей [11]. По мнению автора, историческая ценность включает такие критерии, как древность и подлинность. Признаками архитектурно-градостроительной ценности «являются типологический и стилеобразующий… которые находятся в тесной зависимости от временного и географического факторов, и отражают определенный строительный и творческий периоды» [12]. Критерии архитектурной ценности – сохранность и представительность – отражение стилевых, конструктивных и др. особенностей, характерных для определенного временного периода, места, школы, автора. Градостроительную ценность объекта архитектурного наследия определяют критерии, отражающие «сохранение его градоформирующего значения на прилегающей территории» (градостроительная доминанта); «принадлежность к архитектурному или градостроительному ансамблю, комплексу»; функциональное использование (первоначальное назначение, современные функции с сохранением или утратой его архитектурного облика и конструкций), этапность (первоначальный облик и/или разновременные наслоения) [12]. Культурологическая ценность является выражением национальной идентичности и социальной памяти, «позволяет выявить … архетип национальной культуры» и включает научно-познавательную, учебно-педагогическую, художественно-эстетическую (художественный образ), социокультурную (обладание «природным и/или социальным культурным ландшафтом») ценности, публичную и общественную значимость; распространенность [12]. Определение культурологической ценности объекта архитектурного наследия имеет субъективный характер, поэтому автор полагает, что при ее определении следует основываться на мнении экспертов (междисциплинарный подход). С. В. Зеленова выделяет следующие категории ценности объекта архитектурного наследия в зависимости от общей суммы баллов: уникальный – «представляющий особую историко-архитектурную ценность в мировом масштабе»; особо ценный – «в рамках страны, региона»; ценный – «на территории региона»; рядовой – «имеющий определенную ценность на территории региона»; средовой – «являющийся элементом исторической застройки» [12].

Методика А. В. Слабуха неоднозначна и представляет «алгоритм последовательных действий эксперта по выбору … оценок … которые, по его мнению, соответствуют качествам объекта.

Каждый из критериев оценивается выбором одной из четырех предложенных характеристик … которым соответствует формализованная оценка по шкале от 1 до 4 баллов» [13]. Он выделил следующие ценностные характеристики, позволяющие «обосновать … категории историко-культурного наследия – федерального, регионального или местного (муниципального) значения» (Российская Федерация):

историческую (материальную), которую определяют возраст (время создания) архитектурного объекта и наличие (степень сохранности) подлинных элементов;

мемориальную;

ландшафтно-средовую – степень сохранности окружающего исторического природного ландшафта;

градостроительную – место в архитектурно-пространственной композиции окружающей исторической среды и степень ее сохранности;

архитектурно-художественную – уровень архитектурно-пространственного и художественного решения (выдающееся, интересное, традиционное, тривиальное) и степень распространенности (типологическая характерность);

строительно-технологическую и инженерно-техническую – уровень конструктивных и инженерно-технических решений, строительных технологий и материалов;

научно-реставрационную (реконструкционную) – наличие наслоений (разновременных архитектурных форм и деталей), появившихся «в связи с многоэтапной строительной историей объекта» [13].

Ю. Ю. Курашов отмечает, что при определении ценности «объектов материального наследия (за исключением объектов археологического наследия)» «один из критериев может иметь приоритетное значение. Например, дата создания, подлинность, целостность ... и т. д.» [3].

Автор выделяет критерии определения ценности архитектурного наследия (основные – подлинность, целостность, сохранность; дополнительные – возможность использования и др.) и параметры их применения «для видов памятников истории и культуры (памятник … достопримечательное место), а также для типов (истории, архитектуры, градостроительства, искусства, техники и т. д.)» [3]. К ним относятся:

«выявление связанности объекта с историческими событиями, оценка влияния событий, их научного или общественного признания;

определение первоначального и ремонтного материалов, идентичности физических параметров и примененных технологий;

подтверждение полноты исторического облика и структуры, выявление поздних дополнений и определение целесообразности их сохранения;

определение степени сохранности материалов и элементов структуры, прогнозирование объемов допустимого вмешательства в материальную структуру;

установление хронологии изменения территории, оценка современного состояния;

оценка современной окружающей среды на историческое соответствие, прогнозирование динамики возможного изменения среды, определение допустимости преобразования среды;

оценка существующего использования, определение допустимых функциональных преобразований, прогнозирование долгосрочности типа использования» [3].

Ю. Ю. Курашов полагает, что «исследования и оценка должны проводиться в отношении следующих обязательных видов ценностей»:

исторической (после 40 лет);

градостроительной («неординарная» планировочная структура, «наличие пропорциональных и взаимосвязанных пространственных композиций в системе застройки», «значение объекта в силуэте, панораме»);

архитектурной («наличие стилевых признаков», автор, школа, «неординарные архитектурно-художественные элементы», конструктивные особенности, «разнообразие материалов, их долговечность»);

художественной («эмоциональное воздействие на наблюдателя», «сочетание с окружающей средой», «цельность образа», неординарное колористическое решение и декор);

научной («место и значение в ряду подобных объектов, в отрасли знаний», «возможность популяризации, включенность в научный оборот»);

функциональной (использование по первоначальному назначению, возможность музеефикации и минимальных преобразований для современного использования, «комфортность пользования», надежность) [3].

Автор подчеркивает, что «условно-объективная ценность объекта может быть установлена только экспертами путем сравнения и анализа значительного массива информации в различных областях знаний», а также физического состояния и сохранности материальной структуры архитектурного объекта [3]. При определении категории ценности «экспертом должна учитываться среда существования объекта» [3].

Необходимо отметить, что исследователи обращают внимание на различные категории ценности и по-разному их трактуют. Проблемой является во многом субъективность формального подхода к определению ценности архитектурного наследия, выбору критериев оценки.

Более перспективным представляется подход, *связывающий ценностные значения с их материальными носителями*, описанный в книге «Оценка наследия в системе SV-метод и примеры использования» такими авторами, как Б. Шмыгин, А. Фортуна-Марек, А. Сивек и предназначенный для определения ценности материальных объектов наследия (памятников зодчества, культурных ландшафтов и т. д.) [14]. Авторы полагают, что определение ценности объекта архитектурного наследия требует всестороннего изучения его истории и художественных особенностей (стиль, композиция), которое не следует путать с описанием (исторические факты, характеристики материала, конструктивные элементы и т. д.). Исследователи выделяют группы ценностей, характеризующие объект наследия как:

элемент прошлого (исторический документ) – *материальные* (связанные с его характеристиками, особенностями) как воплощение объектов градостроительства, архитектуры, строительного и изобразительного искусства и *нематериальные,* связанные с созданием, существованием и значением памятника в истории;

элемент настоящего – *материальные* и *нематериальные,* связанные с современным существованием памятника.

Исследование предполагает определение ценности архитектурного объекта в целом с указанием «ценностных признаков» – атрибутов (материальных и нематериальных), а затем материальных носителей этих признаков. Связывание ценностных значений с их материальными носителями позволяет исследовать индивидуальные особенности каждого памятника зодчества (материальной составляющей наследия). Определение ценности архитектурных объектов предполагает их трактовку не как «суммы фрагментов», а как целого, в котором все элементы взаимосвязаны в соответствии с определенной структурой (логикой, порядком).

Й. Тайчман полагает, что архитектурный объект «должен быть проанализирован и оценен как полностью (вместе с его окружением), так и фрагментарно, если он имеет много» временных слоев: «В анализе должны быть приняты во внимание все элементы в их текущем состоянии, а также отмечены их утраты или повреждения…». Оценка должна проводиться с учетом «национальных, региональных и, наконец, местных особенностей» [8].

Определение признаков[1] – элементов и особенностей, характеризующих (отличающих) архитектурный объект, – основано на их сравнении с объектами данного типа в контексте определенного времени, географического и культурного региона и т. д. (сравнительной группой) по выбранным критериям[2].

Определение ценностных признаков, их подлинности и целостности[3] необходимо в качестве объективной основы для обоснования решений об охране и сохранении объекта архитектурного наследия.

---

[1] Период создания, автор, форма, материал, функция и т. д. В случае комплексов (ансамблей) и ландшафтов также могут учитываться такие факторы, как доминанты, панорамы и т. д.

[2] Критериями могут выступать сохранность архитектурного объекта, функциональная преемственность и др.

[3] Подлинность и целостность – качественные характеристики архитектурного объекта, не связанные напрямую с ценностью. В ст. 24 «Руководства по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» отмечено, что кри-

Признаки могут быть материальными и нематериальными, их носители – материальными. Польские исследователи отмечают необходимость объективной оценки, в какой степени архитектурный объект (в целом и отдельные его элементы) в связи с настоящим его техническим состоянием и изменениями, произошедшими с течением времени, сохраняет (отражает) художественную, научную и градостроительную ценности.

Критерии представляют разные стороны ценности (исторические, функциональные, эстетические, символические и др.) и являются компетенцией специалистов. Выбор критериев предполагает ограничение их числа и определение степени их значимости. Каждый из критериев требует определения двух позиций: характеристик (*значений*), по которым будет проводиться сравнение, и *масштаба*, в котором оно будет выполнено (географический или культурный регион, город и т. п.). Критериями могут быть: принадлежность определенному автору (мастеру), влияние на художественное направление, редкость (малое количество или распространенность), уникальность, древность, характерный пример строительного искусства или архитектурного стиля, функциональная и другая преемственность, связь с историческими событиями, личностями или культурными традициями в контексте места или исторической эпохи, литературными произведениями и т. п.

Определение ценности объекта архитектурного наследия требует «помещения» его в определенный контекст (исторический, культурный, типологический). В настоящее время не существует стандартов относительно определения ценности объектов архитектурного наследия[1].

С учетом описанных выше подходов к определению ценности объекта архитектурного наследия можно рекомендовать проводить его исследования ***с двух позиций***: «снаружи» – в контексте исторических и культурных процессов определенной эпохи (при создании, изменении архитектурного объекта); «изнутри» – рассматривая его как самобытный (оригинальный) исторический и архитектурно-художественный элемент; ***на трех уровнях*:** как элемент культурного ландшафта; как часть целостного самостоятельного явления (материальные характеристики в целом, художественный образ); как совокупность отдельных его деталей и элементов.

Определение ценности объекта архитектурного наследия изначально должно базироваться на исследовании его исторических и архитектурно-художественных особенностей как элемента прошлого, а также его современного состояния в контексте устойчивого развития (табл. 1). Последовательность же определения ценности объекта архитектурного наследия представлена в табл. 2.

На основании определения ценности объекта архитектурного наследия специалистами могут быть разработаны рекомендации, касающиеся сохранения (или несохранения) его архитектурно-художественной, объемно-планировочной, функциональной структуры в целом и отдельных элементов в частности в контексте окружающего (городского, природного) пространства.

терии подлинности и целостности предъявляются к объекту наследия «в отношении … дизайна, материала изготовления, мастерства исполнения или гармоничного сочетания с окружающим фоном, а в случае культурных ландшафтов – в отношении их своеобразия и элементов» [15].

Следует подчеркнуть, что подлинность не может быть ограничена только оригинальной (первоначальной) формой, материалом и структурой, необходимо также учитывать последующие изменения, «временные слои», которые могут обладать самостоятельной ценностью. Подлинными могут быть: функция, место размещения, градостроительная среда и т. д. Целостность является мерой полноты объекта архитектурного наследия и его атрибутов (целостность планировочной структуры, функции и т. д.).

Й. Тайчман трактует «подлинность» и «целостность» как базовые ценности. «Подлинность памятника зависит, прежде всего, от степени сохранности» исторических слоев. В случае сосуществования разновременных фрагментов памятника выполняется «оценка подлинности отдельных его частей, элементов или деталей». Ценность целостности тем выше, чем «более читаема оригинальная форма архитектурного произведения» [8].

[1] Поскольку каждая типологическая группа объектов архитектурного наследия (жилые дома, православные храмы и т. д.) обладает определенным набором признаков, которые определяют ее специфику, то возможна разработка предложений по определению ценности группы на основе этих признаков.

Таблица 1. **Определение ценности объекта архитектурного наследия**

Table 1. **Determining the value of an architectural heritage object**

Исследование **ценности** архитектурного объекта – **исторический** контекст (историко-архитектурно-искусствоведческое исследование)		
Ценности, основанные на трактовке памятника зодчества как ***фрагмента (части) прошлого***, с точки зрения истории, науки, искусства.	Ценности, связанные с характеристиками объекта (его особенностями) как воплощенное в материале произведение архитектуры, изобразительного и строительного искусства, градостроительства (**материальные ценности**).	Описание (историческая справка) и анализ **архитектурно-художественных особенностей,** как самого архитектурного объекта, так и в контексте культурного ландшафта.
	Ценности, связанные с созданием, функционированием и значением памятника в истории (на протяжении всего его времени существования) (**нематериальные ценности**).	Описание (историческая справка) и анализ **исторических особенностей** (черт) как самого архитектурного объекта, так и исторического (историко-культурного) контекста.
Исследование **ценности** архитектурного объекта – **современный** контекст		
Ценности, основанные на трактовке памятника зодчества как ***объекта настоящего.***	Современные социально-экономические ценности (**материальные ценности**), оцениваемые в контексте устойчивого развития.	Описание (историческая справка) и анализ современного фактического состояния **архитектурного объекта** (расположение, состав элементов построек (подлинность, целостность и т. д.), границы объекта и охранных зон, современная функция). Описание и анализ (с учетом положений генерального плана развития города) важнейших факторов **окружающего пространства**: экономический потенциал; культурные особенности; социальные (демографический состав и т. п.) и функциональные характеристики.
	Ретроспективные историко-культурные ценности: национальная (социальной группы, города и т. д.) идентичность; образовательная, политическая ценность (**нематериальные ценности**).	Особое внимание следует уделить вопросам разнообразия и привлекательности культурного ландшафта.

Таблица 2. **Последовательность определения ценности объекта архитектурного наследия**

Table 2. **The sequence of determining the value of an object of architectural heritage**

1. Общая оценка архитектурного объекта
1.1. Оценка **историческая** и **архитектурно-художественная** – описание и анализ истории объекта исследования, его архитектурно-художественных особенностей в историко-культурном контексте (выполняется на основании данных справки об истории места (региона, города, поселения) или информации о развитии его отдельных составляющих (например, в контексте развития бумажной, текстильной промышленности и т. д.). 1.2. Оценка по **формальным признакам** – расположение (с описанием композиции по отношению к окружающей застройке, ландшафту и т. д. и внешней формы объекта), границы, состав, функция и др. 1.3. Оценка **фактического состояния** объекта (сохранность, техническое состояние (в том числе на основании визуального анализа[1]).
2. Предварительные действия
2.1. Описание и анализ объекта с целью определения его характерных признаков (черт) – типичных и уникальных элементов: местоположение, композиция, материал, конструкции, сохранившиеся исторические (подлинные) элементы, функция объекта и ее преемственность, на основании которых будет выбрана сравнительная группа.

[1] Для визуального и ландшафтно-визуального анализа (при исследовании окружения архитектурного объекта) используются методы фотофиксации, архитектурный рисунок и наброски, текстовые записи личностных впечатлений исследователя и др.

Окончание таблицы

2.2. Определение типа архитектурного объекта и указание сравнительной группы[1]. На основании выявленных определяющих архитектурно-художественных черт – отнесение архитектурного объекта к типу, характерному для определенного времени и региона. 2.3. Установка критерия оценки (например, типология с учетом региона, периода строительства). Сравнительная группа может быть создана на основе одного или нескольких критериев, а архитектурный объект может являться элементом одной или нескольких сравнительных групп. 2.4. Определение признаков ценности и их материальных носителей в отношении сравнительной группы.
3. Обоснование ценности объекта
3.1. Анализ признаков и их материальных носителей по отношению к сравнительной группе. Характеристики *ценностных признаков*, их подлинности и целостности. Характеристики материальных носителей *ценностных признаков*, их подлинности и целостности. 3.2. Формулировка выводов и рекомендаций по сохранению объекта архитектурного наследия (должны быть отражены в паспорте и охранном обязательстве), а также по дальнейшим его исследованиям: – определение пределов **возможного вмешательства** и формулировка основных принципов сохранения архитектурного объекта; – выделение характерных признаков (элементы и особенности), являющихся предметом охраны и сохранения (или изменения) и их материальных носителей, а также наслоений, важных в историческом, художественном, культурном и эстетическом отношении; – представление общих рекомендаций по **использованию** памятника с учетом современных социокультурных и экономических факторов.

Выводы. Традиционное толкование понятия «наследие» в современности претерпевает изменения, в связи с чем фундаментальной основой для его охраны и сохранения становится его ценность. Современные исследователи выделяют группы ценностей (материальных и нематериальных), которые основаны на трактовке архитектурного наследия как части прошлого и связаны с современным его существованием в контексте определенного места, времени и сообщества. Таким образом, определение ценности объекта архитектурного наследия должно базироваться в первую очередь на исследовании его исторических и архитектурно-художественных особенностей (как элемента прошлого) и его современного состояния в контексте устойчивого развития.

В настоящее время можно выделить два подхода к определению ценности объектов архитектурного наследия: 1) формализованный, основанный на балльной системе; 2) связывающий ценностные значения с их материальными носителями. Это позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого памятника. Общий же стандарт определения ценности объектов архитектурного наследия до сих пор не разработан.

Авторы рекомендуют оригинальную методологию определения ценности объекта архитектурного наследия.

Список использованных источников

1. Рескин, Дж. Семь светочей архитектуры / Дж. Рескин ; пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухарева. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 317 с.

2. Нарский документ о подлинности [Электронный ресурс] // ИКОМОС СПб. – Режим доступа: https://icomos-spb.ru/component/content/archive?year=2013&month=11. – Дата доступа: 09.03.2023.

3. Курашов, Ю. Ю. Оценки объектов культурного наследия: культурно-исторический аспект и правовое решение / Ю. Ю. Курашов // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. – 2017. – № 4 (35). – С. 40–44.

4. Смит, Л. «Зеркало наследия»: нарциссическая иллюзия или множество отражений? / Л. Смит // Вопр. музеологии. – 2013. – № 2 (8). – С. 27–44.

5. Цороев, С. С. Ценности в культуре обновляющегося общества как философско-культурологическая проблема : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / С. С. Цороев. – Майкоп, 2011. – 153 л.

6. Torsello, B. Paolo La materia del restauro / B. Paolo Torsello. – Venezia : Marsilio, 1988. – 207 p.

7. Иконников, А. О. О ценностях подлинных и мнимых / А. О. Иконников // Наше наследие. – 1990. – № 3. – С. 1–4.

8. Dokumenty doktrynalne [Electronic resource] // ICOMOS-POLSKA. – Mode of access: http://icomos-poland.org/pl/dokumenty-doktrynalne.html. – Date of access: 03.08.2022.

9. Кузнецова, Е. С. Спектр ценностей памятника архитектуры / Е. С. Кузнецова // Обсерватория культуры. – 2014. – № 1. – С. 62–70.

[1] В данной работе под сравнительной группой понимается совокупность архитектурных объектов в зависимости от стиля, функции и т. д.

10. Столович, Л. Н. Эстетическая и художественная ценность: сущность, специфика, соотношение / Л. Н. Столович. – М. : Знание, 1983. – 64 с.

11. Зеленова, С. В. Формирование системы критериев оценки историко-архитектурного наследия в России : дис. ... канд. архитектуры : 18.00.01 / С. В. Зеленова. – Н. Новгород, 2009. – 178 л.

12. Зеленова, С. В. Методика определения категории историко-культурной ценности [Электронный ресурс] / С. В. Зеленова // StudFiles. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/2554266/. – Дата доступа: 05.08.2022.

13. Слабуха, А. В. Установление историко-культурной ценности объектов архитектурного наследия (часть 2): критерии и метод в современной экспертной практике / А. В. Слабуха // Человек и культура. – 2016. – № 6. – С. 9–22. https://doi.org/10.7256/2409-8744.2016.6.20767

14. Szmygin, B. Wartościowanie dziedzictwa w systemie SV – metoda i przykłady zastosowania / B. Szmygin, A. Fortuna-Marek, A. Siwek. – Lublin : Politechnika Lubelska, 2017. – 226 s.

15. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа: http://whc.unesco.org/archive/opguide-rus.pdf. – Дата доступа: 15.05.2022.

References

1. Ruskin J. *The Seven Lights of Architecture*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2007. 320 p. (in Russian).

2. Nara Document on Authenticity. *ICOMOS SPb.* Available at: https://icomos-spb.ru/component/content/archive?year=2013&month=11 (accessed 09.03.2023) (in Russian).

3. Kurashov Y. Y. Criteria for assessing cultural heritage sites: cultural and historical aspect and legal decision. *Akademicheskii vestnik UralNIIproekt RAASN,* 2017, no. 4 (35), pp. 40–44 (in Russian).

4. Smith L. The "patrimonial mirror": narcissistic illusion or multiple reflections? *Voprosy museologii = The Issues of Museology,* 2013, no. 2(8), pp. 27–44 (in Russian).

5. Tsoroev S. S. *Values in the culture of a renewing society as a philosophical and cultural problem*. Ph. D. Thesis. Maykop, 2011. 153 p. (in Russian).

6. Torsello B. Paolo *La materia del restauro.* Venezia, Marsilio, 1988. 207 p.

7. Ikonnikov A. O. About real and imaginary values. *Nashe nasledie* [Our Heritage]*,* 1990, no. 3, pp. 1–4 (in Russian).

8. Dokumenty doktrynalne. *ICOMOS-POLSKA*. Available at: http://icomos-poland.org/pl/dokumenty-doktrynalne.html (accessed 03.08.2022) (in Polish).

9. Kuznetsova H. S. Range of values of architectural monument. *Observatoriya cu'ltury = Observatory of Culture,* 2014, no. 1, pp. 62–70 (in Russian).

10. Stolovich L. N. *Aesthetic and artistic value: essence, specificity, correlation*. Moscow, Znanie Publ., 1983. 64 p. (in Russian).

11. Selenova S. V. *Formation of a system of criteria for assessing the historical and architectural heritage in Russia*. Ph. D. Thesis. Nizhny Novgorod, 2009. 178 p. (in Russian).

12. Zelenova S. V. *Methodology for determining the category of historical and cultural value*. Available at: https://studfiles.net/preview/2554266/ (accessed 05.08.2022) (in Russian).

13. Slabukha A. V. Establishing the historical and cultural value of architectural heritage objects (part 2): criteria and method in modern expert practice. *Chelovek i cu'ltura = Man and Culture,* 2016, no. 6, pp. 9–22 (in Russian).

14. Szmygin B., Fortuna-Marek A., Siwek A. *Wartościowanie dziedzictwa w systemie SV – metoda i przykłady zastosowania* [Heritage valuation in the SV system – method and examples of application]. Lublin, Politechnika Lubelska, 2017. 226 p. (in Polish).

15. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. *UNESCO*. Available at: https://whc.unesco.org/archive/1999/opguide99.pdf (accessed 15.05.2022).

Информация об авторах

Горанская Татьяна Георгиевна – кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник отдела изобразительного и декоративно-прикладного искусства филиала «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tatakot@inbox.ru.

Ничипорович Александра Олеговна – научный сотрудник отдела архитектуры филиала «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nichipor.nao@gmail.com.

Information about the authors

Tatyana G. Goranskaya – Ph. D. (Art History), Associate Professor, Leading Researcher of the Department of fine and decorative arts of the Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after K. Krapiva". Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tatakot@inbox.ru.

Alexandra O. Nichiporovich – Researcher of the Department of Architecture of the Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after K. Krapiva". Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nichipor.nao@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-333-340

Паступіў у рэдакцыю 03.08.2023
Received 03.08.2023

Л. Г. Дуктава

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

МАСТАЦКАЕ ЎВАСАБЛЕННЕ НАЦЫЯНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОДАЎ У БЕЛАРУСКІМ ЭПАСЕ

Аннотация. Художественная картина мира в литературном произведении содержит систему художественных образов, мотивов, отражающих различные аспекты культурных универсалий и имеющих культурные смыслы, транслируемые с помощью культурных кодов. В художественных произведениях могут сочетаться коды разных культур, однако национальные культурные коды направлены на то, чтобы показать ментальные установки, особенности мировоззрения, моделей поведения представителей определенной культуры. Исследуя специфику национальной картины мира, исследователи обращаются к особенностям репрезентации культурных смыслов в рамках диад: «хорошее – плохое», «жизнь – смерть», «мужское – женское», «реальное – идеальное», «Запад – Восток», «свое – чужое», «гармония – дисгармония» и др. Рассмотрены изменения и константы в определении культурных смыслов, выделенных с помощью диад «можно – нельзя», «сейчас – потом», «история – вечность» на примере белорусских эпических произведений первых десятилетий XX в. и рубежа XX–XXI вв.

Сделан вывод о том, что национальные культурные коды выступают носителями глубинных историко-культурных смыслов, через которые проявляются социальные, экономические, геополитические, культурные особенности представителей определенной нации или даже населения государства в целом.

Ключевые слова: культурный код, национальная картина мира, эпос, художественная литература, культурные универсалии, культурные смыслы

Для цитирования: Дуктава, Л. Г. Мастацкае ўвасабленне нацыянальных культурных кодаў у беларускім эпасе / Л. Г. Дуктава // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 333–340. https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-333-340

Liubou G. Duktava

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ARTISTIC EMBODIMENT OF NATIONAL CULTURAL CODES IN THE BELARUSIAN EPIC

Abstract. An artistic picture of the world in a literary work contains a system of artistic images, motifs, reflecting various aspects of cultural universals and having cultural meanings marked with the help of cultural codes. Codes of different cultures can be combined in works of art, but national cultural codes are aimed at showing the specifics of mental attitudes, features of the worldview, and behavior patterns of representatives of a certain culture. Investigating the specifics of the national picture of the world, researchers turn to the peculiarities of the representation of cultural meanings within the framework of dyads: “good – bad”, “life – death”, “male – female”, “real – ideal”, “West – East”, “own – someone else’s”, “harmony – disharmony” and others. The article examines changes and constants in the definition of cultural meanings highlighted with the help of the dyads “possible – impossible”, “now – then” using the example of Belarusian epic works of the first decades of the 20th century and the turn of the 20th and 20th centuries.

It is concluded that national cultural codes act as carriers of deep historical and cultural meanings, through which the social, economic, geopolitical, cultural features of representatives of a certain nation or even the population of the state as a whole are manifested.

© Дуктава Л. Г., 2023

Keywords: cultural code, national picture of the world, epic, fiction, cultural universals, cultural meanings
For citation: Duktava L. G. Artistic embodiment of national cultural codes in the Belarusian epic. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 333–340 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-333-340

Уводзіны. Пры адлюстраванні рэчаіснасці ў літаратурных творах пісьменнікі могуць звяртацца як да культурных кодаў, якія з'яўляюцца значнымі для адной нацыі, так і кодаў розных культур. На наяўнасць агульнай нацыянальнай памяці, адзінай карціны свету ў прадстаўнікоў пэўнай супольнасці і актуальнасць вывучэння культурных сэнсаў звярнулі ўвагу ў сваіх даследаваннях Л. Баткін, М. Бахцін, У. Біблер, Б. Братусь, С. Гусеў, Э. Левінас, Ю. Лотман, А. Ляонцьеў, Дж. Мід, П. Сорокін, А. Маслоу, В. Франкл і інш.

Культурныя сэнсы, у якіх прасочваецца спецыфіка нацыянальнага светапогляду, рэпрэзентаваны ў мастацкай свядомасці з дапамогай культурных кодаў. На гэта звярнулі ўвагу айчынныя навукоўцы: І. Швед у манаграфіі «Дэндралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору» (2004) [1], «Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры» (2019) [2], В. Ляшчынская ў манаграфічным даследаванні «Гастранамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы ежы ў вобразах фразеалагізмаў беларускай мовы» (2022) [3], Я. Грыневіч у цыкле артыкулаў [4–8] і інш. Дадзеныя работы па этналогіі, фальклярыстыцы, мовазнаўстве з'яўляюцца важным падмуркам у даследаванні міфапаэтычных традыцый у сістэме мастацкіх вобразаў у літаратуры.

У літаратуразнаўстве зварот да нацыянальных культурных кодаў пры аналізе тэкстаў прыгожага пісьменства дазваляе вызначыць асаблівасці нацыянальнай светапогляднай пазіцыі, бо адлюстраваныя ў творах літаратуры сэнсы, каштоўнасці, ідэалы, мадэлі паводзін, якія ўпарадкоўваюць свет у свядомасці чалавека і з'яўляюцца важнымі для грамадства ў цэлым, маюць мастацкае ўвасабленне праз вобразы, матывы, канцэпты. Выкарыстанне культурных кодаў пры адлюстраванні рэчаіснасці ў літаратурным творы дазваляе мастаку слова трапна данесці да рэцыпіента пэўныя ідэі, галоўную думку твора. Мэта дадзенага артыкула – вызначэнне асаблівасцей мастацкага ўвасаблення нацыянальных культурных кодаў у беларускай эпічнай літаратурнай спадчыне.

Асноўная частка. Паняцце «культурны код» мае дачыненне да паняцця «карціна свету», пра што сведчаць азначэнні, прапанаваныя шэрагам даследчыкаў. В. Целія адзначае: «Гэты субстрат (культурны код. – *Л. Д.*) уяўляе сабой тую ці іншую сукупнасць культурных уяўленняў пра карціну свету соцыуму – пра прыродныя аб'екты і артэфакты, якія ўваходзяць у яе» [9, с. 226]. М. Талстой, С. Талстая пад кодам культуры разглядаюць «другасную знакавую сістэму, якая выкарыстоўвае розныя фармальныя і матэрыяльныя сродкі для кадзіравання аднаго і таго ж зместу, што ўвогуле зводзіцца да карціны свету, да светапогляду пэўнага соцыуму» [10, с. 5]. Я. Гарадніцкі адзначае, што паняцце «карціна свету» звязана з абазначэннем абагульненага тыпу цэласнага ўспрымання быцця як з боку асобнага чалавека, так і ў дачыненні да пэўнай супольнасці, у тым ліку нацыянальнай: «Карціна свету асацыіруецца перш за ўсё з характарам светабачання, пэўным пунктам гледжання, яна адносіцца да сферы метафізічнага, духоўна-ментальнага. Навуковая, мастацкая, моўная і іншыя карціны свету выяўляюць розныя аспекты ўспрымання, асэнсавання і інтэрпрэтацыі наяўнага быцця і актуалізацыі ў гэтым працэсе суб'ектыўнага фактару» [11, с. 29].

Нацыянальную карціну свету мэтазгодна разглядаць, з аднаго боку, з улікам шэрагу культурных універсалій – норм, правіл і каштоўнасцей, якія ўласцівы ўсім культурам незалежна ад гістарычнага часу, геаграфічнага месца і сацыяльнага ладу грамадства. З другога боку, на ўзроўні зместу, калі гутарка ідзе пра вызначэнне культурных сэнсаў, выяўленне каштоўнасцей, якія маюць як перманентны характар у калектыўнай свядомасці пэўнай групы грамадства, так і могуць трансфармавацца пад уздзеяннем узнікаючых з'яў, падзей, працэсаў. Згодна з тэорыяй Дж. Мердака, культурныя ўніверсаліі датычацца такіх аспектаў, як рэлігійныя ўяўленні, узроставая градацыя (маленства, маладосць, сталасць, старасць), асаблівасці ежы (прыгатаванне, час прыняцця, табу на ежу і інш.), каляндар і святы, наяўнасць інстытута сям'і і шлюбу, спецыфіка хатняй гаспадаркі, асаблівасці мовы і інш.

Культурны сэнс змяшчае ў сабе адносіны суб'екта да ўсведамляемых аб'ектыўных з'яў, можа мець дачыненне як да агульначалавечых уяўленняў, так і трансліраваць спецыфічныя для пэўнай супольнасці ўстаноўкі. Культурныя коды ў творах мастацкай літаратуры занатаваны на ўзроўні моўных сродкаў, а таксама з дапамогай сістэмы вобразаў. Мае рацыю В. Савіцкі: «Побач са слоўнай мовай камуніканты ўжываюць у зносінах коды бязмоўныя, якія маюць вобразную прыроду. Да іх ліку адносяцца сістэмы вобразаў, якія выказваюцца знакамі алегорыка-сімвалічнага характару. Любая этнакультура з'яўляецца складанай семіятычнай сістэмай. Адным з яе элементаў выступаюць вобразы і ўяўленні, якія фарміруюцца з паўсядзённай, прафесійнай, культурнай, рэлігійнай і іншых сфер жыцця чалавека. Выявы, якія ўзнікаюць з пэўных сітуацый, як вербальных, так і невербальных, могуць у далейшым набываць адносную самастойнасць і садзейнічаць стварэнню новых культурных кодаў. Вобразны код – сістэма вобразаў, якія ўваходзяць у этнакультуру, усталяваліся ў практыцы зносін, носяць нарматыўны характар і служаць знакамі фрагментаў рэчаіснасці» [12, с. 69]. Працягваючы думку даследчыка, адзначым, што вызначэнне асаблівасцей этнакультуры спрыяе паўнавартаснаму асэнсаванню нацыянальнай ідэнтычнасці, з якой цалкам звязана паняцце «нацыянальная карціна свету». У такім аспекце культурныя коды з'яўляюцца носьбітамі культурных сэнсаў, датычацца пэўных культурных універсалій, рэпрэзентаваны ў прыгожым пісьменстве з дапамогай мастацкіх вобразаў і матываў.

Пры вызначэнні асаблівасцей нацыянальнай карціны свету даследчыкі звяртаюцца да вызначэння асаблівасцей рэпрэзентацыі культурных сэнсаў у межах дыяд: «добра – дрэнна», «жыццё – смерць», «мужчынскае – жаночае», «рэальнае – ідэальнае», «Захад – Усход», «сваё – чужое», «гармонія – дысгармонія» і інш. А. Вальчук адзначае: «Карціну свету могуць прэзентаваць прасторавыя (верх – ніз, правы – левы, усход – захад, далёкі – блізкі), часавыя (дзень – ноч, зіма – лета), колькасныя, этычныя і іншыя параметры» [13, с. 118].

Для разгляду гэтага пытання ў дыяхранічным аспекце мэтазгодна параўнаць зрухі і канстанты пры вызначэнні культурных сэнсаў, вылучаных з дапамогай пэўных дыяд, у творах розных перыядаў. Уяўляе цікавасць зрабіць такі агляд на прыкладзе беларускіх эпічных твораў першых дзесяцігоддзяў XX ст. і мяжы XX–XXI стст. «Па сутнасці, на пачатку XXI ст. нацыянальнае мастацтва перажывае тую ж абвостраную сітуацыю пошуку ўласнай эстэтычнай, каштоўнаснай, духоўна-маральнай ідэнтычнасці, што і ў першыя дзесяцігоддзі XX ст.», – адзначае І. Шаўлякова-Барзенка [14, с. 8].

А. Белая, аналізуючы эпічныя творы першай трэці XX ст., вылучае асаблівасці рэпрэзентацыі культурных сэнсаў у межах дыяд «можна – нельга», «свой – чужы», «зараз – потым», «добра – дрэнна». Звяртаючыся да разгляду персанажаў твораў М. Зарэцкага (Сымон Карызна з рамана «Вязьмо», Васіля Лясніцкага з рамана «Сцежкі-дарожкі»), даследчыца адзначае: «У дыядзе "можна – нельга" ў пераходны час значна пашыраецца сфера таго, што "можна". <…> Чалавек наважаецца і на значна большую меру сваіх ранейшых учынкаў, і на новыя ўчынкі, не ўласцівыя яму раней. Паводзіны робяцца больш "размашыстымі", імпульсіўнымі», [15, с. 26]. У беларускай эпічнай спадчыне другой паловы XX ст. разгляд пытання скарачэння таго, што «нельга» для чалавека, назіраем у творах В. Быкава (паводзіны Ягора Азевіча («Сцюжа»)), І. Шамякіна (учынкі, на якія здольны Валер'ян Паповіч («Палеская мадонна»)).

Высновы А. Белай адносна зрухаў у дыядзе «свой – чужы» ў беларускіх эпічных творах датычацца нацыянальнага характару: «У мастацкай канцэпцыі асобы беларуса ўласцівая чалавеку дапытлівасць да "чужога" спалучаецца з падазронасцю і насцярожанасцю або нават замяняецца ёю, асабліва ў перыяд "траістай вайны". Пазнейшыя падзеі характарызуюцца ўзрастаннем цікавасці да новых людзей – іх ужо не цураюцца так, як раней. Асабліва гэта відаць у вёсцы, дзе традыцыйна да чужых ставіліся з недаверам» [15, с. 27]. У якасці прыкладу даследчыца звяртаецца да разгляду персанажаў, якія спачатку ўспрымаюцца ў творах як "чужыя", але потым успрымаюцца больш прыхільна і, урэшце, нечакана выяўляюцца "сваімі". Гэта Зелянок з рамана «Вязьмо» М. Зарэцкага, актывістка Рыпіна Скварчук з апавядання «Радо» М. Лынькова, «прыязджая жанадзелка» з рамана «Мядзведзічы» К. Крапівы. У беларускім эпасе мяжы XX – XXI стст. дыяда «свой – чужы» актуалізавалася ў творах на тэму правядзення палітыкі калектывізацыі (раман «Воўчая выспа» К. Цвіркі), тэму вайны і інш.

З дыядай «зараз – потым» звязана ідэя трансфармацый. З дапамогай персанажнага кода адлюстравана пытанне выбару паміж хуткім, лёгкім, хоць недасканалым этычна поспехам і захаваннем стабільнасці, якую магчыма дасягнуць толькі ўпартай працай і захаваннем маральна-этычных арыенціраў. Слушна заўважае А. Белая, характарызуючы працэсы, якія адбываліся ў сацыяльна-эканамічным жыцці ў пачатку XX ст., і іх адлюстраванне ў прыгожым пісьменстве: «Грамадскасць пачынае ўзмоцнена рэагаваць на паведамленні пра нейкія рэкорды ці тэхнічныя дасягненні (трактары, самалёты). Пры ацэнцы тэмпаў і скіраванасці падзей акцэнт робіцца на “зараз”. І яно, у самых розных кантэкстах, робіцца больш прывабным, чым “потым”. Больш дынамічным падзеям аддае перавагу большасць літаратурных асоб. У сацыяльна-этычным плане гэтая тэндэнцыя адлюстравана ў вобразах “закаранелага машыніста” Панкрата Малюжыча (К. Чорны “Сястра”), Андрэя Летуна (М. Лынькоў). У грамадска-палітычным – у вобразах “актывістаў паперы” і “актывістаў дырэктывы”, якія “не зазіраючы далёка, ведалі цвёрда, што жыццё – толькі сёння”. <…> Падобнай мастацкай праекцыі адпавядаюць вобразы-характары “чорнага генія руйнавання” камісара Андрэя (М. Зарэцкі “Сцежкі-дарожкі”), “страшнага калектывізатара” Пацяроба (М. Зарэцкі “Вязьмо”), старшыні сельсавета Харытона Мамчыца (С. Баранавых “Новая дарога”)» [15, с. 28].

У беларускай літаратуры 80–90-х гг. XX ст. дыяда «зараз – потым» таксама характарызуецца выбарам паміж хуткім поспехам і захаваннем стабільнасці і ўстойлівасці ў выніку шэрагу змен. Асноўныя падзеі таго часу знайшлі адлюстраванне на старонках апавяданняў, аповесцей, раманаў В. Казько, І. Шамякіна, В. Карамазава, Б. Сачанкі і інш. Гэта наступствы чарнобыльскай навалы («Эвакуацыя» Н. Рыбік, «Злая зорка» І. Шамякіна, «Сенакос у канцы красавіка» В. Казько, «Краем Белага шляху» В. Карамазава, «Родны кут» Б. Сачанкі, «Зялёныя змеі» П. Місько), вайна ў Афганістане («Зона павышанай радыяцыі» І. Шамякіна), правядзенне палітыкі перабудовы, прыватызацыя, нараджэнне рынкавых адносін («Мушкяцёры» П. Місько, «Палеская мадонна» І. Шамякіна) і інш. У пераломныя моманты чалавек сутыкаецца з выбарам маральна-этычным, сацыяльна-эканамічным, грамадска-палітычным, а таксама з выбарам паміж тым, што можна рабіць зараз, і якія наступствы можна атрымаць потым.

Перад дылемай «зараз – потым» паўстаюць героі аповесці «Палеская мадонна» І. Шамякіна. У творы адлюстраваны час, калі руйнаваўся савецкі маральна-этычны кодэкс, на змену якому прыйшлі новыя грамадскія перакананні: кожны сам за сябе, хто багаты, той і мае рацыю: «Прыйшла перабудова. Пасля – бяскроўны пераварот. Райкамы задралі лапкі ўгору. Зніклі ў адзін дзень. Ні адзін камуніст не выступіў на абарону сваіх штабоў. Былыя гаспадары начальнікі, многія, парабіліся прыватнікамі. Хапалі ўсё, што трапляла пад руку. Дзіўна, што калгасы і саўгасы не расцягнулі. Што ратавала іх? Прыродная сялянская мудрасць? Ці інстынкт самааховы? Не пасеем, не пажнём – што з’ямо?» [16, с. 17]. Героі аповесці паўстаюць перад выбарам паміж «зараз» і «потым»: мець уласную карысць зараз, не звяртаючы ўвагі на грамадскія інтарэсы, і атрымаць ганьбаванне за гэта потым. Пры дапамозе вобраза Паповіча пісьменнік праводзіць думку пра тое, што ў складаных умовах праявіліся і сталі навідавоку фармалісцкія адносіны пэўных прадстаўнікоў савецкай сістэмы да сваёй працы. У аповесці «Палеская мадонна» паказаны два тыпы кіраўнікоў. Да першага з іх адносіцца дырэктар саўгаса, а пазней кіроўца аграфірмы Валер’ян Паповіч, аграном Войцік, якія падчас эканамічных і палітычных змен, што адбыліся ў тагачасным грамадстве, не лічыліся з людзьмі, дбаючы пра ўласныя інтарэсы. Але не толькі з такімі асобамі сустракаецца галоўная гераіня твора Надзея Русак. Выключна станоўча ў аповесці І. Шамякіна паказаны прадстаўнікі вышэйшай улады, якія дапамагаюць жанчыне знайсці яе ўкрадзенага сыночка Юрачку.

У аповесці «Зона павышанай радыяцыі» І. Шамякіна таксама адлюстравана дылема «зараз – потым», пісьменнік ізноў узнімае праблему маральнага выбару: паступіцца сумленнем дзеля ўласнай карысці і «лёгкага шляху» ці захаваць годнасць і супрацьстаяць жыццёвым перашкодам. Паводле стаўлення да ваеннай справы, да чарнобыльскай праблемы антыподамі галоўнаму герою Вятрэнку выступаюць Корсун, Краснеўскі, Молчан, Сімакоў.

У аповесці адлюстравана гісторыя адстаўнога ваеннага, які напрыканцы жыцця застаўся жыць у зоне павышанай радыяцыі. У творы паказаны ключавыя моманты яго біяграфіі, калі

ён сутыкаўся з неабходнасцю пераадольваць лёс. Шматлікія спробы супрацьстаяць жыццёвым абставінам былі асуджаны на правал. Павел Вятрэнка добрасумленна вучыўся ў сталічнай акадэміі і рыхтаваўся паступіць у аспірантуру, але дарогу яму «пераступіў сынок аднаго туза». Быў працавітым і кампетэнтным пры выкананні часовых абавязкаў на пасадзе начальніка ваеннай базы, але на яе прызначылі іншага. З мэтай зберагчы адзінага сына, баявога капітана, добраахвотна адправіўся служыць у Афганістан, але неўзабаве няўмольны лёс вярнуў яго на радзіму як суправаджальніка труны з целам свайго дзіцяці. Аднак ніякія перашкоды не знішчылі ў ім чалавечай годнасці. У вобразе беларускага ваеннага паказаны не зламаны лёсам чалавек, а моцная асоба, здольная не толькі разумець чужы боль і спачуваць, але і прымаць рашэнні і дабівацца іх выканання.

У творы яскрава паказаны асаблівасці нацыянальнага характару. Даследчык этнічнай псіхалогіі У. Крысько адзначае: «Спецыяльныя даследаванні сведчаць: большасці беларусаў уласцівыя такія якасці, як імкненне добрасумленна ставіцца да любой справы, упарта дабівацца пастаўленых мэт, дзелавітасць, павага да парадку, дысцыплінаванасць, даверныя адносіны да людзей, камунікабельнасць, грунтоўнасць, прыстойнасць, сумленнасць. Любая справа ім не ў цяжар. Свае прафесійныя абавязкі яны выконваюць дбайна, з гэтай прычыны беларус уступае ў канфлікт з тымі, хто працуе нядобрасумленна, спрабуе перакласці адказнасць на чужыя плечы» [17, с. 171]. Галоўны герой аповесці праяўляе цярплівасць да розных жыццёвых перашкод, аднак застаецца патрабавальным да сябе і сваіх калег у захаванні афіцэрскага гонару і годнасці ў любых абставінах. Падчас Чарнобыльскай аварыі Вятрэнка добрасумленна ставіцца да вырашэння новых праблем: дзякуючы яго намаганням, людзей пачалі адсяляць з забруджанай тэрыторыі. Сціпласць, добразычлівасць, працавітасць, інтэлігентнасць, упартасць у дасягненні мэты – такія рысы характару паказаны ў вобразе беларускага афіцэра.

У беларускай прозе XX ст. своеасаблівымі энцыклапедыямі нацыянальнага характару беларускага жыцця з'яўляюцца раман «Бацькаўшчына» К. Чорнага, трылогія «Палеская хроніка» І. Мележа, пенталогія «Трывожнае шчасце» І. Шамякіна, аповесць «Знак бяды» В. Быкава, раман «Зубрэвіцкая сага» Я. Сіпакова і інш.

Раман Я. Сіпакова «Зубрэвіцкая сага» – шматпланавы эпічны твор, гімн малой радзіме пісьменніка, а таксама своеасаблівая гісторыя беларускай зямлі, бо ў ім апісаны асноўныя падзеі, якія адбываліся на тэрыторыі сучаснай Беларусі, называюцца гістарычныя асобы, згадваецца шэраг беларускіх гарадоў і мястэчак. Храналагічныя межы рамана: ад старажытных часоў да падзей Другой сусветнай вайны. Пры разглядзе дыяды «гісторыя – вечнасць» у творы адзначым, што ў рамане ў дачыненні да культурных універсалій «тэрытарыяльная агульнасць», «роднасныя сувязі», «рэлігійныя ўяўленні» выкарыстаны персанажны, часавы, касмаграфічны культурныя коды (табліца).

Узаемадачыненне культурных кодаў, культурных універсалій і культурных сэнсаў пры разглядзе дыяды «гісторыя – вечнасць» у рамане Я. Сіпакова «Зубрэвіцкая сага»

Interrelationship of cultural codes, cultural universals and cultural meanings when showing the binary opposition «history – eternity» in the novel «Zubrevitskaya Saga» by Ya. Sipakou

Культурныя ўніверсаліі	Культурныя сэнсы, каштоўнасці	Віды культурных кодаў	Мастацкія вобразы і матывы/архетыпы/тэмы
Тэрытарыяльная агульнасць	Гістарычны шлях, станаўленне дзяржаўнасці	Персанажны	Вобразы вялікіх дзеячаў і герояў мінулага
	Каштоўнасці мінулага, якія звязаны з каштоўнасцямі радзімы	Часавы	Паказ гістарычных падзей
Роднасныя сувязі	Гісторыя сям'і, сувязь пакаленняў	Персанажны	Вобразы родных людзей, продкаў, архетып маці, архетып гаспадара і інш.
Рэлігійныя ўяўленні	Уяўленні аб паходжанні свету. Асаблівасці язычніцкага і хрысціянскага светапогляду	Касмаграфічны	Вобразы багоў, рэлігійныя персанажы

У рамане згаданы імёны вядомых дзеячаў беларускай гісторыі (Вітаўт, Ягайла, Жыгімонт, Свідрыгайла і інш.), персанажны код звязаны з паказам асаблівасцей гістарычнага шляху да станаўлення беларускай дзяржаўнасці. У творы згадваецца шэраг падзей, якія адбываліся на беларускай зямлі ў розныя часы. Разам з тым у цэнтры ўвагі – вёска Зубрэвічы, дзе жыў князь Дзмітрый Зубрэвіцкі (у творы – Мітка Сякіра), ад імя якога вядзецца аповед у рамане: «У стойбішчы на гэтым Кургане ў Войхі і Хуткіх Ног нарадзілася дзесяцёра дзяцей. <…> Ад гэтых дзяцей пайшлі Бус і Бераж, Жыва і Светлавока, Гарабой і Мікаш, Краска і Міланега, якія таксама раджалі нашчадкаў, што зноў жа раджалі спакаемцаў. Ад гэтых першалюдзей нарадзіліся і язычнікі Лютаборг і Дуброўка, Вышата і Купалінка, Дабранег і Людуміла, Позвізд і Галуба, Вышата і Забава, Машэка і Яліна. І яны раджалі і пладзіліся, жылі і весяліліся на той зямлі, якую ж потым самі назавуць Беларуссю. На той зямлі, на якой праз нейкі час з'явіцца Друцкае княства, з'явіцца Орша, з'явіцца двор Зубрэвічы, дзе будзе князяваць Дзмітрый Зубрэвіцкі» [18, с. 17].

Эпічны твор, жанр якога аўтар вызначае як раман-містыфікацыю ў апавяданнях, аб'яднаны расповедам пра гісторыю роду, розныя пакаленні якога сустракаліся з выклікамі часу, спакусамі, турботамі і шчымлівымі момантамі шчасця. Кожная частка (апавяданне) рамана – гэта гісторыя сям'і, гісторыя выбару, з якім сустракаліся прадстаўнікі роду, дэманструючы асаблівасці паводзін у розных сітуацыях. За кожным учынкам знаходзіцца характар, які накладвае адбітак на лёс чалавека. У рамане-містыфікацыі прыгожыя душой героі маюць шчаслівы лёс, нягледзячы на жыццёвыя перашкоды. Гэта паляўнічы Хуткія Ногі, які стаў калекай з-за здрады з боку зайздроснага сябра, гэта маладая жанчына Купалка, якая ледзь не згарэла на ахвярным вогнішчы, і інш. Мастак слова звяртае ўвагу на захаванне такіх традыцыйных каштоўнасцей, як каханне, дзеці, дом, сям'я, шчасце.

Выкарыстанне акцыянальнага, анімалістычнага, астранамічнага, атрыбутыўнага, гастранамічнага, духоўнага, касмаграфічнага, колеравага, лікавага, марбуальнага, метэаралагічнага, персанажнага, прадметнага, прасторавага, расліннага, саматычнага, часавага кодаў у творах прыгожага пісьменства звязана з адлюстраваннем глыбінных гісторыка-культурных сэнсаў, адлюстраваных з дапамогай мастацкіх вобразаў. Напрыклад, прасторавы код у эпічных творах беларускіх аўтараў звязаны з вобразамі і матывамі мяжы, хаты, балота, поля, лесу і інш.; анімалістычны код – з вобразамі бусла, жураўля, зязюлі, ваўка, лася, мядзведзя, каня, каровы і інш.; часавы (каляндарна-храналагічны) код – з паказам гістарычных падзей, свят з народнага календара, жыццёвага шляху чалавека ад нараджэння да смерці.

У беларускай літаратуры і фальклоры адным з ключавых аб'ектаў мастацкай прасторы з'яўляецца мяжа, пра што сведчаць нават сімвалічныя назвы шэрагу эпічных твораў: апавяданне «Быльнікавы межы» К. Чорнага, аповесць «Межы» С. Баранавых, раман-эсэ «Мяжа» А. Федарэнкі і інш. Даследчык І. Чарота адзначае, што прыстунасць матыву мяжы ў беларускай мастацкай свядомасці зусім невыпадковая: «Якраз гэта семантыка (мяжы і пераходнасці. – *Л. Д.*) уласціва ці не большасці вобразаў, шырока і трывала замацаваных: крыніца і курган, маладзік і знічка, груша-дзічка і шыпшына, кажан і зубр» [19, с. 104]. Локус мяжы ў беларускай літаратуры звязаны з шэрагам культурных сэнсаў, рэпрэзентаваных з дапамогай прасторавага, часавага, персанажнага, марбуальнага, духоўнага культурных кодаў. Мае рацыю А. Белая: «Прасторавы вобраз межаў набывае разнастайныя экспрэсіўныя і сэнсава-каштоўнасныя канатацыі, абумоўленыя як яго архетыповай прыродай, так і адметнасцю гістарычнага часу» [15, с. 80]. Мяжа ў геапалітычным сэнсе, на думку даследчыцы, «рэалізуецца ў цеснай сувязі з сімвалічным матывам хваробы (Я. Колас) і рэалістычным матывам кантрабанднай дзейнасці асобных герояў (З. Бядуля, Я. Маўр, Я. Колас, С. Пясецкі)» [15, с. 80]. З дапамогай локуса мяжы мастакі слова рэпрэзентуюць культурныя сэнсы, у якіх зафіксавана сувязь паміж мінулым і сённяшнім днём герояў, сувязь паміж жыццём канкрэтнага чалавека і гісторыяй народа. Акрамя таго, у духоўна-эстэтычным і маральна-этычным ракурсе вобраз мяжы ў беларускай літаратуры першай трэці XX ст. мэтазгодна вылучыць «як адну з эстэтычных мадыфікацый прэцэдэнтнага феномена "дзвюх душ", бо мяжа асэнсоўваецца не толькі востра надзённа, як сацыяльнае зло, што было ўласціва часам Вялікага пералому, а і як "тэрыторыя" гуманістычных каштоўнасцей асобы» [15, с. 81].

Мастацкая карціна свету – люстэрка калейдаскопа розных аспектаў: глабальных працэсаў, якія ўздзейнічаюць на розныя сферы грамадства, нацыянальнай традыцыі, суб'ектыўнага фак-

тару. Мае рацыю даследчыца А. Манкевіч: «Рэцэпцыя глабальнага і прэзентацыя самабытнага ў літаратуры могуць разумецца па-рознаму. З аднаго боку, гэта спосаб адлюстравання пісьменніцкіх ідэй, увасобленых у самабытных вобразах, дэталях, традыцыях, з улікам глабальных, сусветных, агульначалавечых праблем. Тады, па сутнасці, дзейснай і структураўтваральнай дамінантай, асноўным стабілізуючым фактарам літаратурна-мастацкай дзейнасці выступае нацыянальная традыцыя. Менавіта яе стабільнасць і запатрабавальнасць у спалучэнні з асэнсаваннем глабальных праблем літаратуры даюць магчымасць больш глыбокага ўсведамлення яе эстэтычнага патэнцыялу літаратурнай класікі, так і сучаснай мастацкай думкі» [20, с. 3].

Высновы. У творах літаратуры могуць спалучацца коды розных культур, аднак нацыянальныя культурныя коды скіраваны на паказ спецыфікі ментальных установак, асаблівасцей светапогляду, мадэлі паводзін прадстаўнікоў пэўнай культуры. Нацыянальныя культурныя коды выступаюць носьбітамі глыбінных гісторыка-культурных сэнсаў, праз якія праяўляюцца сацыяльныя, эканамічныя, геапалітычныя, культурныя асаблівасці прадстаўнікоў пэўнай нацыі або нават насельніцтва дзяржавы ў цэлым. Літаратуразнаўчы аналіз скіраваны на вызначэнне розных відаў культурных кодаў: акцыянальнага, анімалістычнага, астранамічнага, атрыбутыўнага, гастранамічнага, духоўнага, касмаграфічнага, колеравага, лікавага, марбуальнага, метэаралагічнага, персанажнага, прадметнага, прасторавага, расліннага, саматычнага, часавага. Даследаванне культурных кодаў праз вызначэнне сістэмы нацыянальных вобразаў у прыгожым пісьменстве можа стаць падмуркам для вызначэння асаблівасцей нацыянальнага характару, ментальных установак і фарміравання грамадскай думкі ў дачыненні да шырокага кола пытанняў грамадска-палітычнага, сацыяльна-эканамічнага, маральна-этычнага характару.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Швед, І. А. Дэндралагічны код беларускага традыцыйнага фальклору / І. А. Швед. – Брэст : БрДУ, 2004. – 301 с.
2. Швед, І. А. Арніталагічны код беларускай традыцыйнай духоўнай культуры / І. А. Швед. – Брэст : БрДУ, 2019. – 289 с.
3. Ляшчынская, В. А. Гастранамічны код культуры беларусаў. Стэрэатыпы ежы ў вобразах фразеалагізмаў беларускай мовы / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2022. – 272 с.
4. Грыневіч, Я. І. Арніталагічны код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі : [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2015. – Вып. 18. – С. 216–223.
5. Грыневіч, Я. І. Метэаралагічны код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі : [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2016. – Вып. 20. – С. 307–313.
6. Грыневіч, Я. І. Каляндарна-храналагічны код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі фальклярыстыкі : [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2015. – Вып. 19. – С. 201–208.
7. Грыневіч, Я. І. Лічбавы код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання : зб. навук. прац удзельнікаў VIII Міжнар. навук. канф. (Мінск, 25–27 крас. 2014 г.) / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў [і інш.] ; рэдкал.: В. Р. Языковіч [і інш.]. – Мінск, 2014. – С. 82–84.
8. Грыневіч, Я. І. Саматычны код беларускіх пазаабрадавых лірычных песень / Я. І. Грыневіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі : [зб. арт.] / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск, 2014. – Вып. 16. – С. 184–190.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – 288 с.
10. Толстой, Н. И. О словаре «Славянское древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности : этнолингвист. слов. : в 5 т. / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения и балканистики. – М., 1995. – Т. 1. – С. 5–14.
11. Гарадніцкі, Я. А. Літаратура як мастацтва: камунікатыўнасць, інтэрмедыяльнасць, наратыўнасць / М. Я. Гарадніцкі. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 401 с.
12. Савицкий, В. М. Культурные коды: сущность, состав и функционирование в процессе общения / В. М. Савицкий // Дискурс проф. коммуникации. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 68–77. https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-4-68-77
13. Вальчук, А. В. Этнакультурныя канцэпты ў беларуска-іспанскім літаратурным дыскурсе / А. В. Вальчук // Паэтыка літаратурных сувязей / У. В. Гніламедаў [і інш.] ; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, М. У. Мікуліч. – Мінск, 2017. – С. 113–176.
14. Шаўлякова-Барзенка, І. Л. Проза / І. Л. Шаўлякова-Барзенка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя : у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ. ; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў, С. С. Лаўшук. – 2-е выд. – Мінск, 2015. – Т. 4, кн. 3. – С. 8–35.

15. Белая, А. Абрысы роднага. Нацыянальныя локусы культуры ў беларускай прозе «эпохі рубяжа» / А. Белая. – Баранавічы : БарДУ, 2015. – 206 с.

16. Шамякін, І. Збор твораў : у 23 т. / І. Шамякін ; падрыхт. тэкстаў і камент. Л. Дуктавай. – Мінск : Маст. літ., 2011. – Т. 7 : Аповесці, 1996–1998. – 503 с.

17. Крысько, В. Г. Этническая психология : учеб. пособие / В. Г. Красько – 4-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 313 с.

18. Сіпакоў, Я. Зубрэвіцкая сага: раман у апавяданнях / Я. Сіпакоў. – Мінск : Літ. і Маст., 2010. – 328 с.

19. Чарота, І. Пошук спрадвечнай існасці: беларуская літаратура XX стагоддзя ў працэсах нацыянальнага самавызначэння / І. Чарота. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – 159 с.

20. Беларуская літаратура XX–XXI стст.: рэцэпцыя глабальнага і прэзентацыя самабытнага / З. У. Драздова [і інш.] ; навук. рэд. А. А. Манкевіч. – Мінск : Беларус. навука, 2023. – 413 с.

References

1. Shved I. A. *Dendrological code of Belarusian traditional folklore.* Brest, Brest State University, 2004. 301 p. (in Belarusian).

2. Shved I. A. *Ornithological code of Belarusian traditional spiritual culture.* Brest, Brest State University, 2019. 289 p. (in Belarusian).

3. Lyashchynskaya V. A. *Gastronomic code of Belarusian culture. Stereotypes of food in the images of phraseological units of the Belarusian language*. Minsk, Republican Institute of Higher Education, 2022. 272 p. (in Belarusian).

4. Grynevich Ya. I. Ornithological code of Belarusian extra-ritual lyrical songs. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of art history, ethnology and folkloristic]. Minsk, 2015, vol. 15, pp. 216–223 (in Belarusian).

5. Grynevich Ya. I. Meteorological code of Belarusian extra-ritual lyrical songs. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of art history, ethnology and folkloristic]. Minsk, 2016, vol. 20, pp. 307–313 (in Belarusian).

6. Grynevich Ya. I. Calendar-chronological code of Belarusian lyrical songs. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of art history, ethnology and folkloristic]. Minsk, 2007, vol. 19, pp. 201–208 (in Belarusian).

7. Grynevich Ya. I. Digital code of Belarusian extra-ritual lyrical songs. *Autentychny fal'klor: prablemy zakhavannya, vyvuchennya, usprymannya: zbornik navukovykh prats udzel'nikau VIII Mizhnarodnai navukovai kanferentsyi (Minsk, 25–27 krasavika 2014 g.)* [Authentic folklore: problems of preservation, study, perception: collection of scientific papers of the participants of the VIII International scientific conference (Minsk, April 25–27, 2014)]. Minsk, 2014, pp. 82–84 (in Belarusian).

8. Grynevich Ya. I. Somatic code of Belarusian extra-ritual lyrical songs. *Pytanni mastatstvaznaustva, etnalogii i fal'klarystyki* [Questions of art history, ethnology and folkloristic]. Minsk, 2015, vol. 16, pp. 184–190 (in Belarusian).

9. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects.* Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p. (in Russian).

10. Tolstoi N. I., Tolstaya S. M. About the dictionary "Slavic antiquity". *Slavic ancients: ethnolinguistic dictionary. Vol. 1.* Moscow, 1995, pp. 5–14 (in Russian).

11. Garadnitski Ya. A. *Literature as art: communicativeness, intermediality, narrativity.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2014. 401 p. (in Belarusian).

12. Savitsky V. M. Cultural codes: essence, structure and functioning in the process of communication. *Duskurs professional'noi kommunikatsii = Professional Discourse & Communication*, 2019, vol. 1, no. 4, pp. 68–77 (in Russian). https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-4-68-77

13. Val'chuk I. V. Ethnocultural concepts in the Belarusian-Spanish literary discourse. *Paetyka litaraturnykh suvyazei* [Poetics of literary connections]. Minsk, 2017, pp. 113–176 (in Belarusian).

14. Shaulyakova-Barzenka I. L. Prose. *History of Belarusian literature of the 20th century. Vol. 4, book 3*. 2nd ed. Minsk, 2015, pp. 8–35 (in Belarusian).

15. Belaya A. *Outlines of the native: National loci of culture in the Belarusian prose of the "frontier era".* Baranavichi, Baranovichi State University, 2015. 206 p. (in Belarusian).

16. Shamyakin I. *Collection of works. Vol. 7.* Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2011. 503 p. (in Belarusian).

17. Krys'ko V. G. *Ethnic psychology.* 4nd ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 313 p. (in Russian).

18. Sipakou Ya. *Zubrevitskaya saga: a novel in stories.* Minsk, Litaratura i Mastatstva Publ., 2010. 328 p. (in Belarusian).

19. Charota I. *The search for ancient existence: Belarusian literature of the 20th century in the process of national self-determination.* Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995. 159 p. (in Belarusian).

20. Mankevich A. A. (ed.). *Belarusian literature of the 20th–21th centuries: reception of the global and presentation of the original.* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2023. 413 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Дуктова Любовь Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: docent2020@yandex.ru

Information about the author

Liubou G. Duktava – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: docent2020@yandex.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 330.341.4
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-341-352

Поступила в редакцию 25.05.2023
Received 25.05.2023

Т. А. Тетеринец

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РУРАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Аннотация. Концептуальная модель рурализации человеческого капитала формирует общие и единые подходы к управлению его развитием, способствующие повышению уровня концентрации аграрного человеческого капитала в разрезе сельских территорий. Платформой ее практической реализации выступает организационно-экономический механизм приращения человеческого капитала, основанный на диверсификации занятости, мотивации трудовой и творческой активности населения и цифровизации сельских территорий с учетом сложившихся пространственных социально-экономических неравенств. Последние формируют основы типологизации аграрных регионов вследствие особенностей природно-сельскохозяйственных зон, освоенности сельских территорий, характера и интенсивности расселения населения, обеспеченности человеческим ресурсами, демографической и гендерной структуры жителей, социально-экономического потенциала пространственной экономики, состояния инфраструктуры сельских территорий, образа жизни, исторических и культурных традиций, менталитета. Формирование теоретического базиса, систематизация методологических принципов, выявление социально-экономических закономерности образуют основы руралистической концепции концентрации человеческого капитала. Такой подход основан на поэтапном развитии прилегающих (первичных) территорий, преобразование которых впоследствии будет создавать предпосылки модернизации совокупной инфраструктуры так называемой, вторичной местности. Данное явление можно охарактеризовать как «обратную волну» трудовой миграции населения, действие которого также найдет отражение в сосредоточении человеческого капитала в аграрных регионах. Таким образом, комплексный механизм создания благоприятных условий проживания, модернизации социально-экономической инфраструктуры, расширения видовой номенклатуры аграрных производств и перечня услуг, углубления диверсификации занятости сельского населения формирует эмпирику концепции рурализации человеческого капитала.

Ключевые слова: рурализация, концепция, человеческий капитал, сельские территории, организационно-экономический механизм, направления

Для цитирования: Тетеринец, Т. А. Концептуальные направления рурализации человеческого капитала / Т. А. Тетеринец // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2023. – Т. 68, № 4. – С. 341–352. https://doi.org/ 10.29235/2524-2369-2023-68-4-341-352

Tatsiana A. Tsetsiarynets

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

CONCEPTUAL TRENDS IN THE RURALIZATION OF HUMAN CAPITAL

Abstract. The conceptual model of human capital ruralization forms common and unified approaches to the management of its development, contributing to an increase in the level of concentration of agrarian human capital in the context of rural areas. The platform for its practical implementation is an organizational and economic mechanism of human capital increase, based on the diversification of employment, motivation of labor and creative activity of the population and digitalization of rural areas, taking into account existing spatial socio-economic inequalities. The latter form the basis for the typology of agrarian regions due to the features of natural and agricultural zones, the development of rural areas, the nature and intensity of population settlement, the availability of human resources, the demographic and gender structure of residents, socio-economic potential of the spatial economy, the state of infrastructure in rural areas, lifestyle, historical and cultural traditions and mentality. The formation of the theoretical basis, the systematization of methodological principles, and the identification of socio-economic regularities form the basis of the ruralistic concept of human capital concentration. This approach is based on the stage-by-stage development of adjacent (primary) territories, the transformation of which will subsequently

© Тетеринец Т. А., 2023

create prerequisites for the modernization of the aggregate infrastructure of the so-called secondary area. This phenomenon can be characterized as a "reverse wave" of labor migration, the effect of which will also be reflected in the concentration of human capital in the agrarian regions. Thus, the complex mechanism of creating favorable living conditions, modernization of socio-economic infrastructure, expansion of the type range of agrarian productions and the list of services, deepening of diversification of employment of rural population forms the empirics of the concept of human capital ruralization.

Keywords: ruralization, concept, human capital, rural areas, organizational and economic mechanism, trends

For citation: Tsetsiarynets T. A. Conceptual trends in the ruralization of human capital. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2023, vol. 68, no. 4, pp. 341–352 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2023-68-4-341-352

Введение. Центральным звеном современных концептуальных подходов к управлению человеческим капиталом является организационно-экономический механизм, обеспечивающий его устойчивое формирование с целью развития человеческого потенциала. Платформой практической реализации системы агроменеджмента выступают способы и направления капитализации человеческого потенциала, обусловленные инвестиционной привлекательностью профессиональной деятельности, возможностями самореализации и саморазвития личности, творческой и инновационной насыщенностью труда, уровнем развития инфраструктуры. Величина человеческого капитала, выражаемая мультипликативным эффектом взаимодействия вышеназванных факторов, определяется как скоростью увеличения производительности аграрного сектора, так и темпами приращения инноваций, приобретающих форму нового знания [1–3].

Концентрация человеческого капитала в аграрной сфере экономики обусловливается не только сосредоточением в этом сегменте наиболее квалифицированных и профессиональных кадров, но и совмещением других видов капитала, принимающих финансовую и материально-техническую формы проявления. Их эффективное использование обеспечивает прогрессивное развитие аграрного сектора, выражаемое расширением и интенсификацией производства, созданием новых рабочих мест, улучшением инфраструктуры сельских территорий. Перманентное накопление человеческого капитала в производственном блоке будет способствовать расширению границ его трансфера посредством региональных и межрегиональных коммуникаций его представителей, в последующем принимающих концентрированную форму аграрно-территориальных сообществ. В рамках данного процесса осуществляются увеличение объемов и интенсивности трудовых и территориальных миграционных потоков населения, его разнонаправленное замещение и восполнение, принимающее форму расширенного воспроизводства человеческого капитала [4–6]. Таким образом, складывающиеся социально-экономические предпосылки трудовой миграции населения и вовлечения все большей его части в сферу трудовых отношений способствуют образованию концептуальной модели рурализации человеческого капитала в аграрных регионах.

Цель работы – совершенствование концептуальных подходов управления развитием аграрного человеческого капитала в современных условиях трансформации аграрного сектора.

Аграрно-территориальные сообщества как форма концентрации человеческого капитала. Проецируя отмеченный теоретический подход в плоскость территориально-отраслевого среза генерирования и накопления человеческого капитала, становится возможным выделение аграрно-территориальных сообществ (АТС), под которыми следует понимать формальное и неформальное объединение людей, не имеющих ярко выраженных пространственных локаций, объединенных общностью групповых интересов повышения капитализации человеческого потенциала в аграрной сфере.

Теоретическую основу формирования АТС составляет введенный в научный оборот термин «социальная макрогруппа, под которой понимается объединение людей со специфической ролью в экономической деятельности, ориентированное на реализацию групповых и личных интересов членов социально группы с использованием формальных и неформальных норм (институтов) и обладающее влиянием, которое позволяет ему участвовать в определении специфики монетарной, фискальной и институциональной политики, влиять на основные макроэкономические пропорции, существенно корректировать финансовые потоки в экономике» [7]. Как отмечает А. И. Лученок, генеральными интересами социальных макрогрупп являются создание и распределение валовой добавленной стоимости, рост благосостояния членов группы за счет обеспе-

чения бесперебойности кругооборота финансовых ресурсов, формирование комплиментарного имиджа, стремление к самореализации [8, с. 26–27]. Несмотря на то что большая доля участников аграрно-территориальных сообществ сконцентрирована в разрезе сельских территорий, часть из них находится за ее пределами и сосредоточена в социальном сегменте, формирующем объективные предпосылки устойчивого приращения человеческого капитала. Исходя из этого, аграрно-территориальные сообщества не имеют четкой территориальной принадлежности и принимают естественное участие в деятельности формальных и неформальных социальных институтов, тем самым обеспечивая повышение капитализации человеческого потенциала.

Теоретико-методологические основы формирования аграрно-территориальных сообществ носят импликативный характер и обусловлены следующими социально-экономическим обстоятельствами:

1) территориальной дифференциацией городского и сельского населения, характеризующейся демографическими особенностями, условиями жизнедеятельности, состоянием социальной и производственной инфраструктуры, менталитетом и культурно-нравственными отличиями;

2) многономенклатурным составом сельского населения, сложившаяся демографическая структура которого, уровень образования, направленность занятости, возможности получения доходов и диверсификация заработков, перспективы и осуществимость получения дополнительного образования, переобучения, а также доступность получения различного рода информации существенно отличаются от городских жителей;

3) отсутствием отчетливых пространственных локаций, обусловленных плотностью коммуникации, кооперации и интеграции межтерриториального взаимодействия АТС вследствие тесного сотрудничества производственных и научно-образовательных организаций, объектов социальной инфраструктуры, большая часть которых расположена за пределами сельских населенных пунктов;

4) общностью групповых интересов, определяемой территориальной целостностью сельских территорий и сопряженностью действий, оказывающих влияние на формирование валового регионального продукта сельских территорий;

5) наличием формальных и неформальных взаимосвязей участников аграрно-территориальных сообществ, формирующих нематериальную основу функционирования сельскохозяйственного сектора и генерирующих развитие несельскохозяйственных направлений занятости местного населения;

6) усилением институтов неформального сотрудничества сельского населения посредством активизации трансфера знаний и опыта в контексте накопления человеческого капитала.

Территориальная проекция рассредоточения сельского населения формирует исходную теоретико-методологическую основу анализа тенденций институциональных трансформаций человеческого капитала в аграрных регионах. По состоянию на конец 2022 г. более чем в 10 % районах республики численность сельского населения составляет менее четверти численности жителей, что значительно превышает количество административных территорий, в которых удельный вес местного населения более 78 %[1]. Практически повсеместно наблюдается факт приграничного сопряжения территорий плотной и низкоконцентрированной заселенности сельским населением при одновременной малоподвижной диффузии сельского населения в рамках прилегающей местности.

Отдельного внимания заслуживает анализ ситуации, сложившейся в Минской области, в которой вектор выявленных тенденций имеет обратную направленность. В целом в исследуемом периоде прирост численности сельского населения составил 2,9 % (почти 19 тыс. чел.), в то время как городское сократилось на 0,3 %, или 2624 человека. Сложившаяся ситуация обусловлена прогрессивным увеличением количества аграрных жителей в районах, находящихся в непосредственной близости от столицы, и на территории которых расположены крупные агропромышленные объекты. В числе таковых можно выделить Минский и Пуховичский районы, в которых численность сельского населения возросла на 1,1 и 0,9 % соответственно.

[1] Регионы Республики Беларусь, 2022 (Том 1) [Электронный ресурс] // Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_57492. – Дата доступа: 27.12.2022.

Следует констатировать тот факт, что изменение численности занятого сельского населения в Минском регионе хоть и отмечается положительной динамикой, однако увеличивалось не столь интенсивно: в 2015–2022 гг. прирост этого показателя составил 1 тыс. чел., или 0,4 %. Опережающее увеличение общего количества сельских жителей, в сравнении с численностью занятых в регионе, обусловило сокращение их удельного веса в исследуемой области. Наряду с общей динамикой старения сельского населения выявленные тенденции свидетельствуют о его территориальной миграции, сущность которой проявляется в перемещении в центр наиболее работоспособных жителей, а периферийная часть района замещается людьми старшего возраста.

Расселение и численный состав местных жителей непосредственно оказывают влияние на его занятость, которая выступает квалитативным маркером приращения стоимости человеческого капитала. Анализ статистических данных отражает наличие противоречивых тенденций: практически во всех областях Беларуси отмечается снижение численности занятых в регионах при одновременном увеличении ее удельного веса в общей величине сельского населения. Это свидетельствует о том, что в условиях демографической компрессии аграрного социума отмечается условное приращение его качественных характеристик, выражаемых накоплением человеческого капитала.

В условиях интенсивного сокращения численности сельского населения, а также количества занятых экспоненциально увеличивается спрос на территориальных рынках труда не только на высокопрофессиональную и многопрофильную рабочую силу, но и кадры рабочих специальностей. В сложившейся ситуации запаздывания темпов автоматизации и роботизации сельскохозяйственного производства по сравнению с возрастанием необходимости увеличения его объемов вопросы рурализации как одного из направлений аккумуляции человеческого капитала выходят на передний план.

Концептуальные основы рурализации человеческого капитала. Лоцирование миграционных трендов сельского населения Беларуси актуализирует поиск решений, способствующих его притоку в аграрные регионы. Инновационный вектор развития отрасли выдвигает на передний план задачу повышения эффективности использования человеческих ресурсов как приоритетного фактора роста производительности сельскохозяйственного сектора экономики. Компиляция отмеченных проблем позволяет сделать вывод о необходимости выработки стратегических и тактических мер, обеспечивающих перманентное приращение человеческого капитала в аграрной сфере. По мнению широкого круга исследователей, одной из таковых в сложившихся условиях демографического дисбаланса является рурализация.

Данный процесс является сравнительно новым для белорусской экономики и на данном этапе не получил широкого распространения в отечественных научных изданиях. В дополнение к этому в публикациях различных авторов отсутствует единое мнение относительно предметной области исследования данного понятия. Часть авторов дистанцируют понятие рурализации и территориальной дифференциации, рассматривая в качестве объекта исследования первой из них всю экономическую систему [9–10]. Некоторые исследователи под рурализацией преимущественно понимают комплекс мер, мероприятий и механизмов устойчивого развития сельских территорий [11–12]. Другие рассматривают этот процесс исключительно с позиции территориальной миграции населения, синонимируя это понятие с рурбанизацией, дурбанизацией, конурбацией [13–16]. Такой подход кажется не совсем правомерным, что объясняется целеполаганием движения населения, ориентированным на увеличение концентрации человеческого капитала в той или иной местности. Понятие «рурбанизация» и схожие с ним определения отражают в большей степени территориальную миграцию людей, обусловленную неудовлетворенностью экологической обстановкой в городах, перенаселенностью и прочими субъективными факторами, оказывающими влияние на этот процесс.

Фрагментарность освещения предмета исследования процесса рурализации актуализирует задачу ее дальнейшего теоретико-методологического изучения с целью формирования нового концептуального подхода управления развитием аграрного человеческого капитала. Сквозь призму такого понимания рурализация подразумевает перемещение населения, материальных и нематериальных факторов производства в сельские регионы, распространение аграрного образа

14. Ovchintseva L. A. New villagers: motives and factors for moving from urban to rural areas. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 296–310 (in Russian). https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-2-296-310

15. Pavlov A. Ruralization: matter, emergence, classification. *Nauka i innovatsii = Science and Innovation*, 2017, no. 12, pp. 31–35 (in Russian).

16. Lee E. S. A theory of migration. *Demography,* 1966, vol. 3, no. 1, pp. 47–57. https://doi.org/10.2307/2060063

17. Merzlov A. V., Vorontsova N. V., Panov D. V., Serezhkin D. A. The potential of ruralization in the modern world. *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal = International Scientific Journal*, 2022, no. 1 (82), pp. 72–80 (in Russian). https://doi.org/10.34286/1995-4638-2022-82-1-72-80

18. Berezhnoy A. V., Shichiyakh B. Z. Promoting rralization in development rural territories of the Krasnodar region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-Humanitarian Studies], 2022, no. 42 (4), pp. 52–59 (in Russian).

19. Semin A. N. Rurbanization and ruralization as a factor in the successful development of non-urbanized territories in Russia. *Vestnik Natsional'nogo instituta biznesa = Bulletin of the National Institute of Business*, 2022, no. 1 (45), pp. 20–24 (in Russian).

20. Kostyaev A. I. To the question about the paradigm of development of rural territories. *Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka = Agricultral Science Euro-North-East*, 2018, vol. 67, no. 6, pp. 141–148 (in Russian). https://doi.org/10.30766/2072-9081.2018.67.6.141-148

21. Kostyaev A. I., Nikonova G. N. Institutional and social aspects of land concentration and production in agroholding. *Rossiiskii elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Russian Electronic Scientific Journal]*,* 2018, no. 2 (28), pp. 8–47 (in Russian). https://doi.org/10.31563/2308-9644-2018-28-2-8-47

22. Ward N., Lowe P., Murdoch J. Beyond endogenous and exogenous models: networks in rural development. *Beyond modernisation: the impact of endogenous rural development*. Van Gorcum, 1995, pp. 87–105.

23. Murdoch J., Pratt A. C. Rural studies: modernism, postmodernism and the "post-rural". *Journal of Rural Studies,* 1993, vol. 9, no. 4, pp. 411–427. https://doi.org/10.1016/0743-0167(93)90053-m

24. Kurnosova N. S. Developing the strategy of informatization for agriculture. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Vestnik of the Voronezh State Agrarian University*, 2018, no. 2 (57), pp. 166–173 (in Russian). https://doi.org/10.17238/issn2071-2243.2018.2.166

25. Parkhomov E. A. Indicative planning of social and economic development rural territory. *Nauchnyi al'manakh = Scientific Almanac*, 2019, no. 11-1 (61), pp. 60–63 (in Russian).

26. Kharitonov N. M. *Problems and prospects of socio-economic development of rural areas: a regional aspect*. Moscow, Publication of the State Duma, 2021. 320 p. (in Russian).

Информация об авторе

Тетеринец Татьяна Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент, ученый секретарь. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: talad79@mail.ru. https://orcid.org/orcid-search/search?searchQuery=0000-0003-1058-4110

Information about the author

Tatsiana A. Tsetsiarynets – Ph. D. (Econ.), Associate Professor, Scientific Secretary. Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: talad79@mail.ru. https://orcid.org/orcid-search/search?searchQuery=0000-0003-1058-4110